

Н.С. Уртегешев, И.Я. Селютина,
А.А. Добринина, Т.Р. Рыжикова

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ
ТРАНСФОРМАЦИИ
В АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМАХ
ТЮРКСКОГО ГЛАГОЛА**

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Н. С. Уртегешев, И. Я. Селютина,
А. А. Добрина, Т. Р. Рыжикова

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМАХ
ТЮРКСКОГО ГЛАГОЛА**

Ответственный редактор
доктор филологических наук И. В. Шенцова

Новосибирск
Академиздат
2021

УДК 811.512.16:81'34+81'367.625
ББК 81.63:81.051+81.052

*Утверждено к печати Ученым советом Института филологии
Сибирского отделения Российской академии наук*

*Исследование выполнено в рамках проекта Института филологии СО РАН
«Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего
Востока: фольклор, литература, язык» по гранту Правительства РФ
для государственной поддержки научных исследований, проводимых
под руководством ведущих ученых (соглашение № 075-15-2019-1884)*

Рецензенты:

д-р филол. наук Л. А. Шамина, канд. филол. наук Н. Н. Федина,
канд. филол. наук С. Б. Сарбашева

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р. Фонетические трансформации в аналитических формах тюркского глагола / Отв. ред. д-р филол. наук И. В. Шенцова. Ин-т филологии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук. – Новосибирск: Академиздат, 2021. – 252 с.

ISBN 978-5-6047046-4-6

Результаты сопоставительного исследования фонетических трансформаций глагольных аналитических конструкций в двух репрезентациях алтае-саянских тюркских вербальных культур – в языках и фольклоре – свидетельствуют о типологической общности структурных преобразований, детерминированной заложенным в генетической памяти этносов единым региональным архетипом. Однако в эпосе скорость фонетических модификаций замедляется вследствие стереотипности, традиционности, формульности, сохранения языковой архаики, обусловленных сакральностью эпической традиции.

Монография предназначена для специалистов по языкам коренных народов Сибири, общей и экспериментальной фонетике, для типологов, а также для этнографов-сибиреведов.

© ИФЛ СО РАН, 2021

ВВЕДЕНИЕ

Цель данного исследования – выявление специфики фонетических преобразований в процессе синтеза глагольных аналитических конструкций (ГАК) в южносибирских тюркских языках в сопоставлении с языком фольклора, определение уникальности этих трансформаций как компоненте культурного кода этноса.

В работе на основании анализа фонотактических модификаций, реализующихся в звуковых оболочках ГАК в тюркских языках алтае-саянского региона, рассматривается проблема универсалий культуры в её вербальной форме, определяется роль артикуляционно-акустической базы в формировании культурной специфики этноса.

Вербальная культура имеет «три пласта “глубины”»: язык, фольклор и художественную литературу, а также этнотерриториальное положение, связывающее ее с соседними культурами (территориальный аспект), генетически и типологически близкими культурами (этноструктурный аспект)». Главная особенность, определяющая все три формы словесности, – изначальная знаковая природа [Дампилова и др. 2020: 14].

Универсалии культуры – это общие характеристики, некие варианты, присущие всем культурам на всех этапах развития независимо от их локализации, исторического периода и социального устройства общества.

Для современной гносеологической парадигмы свойственно стремление «к рациональной экспликации универсалий культуры, ... их интерпретация в категориях “картины мира”, трактуемой как языковая метасистема» [Зубарева 2010: 3].

Язык как базовая вербальная форма, элементарный код – одна из основных составляющих культуры, представляющая собой сложноорганизованную многоуровневую двустороннюю сущность, имеющую план выражения и план содержания. Каждый

ярус языка имеет свою систему лингвистических универсалий: универсалии фонетические, грамматические (морфологические, синтаксические), семантические.

Лингвистические универсалии – это языковые явления (свойства, характеристики, отношения, процессы), имеющие место во всех языках мира. В исследованиях по лингвистике универсалий основным объектом являются по преимуществу универсалии фонико-фонологического характера, поскольку фонология имеет стратегическое значение для формирования методологии общественных наук. Принципы описания, сформулированные в фонологии, используются не только при изучении различных ярусов языка, но и в процессе анализа системно организованных объектов гуманитарного знания.

Артикуляционно-акустическая база (ААБ) как система произносительных навыков и их акустических коррелятов, свойственная этносу и через этнос – языку, не являлась ранее предметом непосредственного анализа в исследованиях лингвистических универсалий. Вместе с тем, простое логическое заключение о том, что ААБ – основная составляющая любого языка как средства вербальной коммуникации, непреложное условие осуществления процессов речепроизводства и речевой перцепции, позволяет выдвинуть дедуктивную универсалию о том, что всякому языку свойственна своя артикуляционно-акустическая база. Это теоретическое допущение подтверждается индуктивно всеми реально существующими и известными науке языками.

Актуализация теории ААБ как информационного источника в области культурной антропологии возможна лишь при достаточной разработанности типологической классификации артикуляционно-акустических баз, основанной на корректном и всестороннем описании потенциальных доминант – определяющих артикуляционных настроек в единстве с их акустическими соответствиями. Представленная в работе сетка фонологических оппозиций впервые постулируется как универсалия, абстрактный инвариантный конструкт, реализующийся в конкретных языках в спе-

цифичных артикуляционно-базовых системах, каждая из которых характеризуется своим уникальным пучком корреляций и модусов, является одним из маркеров культурно-языковой идентичности.

В свете концептуальных тенденций новейшего времени к рациональной экспликации, толкованию универсалий культуры, «особую актуальность приобретают внутрисистемные и межсистемные исследования, направленные на выявление способов реализации универсальных закономерностей не только общекультурного, но специально-лингвистического порядка» [Зубарева 2010: 3].

К числу таких работ относится и данное исследование, в котором фонетические трансформации одной из грамматических категорий – глагольных аналитических конструкций – рассматриваются как внутрисистемно, в рамках конкретных современных южносибирских тюркских стандартных языков, так и в сопоставительно-типологическом аспекте для выявления общих межсистемных универсальных тенденций и единичных закономерностей.

Кроме того, ставится задача анализа фонетических паттернов деепричастных аналитических конструкций, реализующихся в языках героического эпоса, выявления модификаций звукового облика ГАК в тексте фольклора и специфики их проявления на фоне литературных и разговорных языков. В работе проводится последовательное сравнение способов конкретной реализации лингвистических универсалий фонико-фонологического характера в двух ипостасях вербальных культур различных этносов с целью выявления универсального в уникальном и поиска уникальности модификаций универсального.

Таким образом, в монографии делается попытка разработки подходов к созданию общей модели вербальной культуры, отражающей как взаимодействие двух форм словесности одного этноса – языка и фольклора, так и инвариантные, прототипические характеристики вербальных традиций разных этносов, генетически и территориально близких.

Предлагаемая разработчиками проекта «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» концепция мифологемы как культурной универсалии, представленной в виде инвариантного семантического конструкта с потенциально бесконечным множеством реализаций, имеющего важную семиотическую природу и обладающего воспроизводимостью, может быть использована как инструмент описания различных феноменов вербальной практики и вербальной культуры. Мифологема является категорией, заключающей в себе идею соединения плана выражения и плана содержания, важной для вербальных практик и соотносимой с понятиями концепта в лингвистике, культурного кода в фольклористике и мотива / сюжета в литературоведении [Дампилова и др. 2020: 16, 19].

Принимая во внимание знаковую двустороннюю сущность языка, артикуляционно-акустическую базу в статусе культурной универсалии следует рассматривать как инвариантный субстанциональный конструкт, реализующийся в акте коммуникации во множестве вариантов, обусловленных причинами как генетического, типологического, ареального характера, так и имманентными языковыми законами позиционного и комбинаторного варьирования, а также индивидуальными особенностями произношения. Звуки речи, не имеющие самостоятельного значения, но участвующие в формировании смысла в составе звуковых оболочек значимых единиц языка – морфем и словоформ, служат материальной базой для реализации семиотической природы различных форм словесности.

Поиски ученых, направленные на рациональное разъяснение универсалий культуры, приводят к заключению о том, что «теперь уже недостаточно открыть основные законы и понять, как работает мир “в принципе”. Все более и более важным становится выяснение того, каким способом эти принципы проявляют себя в реальности. Самые точные фундаментальные законы действуют в реально существующем мире» [Пайтген, Рихтер 1993: 17].

Фонотактические закономерности, правила комбинаторики, алгоритмы функционирования звуков в составе словоформ, структура слога, кластеры согласных, последовательности гласных, сочетаемость вокальных и консонантных компонентов в звуковой оболочке слова или морфемы, детерминируемые спецификой ААБ этноса, являются языковыми универсалиями и важнейшими показателями типологической специфики языка. Изменение механизмов сочетаемости звуков в потоке речи оказывает непосредственное влияние на парадигматику фонем, на алломорфное варьирование, на структуру морфологических моделей. Специфика фонотактических ограничений, а также степень, в которой звуковая последовательность типична для слов в языке, влияет на его усвоение, обработку и вербальную кратковременную память [Bailey & Hahn 2001: 568–591].

Фонетические модификации на стыке слов и морфем, особенности фонации звуков в сандхимальных позициях необходимо учитывать как при изучении современного языкового состояния, так и при решении проблем языковой ретроспективы и фонетической типологии, при поиске лингвистических универсалий. Вместе с тем, позиционно обусловленные изменения звуков, возникающие на стыке словоформ – внешнее сандхи, и на стыке морфем внутри словоформы – внутреннее сандхи [Ахманова 1966: 394] на материале аналитических глагольных форм в тюркских языках Южной Сибири не получили систематического освещения.

Если общие и частные вопросы изучения глагольных аналитических конструкций в тюркских языках вообще и в южносибирских тюркских языках в частности получили освещение в литературе [Юлдашев 1965; Карпов 1980; 2007 а; 2007 б; 2007 в; Черемисина 1995; Шенцова 1997; Чугунеева 2002; 2012; Кокошников 2004; Озонава, Тазранова 2004; Тазранова 2005; Озонава 2006; Боргояков 2011; Кызласова 2011; Абумова 2013; Ооржак 2014; Чертыкова 2014; 2016; Бурнакова, Боргоякова 2019; 2020], то в экспериментально-фонетических работах, выполненных ранее на материале тюркских языков алтае-саинского

региона, проблема звуковых изменений в составе звуковых оболочек ГАК в процессе их синтеза либо не затрагивалась, либо освещалась фрагментарно [Чумакаева 1978; Меркурьев 1974; Бельтюкова 1977; Селютина 1983 а; 1983 б; Кирсанова (Мандрова) 2003, Кечил-оол 2006, и др.].

В сибиреведении впервые подобное исследование было выполнено В. В. Субраковой на материале хакасского языка (нижнетейский говор сагайского диалекта) [Субракова 2005: 11–14; 2017: 29–67]. Результаты анализа позволили автору установить, что позиции внешнего анлаутного и ауслатного сандхи являются своеобразным маркером степени аналитизма данного словосочетания [Курпешко, Широбокова 1991: 8]: если оно осознается как свободное словосочетание или аналитическая конструкция (АК), то в анлауте 2-го слова или в ауслате 1-го функционируют долгие фонемы [p]₂, [t]₂, [s]₂, [ʃ(˜tʃ)], [χ]₂ (как правило, глухие); если же словосочетание представляет собой синтезированную форму глагола, то в анлауте 2-го его компонента или в ауслате 1-го реализуются краткие фонемы [p]₁, [t]₁, [s]₁, [ʃ̣], [χ]₁ в их звонких или озвонченных аллофонах. Данная закономерность указывает на то, что позиции начала и конца слова в исследуемом говоре маркируются долгими фонемами [p]₂, [t]₂, [s]₂, [ʃ(˜tʃ)], [χ]₂; если же позиция начинает осознаваться как позиция внутреннего сандхи – например, в случае стяжения АК, – происходит чередование указанных фонем с краткими фонемами [p]₁, [t]₁, [s]₁, [ʃ̣], [χ]₁ [Субракова 2006: 52].

Инструментальные исследования фонетических преобразований ГАК были выполнены авторами данной работы на материале трех южносибирских тюркских языков – чалканского, шорского и тувинского [Селютина и др. 2006; Уртегешев и др. 2007; 2017; Селютина, Уртегешев 2017].

Результаты исследования свидетельствуют о типологической общности структурных преобразований в алтае-саянских языках, детерминированной единым региональным архетипом, заложенным в генетической памяти этносов. В основе инновационных

модификаций звукового облика ГАК лежат процессы десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, что, в свою очередь, обуславливает устранение межсловных пауз с последующим слиянием компонентов ГАК в единое фонетическое слово, преобразование позиций внешнего сандхи во внутреннее, реализацию ассимилятивных закономерностей, порождаемых вновь сформировавшимся фонетическим контекстом. На современном этапе развития идиомов фиксируются различные стадии процесса синтеза ГАК – от полной утраты прозрачности структуры словосочетания в результате стяжения в языке чалканцев до более ранних этапов их упрощения по пути потери лексическими компонентами самостоятельности в тувинском языке. Специфика звуковых изменений в языках обусловлена особенностями артикуляционно-акустических баз как неотъемлемых составляющих исторической памяти этносов, кардинальных маркеров самоидентификации.

На материале звучащих фольклорных произведений тюркских народов алтае-саянского региона исследование процессов синтеза ГАК проводится впервые. Использовались как архивные материалы, записанные в ходе экспедиционных работ в местах проживания носителей языков и фольклорных традиций, так и озвученные в стационарных условиях Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН (ЛЭФИ ИФЛ СО РАН) тексты героических сказаний продолжающейся уникальной двуязычной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [Новосибирск: Наука, 1990–н/в], представляющие собой «...единственную документальную публикацию произведений фольклора более чем на 30 языках» [Хисамитдинова, Хусаинова 2020: 84].

Выбор в качестве объекта исследования эпических произведений, представляющих устную повествовательную традицию народов Сибири, являющихся вершиной художественного народного слова и составляющих отдельный пласт духовной жизни эт-

носов, неслучаен. Фольклор представляет собой отражение особой картины мира, сложившейся в народном сознании в течение тысячелетий и не утратившей значимости в наше время [Бесолова 2015: 5]. «Возникновение эпоса и формирование поэтических закономерностей уходит в далекую древность и связано с определенными историческими условиями жизни этноса. Народы подошли к современности, находясь на различных ступенях своего исторического пути. ... Эпическая традиция относится к наиболее консервативному и стабильному во времени фольклорному явлению, отразившему в своем содержании устойчивые древние образы и представления» [Кузьмина 2019: 18].

В. М. Гацак отмечает, что «при рассмотрении фольклора исторически близких народов, при анализе многонациональных памятников устанавливается необходимость отличать региональную типологию от типологии более общего порядка, учитывать единство древнего населения, периоды развития и симбиоза народных культур, многообразные контактные связи» [Гацак 1972: 552].

Прослеживаемые в произведениях героического эпоса архетипические модели, высокая функциональная значимость «общих мест», формульность выражений делают эпические произведения сибирских народов одним из наиболее информативных историко-лингвистических источников. «Лингвистический запас, которым располагает фольклор, во многом значительно больше и богаче, чем языковой запас разговорного языка. К тому же и создатели, и исполнители фольклора свободнее пользуются лингвистическим материалом по сравнению с языком разговорным» [Бесолова 2015: 11].

В данной монографии проанализированы героические сказания на шорском, хакасском и тувинском языках, выявленные закономерности сопоставлены с процессами, констатированными в литературных и разговорных языках. Привлечение к анализу хакасских фольклорных материалов обусловлено неполнотой архивных данных по чалканскому фольклору. Типологическая бли-

зость фонетических трансформаций, происходящих в речи хакасов и чалканцев, позволяет экстраполировать результаты, полученные на чалканском материале, на хакасский язык и наоборот.

Изучение происходящих в современных языках фольклора алтае-саянских тюркских народов процессов синтеза ГАК как показателей общих для южносибирского региона фонетических трансформаций, выявление в каждом из идиомов уникальности этих преобразований как компонентах артикуляторных кодов этнических групп позволит расширить картину научных представлений о взаимодействии и взаимовлиянии языка и фольклора как основных составляющих вербальных культур.

Изучение фольклорных произведений невозможно без знания особенностей языка, на котором они создаются. «Ритмический строй, фигуры и тропы, художественно обработанные общие места, композиция фольклорных произведений и др. дают нам возможность выделить различия, какие встречаются в языке фольклора, – в отличие от языка, на котором творится фольклор, в его коммуникативной функции» [Бесолова 2015: 12].

Авторами статьи «Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия» было сформировано общетеоретическое представление об организации культурного содержания в рамках трех взаимосвязанных дисциплин: лингвистики (понятие культурного концепта), литературоведения (понятия мотива и сюжета), фольклористики (понятие культурного кода). «Было определено, что объединяющей категорией является понятие мифологемы (и близкое понятие архетипа), заключающее в себе идею соединения плана выражения и плана содержания, важную для вербальных практик, и соотносимое с понятиями концепта, культурного кода и мотива / сюжета» [Дампилова и др., 2020: 19].

Исходя из общечеловеческих представлений об организации мира, авторы статьи составили открытый список универсалий вербальных культур, разделенный на перечень отражений идеальных представлений, понятийно-ценностных рядов (*Приложение 3*), с одной стороны, и перечень зоны предметов, событий и атрибутов мира, которые могут быть выразителями этих идей,

то есть, перечень культурных кодов и их типовых реализаций, с другой (*Приложение 4*).

Одной из задач нашего исследования является соотнесение результатов изучения артикуляционно-акустической базы как лингвистической универсалии с инвариантной сеткой понятийно-ценностных рядов и культурных кодов для определения места ААБ в системе идеальных представлений об устройстве мира и конкретных реализаций в вербальных культурах.

Для точной передачи звучания исследуемых ГАК используется традиционная транскрипционная система Новосибирской фонетической школы, разработанная В. М. Надеяевым и изложенная в его работе «Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ)» [1960], с уточнениями и дополнениями, внесенными сотрудниками ЛЭФИ ИФЛ СО РАН [Уртегешев 2002; Селютин 2004; Сарбашева 2004; Рыжикова 2005; Уртегешев 2015; 2016; и др.].

Система соответствий фонетических транскрипционных стандартов УУФТ и МФА (Международный фонетический алфавит) при передаче консонантных компонентов речи представлена в публикации авторов данной монографии в журнале «Урало-алтайские исследования» [Уртегешев и др. 2009]. Здесь же подробно проанализированы научные принципы и подходы, положенные в основу сопоставляемых транскрипционных стандартов, их достоинства и недостатки, некоторые перспективы совершенствования системы УУФТ. Аналогичная работа по выявлению соответствий в МФА и УУФТ проделана и относительно вокальных речевых составляющих [Уртегешев 2016].

Для доступности восприятия лингвистических материалов, излагаемых в данной работе, в *Приложении 5* представлены классификационные таблицы согласных и гласных звуков речи, а также таблица необходимых диакритических знаков с уточнениями, внесёнными в уже существующую в Универсальной унифицированной фонетической транскрипции систему единиц (Табл. 1–3). Поскольку для непротиворечивого и последовательного описания и классифицирования звуков речи необходимо

учитывать особенности анатомического строения произносительного аппарата и потенциальные возможности артикулирующих органов, в *Приложении 5* приведены также схемы речевого аппарата (Рис. 1–2) в сагиттальном разрезе с левым разворотом головы, на которых показаны отделы резонаторной полости, активные и пассивные органы артикуляции [Наделяев 1960: 11–15, 63; Наделяев 1980: 65–69; Селютина 2004: 18–22]. Здесь же приводится используемая в исследовании анатомическая символика.

Выбор стандарта УУФТ не случаен. Во-первых, УУФТ обладает безусловными преимуществами по сравнению с другими артикуляторно ориентированными транскрипционными системами в силу своей универсальности, последовательности и систематичности и предоставляет возможности для адекватной фиксации фонетических систем как на фоническом, так и на фонематическом уровнях. Во-вторых, использование в данной работе стандарта УУФТ обеспечивает сопоставимость приведённых здесь данных с полученными ранее материалами по языкам народов Сибири и сопредельных регионов (более 60 идиомов), их описаниями и интерпретациями, выполненными лингвистами с использованием единой транскрипционной базы.

Языковой материал, приведённый в работе, даёт в точной фонетической транскрипции, отражающей тончайшие нюансы произношения и позволяющей выявить специфику языков, которая, как известно, кроется в деталях. Фонологическая трактовка преобразований – как на уровне звуковой ткани, так и в системной организации вокализма и консонантизма, может быть предметом специального исследования.

Авторы монографии не ставили себе целью дать исчерпывающее описание трансформаций, происходящих в звуковых оболочках всех деепричастных аналитических конструкций в изучаемых тюркских языках алтае-саянского региона. Задачей нашего исследования является фиксация на современном синхронном срезе процессов фонетических изменений, позволяющих судить о степени синтеза двухкомпонентных аналитических конструкций шорского и чалканского языков и соответствующих им

трехкомпонентных деепричастных ГАК тувинского языка, а также выявление специфики реализации этих процессов в языке фольклора.

Сопоставление закономерностей и тенденций развития фонетических преобразований в языках фольклора, представляющих собой устную фактуру речи и играющих важнейшую роль в дописменной и младодписменной культуре, с выявленными ранее соответствиями в стандартных языках позволит определить общность и специфику фонетических универсалий, соответствующих плану выражения языкового знака [Успенский 1965: 179–222; 1970: 27; Степанов 1966: 135; Мельников 1967: 98; Мечковская 2001: 250–251, 264–265; Шапошникова 2020: 200] в различных репрезентациях вербальных культур и традиций южносибирских тюркских народов.

Работа предназначена прежде всего для фонетистов, а также для лингвистов других предметных областей, этнографов и сибиреведов.

Авторы выражают благодарность кандидатам филологических наук А. В. Байыр-оол, В. В. Субраковой, Н. Н. Фединой (Сумачаковой), О. Ю. Шагдуровой (Кокошниковой) и Ч. Г. Ондар за подбор материалов по тувинскому, хакасскому и чалканскому языкам, а также за помощь в их переводе, расшифровке и анализе.

Г л а в а I

АРТИКУЛЯЦИОННО-АКУСТИЧЕСКАЯ БАЗА КАК КУЛЬТУРНАЯ УНИВЕРСАЛИЯ

Культура как сложноорганизованная система духовных и материальных ценностей общества, нации, этнической группы представляет собой многомерную совокупность мировоззренческих и поведенческих стереотипов, норм, идей, традиций, материальных артефактов, складывающуюся и трансформирующуюся в процессе исторического развития данного социального объединения и определяющую как его интегрированность в человеческое сообщество, так и культурную самобытность.

Э. Б. Тэйлор, считающийся отцом эволюционной теории развития культуры, включал в понятие культуры полный перечень явлений, составляющих жизнь того или иного народа [Tylor: 1871]. Э. Сепир также считал, что термин культура означает «любой социально унаследованный элемент человеческой жизни – как материальной, так и духовной» [Sapir 1924: 402].

Культура в широком понимании этого термина – отражение картины мира этноса, нации, цивилизации, человечества. Картина мира как система знаний, дающих интегральное отображение бытия природы, общества и человека, материальной и духовной жизни людей, бесконечна. Следовательно, и культура – это глобальное структурированное многоуровневое множество, включающее большое количество взаимосвязанных, взаимообусловленных, взаимопересекающихся, динамично развивающихся подмножеств: обыденная культура, мифологическая, религиозная, художественная, научная.

1.1. Универсалии культуры

Всем культурам на всех этапах их развития присущи общие характеристики – универсалии культуры, некие инварианты, понимаемые как общечеловеческие репрезентации культурного опыта и деятельности, не зависящие от локализации, исторического периода развития и социального устройства общества и являющиеся основой межкультурного диалога. «Универсалии культуры являются элементом, способствующим интеграции глобальной целостности, но вместе с тем они служат тем способом измерения, который позволяет определить самобытность отдельных культур, обеспечивают установление этой самобытности и способствуют межкультурному взаимопониманию» [Дианова 2008: 36].

Проблема культурных универсалий была актуализирована антропологами в 1950-е гг. В 1959 г. Джордж Питер Мердок, американский социолог, выделил более 70 общих для всех культур универсалий и представил их в виде несистематизированного и неструктурированного списка элементов, оказавшихся в поле зрения ученого. Это была первая попытка сформулировать научную проблему, но этот опыт послужил стимулом для широкомасштабных и последовательных исследований всех уровней культуры, потенциально отражающих все аспекты человеческого бытия.

1.2. Лингвистические универсалии

В перечень универсалий культуры, выявленных Дж. Мердок, входят, в том числе, язык, фольклор, мифология, религиозные ритуалы, музыка. Культурные универсалии существуют и могут воплощаться в вербальных традициях народов в разных опосредованных вербаликой культурных формах (фольклоре, литературе, языке) [Шапошникова 2020: 200].

Язык как одна из основных составляющих культуры представляет собой сложноорганизованную многоуровневую систему систем, «...единство, состоящее из взаимосвязанных или взаимообусловленных частей – элементов, воплощенных в реальную субстанцию и имеющих конкретную схему взаимосвязей (отношений), т. е. структуру. ... не менее важной характеристикой системы является ее субстанция» [Мельников 1967: 98]. Язык – знаковая система, в которой знак как единица (морфема, слово, словосочетание, предложение) является двусторонней сущностью, имеющей план выражения и план содержания.

Каждый ярус языка обладает своей системой лингвистических универсалий, свойственных всем языкам мира: универсалии фонетические, грамматические (морфологические, синтаксические), семантические. «Эта группировка соответствует членениям по принципу “план выражения – план содержания”» [Степанов 1966: 135].

Лингвистические универсалии – это языковые явления (свойства, характеристики, отношения, процессы), которые существуют во всех (или почти во всех, за очень малым исключением) языках мира [Мечковская 2001: 19].

Интерес к изучению универсалий, восходящий к античности, получил развитие в средние века при разработке универсальных грамматик («*grammatica universalis*»). Отклонения живых языков от универсальной схемы трактовались как деградация языков, а их изменения, варьирование – как порча (итальянский – испорченная латынь, русский – испорченный церковнославянский). Усилия лингвистов вплоть до XIX в. были направлены на поиски в языках общего, а не специфического. Позднее, в середине XX в., поиски языковых универсалий актуализировались в связи с успехами структурно-системного описания языков, в особенности фонологии, а также с расширением границ структурной типологии под влиянием трудов Н. С. Трубецкого [Trubetzkoy 1938; Трубецкой 1960] и связаны с именами Р. О. Якобсона и Дж. Гринберга.

Развитие учения о языковых универсалиях шло от поисков «поверхностных и затем имплицативных закономерностей, главным образом в синхронии, к поискам закономерностей диахронического порядка и к широкому типологическому сопоставлению способов реализации одной и той же содержательной универсалии» [Зубарева 2010: 5].

Понимание того, что исследование универсалий представляет собой одно из самых перспективных направлений общего языкознания, нашло отражение в докладах ученых на Нью-Йоркской конференции 1961 г. [Universals of language 1963], где был принят «Меморандум о языковых универсалиях» [Дж. Гринберг и др. 1970], и на Московской конференции 1966 г. по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков [Языковые универсалии ... 1969].

В отечественном языкознании с характерным для него стремлением к систематизации знаний наиболее успешно лингвистика универсалий разрабатывалась Б. А. Успенским, В. М. Солнцевым, Ю. В. Рождественским, Б. А. Серебренниковым, Ю. С. Степановым.

Б. А. Успенским представлена классификация различных типов языковых универсалий: дедуктивные и индуктивные (эмпирические); абсолютные и статистические (полные и неполные); простые и сложные (имплицативные); синхронические и диахронические; универсалии языка и универсалии речи; экстралингвистические и собственно лингвистические; собственно лингвистические делятся на фонологические, грамматические и семантические; универсалии разных уровней абстракции [Успенский 1965: 179–181; 1970: 17–29].

Дедуктивные универсалии выдвигаются в качестве теоретического предположения, индуктивные формулируются на основе эмпирических данных, не только подтверждающих, но и конкретизирующих дедуктивные допущения. Н. Б. Мечковская приводит пример дедуктивной универсалии, выведенной из теории информации: «Все естественные языки обладают свойством избы-

точности в передаче информации». Эмпирические статистические данные позволили детализировать это утверждение: «Мера избыточности языков также универсальна: в аспекте плана выражения (предсказуемости букв или фонем) она составляет 60–70%» [Мечковская 2001: 249].

Б. А. Успенский приводит в «Структурной типологии ...» составленный им по материалам Нью-Йоркской конференции 1961 г. развернутый список основных универсалий, характеризующихся как индуктивные, собственно-лингвистические (фонологические и грамматические), синхронические [Успенский 1965: 182–222].

Инвентарь лингвистических универсалий по Б. А. Успенскому включает 204 единицы. Из них 139 универсалий фоново-фонологического характера и 65 – грамматического. При этом фонетический раздел перечня содержит 75 единиц, сформулированных в собственно фонологических терминах, 54 единицы – в терминах фонетики (точнее, фоники) и 10 универсалий – из морфо- и синтактофонологии.

Для формализации и единообразия записи универсалий Б. А. Успенский использует символы кванторов: $\forall$ – квантор всеобщности («во всех случаях...», «всякий...», «всегда...»), d – квантор вероятности («в большинстве случаев...»), $\exists$ – квантор существования («существует...», «имеется...»), $\neg$ – отрицание квантора ($\neg \exists$ – «не существует...»).

Примеры простых фонологических универсалий:

$\forall - \exists$ противопоставление гласных – негласных («Во всех языках существует противопоставление гласных – негласных»);

$d - \exists$ противопоставление носовых – неносовых («В большинстве языков существует противопоставление носовых – неносовых»).

Примеры сложных имплицативных фонологических универсалий (бинарных логических связей, соответствующих грамматической конструкции «если..., то...»):

$\forall - \exists$ не менее двух Γ (гласных) – $\exists$ противопоставление Γ по раствору (полнозвучности) («Во всех языках, в которых имеется

не менее двух гласных, существует противопоставление гласных по раствору»);

$\forall - \exists$ всего три признака раствора (полнозвучности) Γ и $\exists$ локальные (тембровые) признаки $\Gamma - \forall$ локальный (тембровый) признак представлен в узких Γ [т. е. в минимальной системе раствора (полнозвучности)] («Во всех языках, имеющих всего три признака раствора гласных и имеющих локальные признаки гласных всегда локальный признак представлен в узких гласных»).

С некоторыми импликационными универсалиями, предложенными Б. А. Успенским, нельзя согласиться, например:

$\forall - \exists$ локальное (тембровое) противопоставление $\Gamma - \exists$ не более четырех локальных (тембровых) признаков Γ («Во всех языках, имеющих локальное противопоставление гласных, существует не более четырех локальных признаков гласных»). Данная импликация построена Б. А. Успенским с опорой на «Основы фонологии» Н. С. Трубецкого [Успенский 1965: 188; Трубецкой 1960: 109].

Анализ большого массива инструментальных соматических (прежде всего, рентгенографических) данных по типологически и генетически различным языкам народов Сибири и сопредельных регионов позволил В. М. Наделяеву внести уточнения в классификационную таблицу гласных в языках мира, разработанную академиком Л. В. Щербой и наиболее адекватно (по сравнению с таблицами предшественников) отражающую антропofонические возможности речевого аппарата [Щерба 1937; Матусевич 1951]. Наряду с передним, центральным, задним и смешанным рядами гласных, В. М. Наделяев выделил пятый – центральнозадний ряд, артикулируемый при векторной направленности межзубочной части спинки языка к середине передней половины мягкого нёба и имеющий 6 типовых ступеней отстояния (подъёма) [Наделяев 1980: 188]. Выделенные В. М. Наделяевым центральнозадние артикуляции гласных доминируют в вокалических системах языков народов Сибири, употребляясь как в лексемах с твёрдорядной вокальной осью, что ожидаемо, так и в сло-

воформах мягкорядных, – в вариантах, сильно- и сверхсильновыдвинутых вперед, и факультативно замещааясь здесь гласными центрально- или смешаннорядными. В качестве примера можно привести вокалическую систему туба-диалекта алтайского языка: из таблицы основных типов гласных-монофтонгов видно, что центральнозадний артикуляционный ряд является наиболее функционально нагруженным [Сарбашева 2004: 211–212].

Подводя промежуточный итог работы над проблемой лингвистики универсалий, Б. А. Успенский приходит к выводу, что современная универсальная грамматика – это система взаимосвязанных универсальных импликаций, отражающих все возможности, которые могут быть представлены вообще в разных языках, и разнообразные следствия из этих возможностей. В идеале такая система должна быть построена аналогично таблице химических элементов Д. И. Менделеева – в ней должны быть предусмотрены места для еще не найденных универсальных закономерностей; эти пустые клетки могут рассматриваться как потенциальные универсалии [Успенский 1970: 16–17].

Огромный труд, проделанный Б. А. Успенским по выявлению, систематизации и классифицированию языковых – и прежде всего фонологических универсалий, – получил развитие в трудах отечественных и зарубежных лингвистов. Некоторые уточнения и дополнения в классификацию лингвистических универсалий внесены Н. Б. Мечковской [2001: 245–283]. Но в основном исследования фоново-фонологических универсалий сегментного и суперсегментного уровней носят фрагментарный характер [Ferguson 1974; Crothers 1978; Maddieson 1999; Хромов 2013]; из обобщающих работ можно назвать монографию Б. Комри по теории языковых универсалий в морфологии и синтаксисе [Comrie 1989]. Существенным достижением для мировой лингвистики стало создание общедоступного электронного архива имплицативных универсалий [The Konstanz Universals Archive. URL: <https://typo.uni-konstanz.de/archive/intro/>], включающего 2 000 единиц вхождения и располагающего поисковой системой.

Для фонологов представляет также интерес работа В. Периклиева «Импликационные фонологические универсалии» [Pericliev 2008], в которой для решения сложных лингвистических задач при автоматической обработке большого массива данных применялись методы компьютерной лингвистики. Исследование проводилось на наиболее репрезентативной и тщательно выверенной базе данных UCLA Phonological Segment Inventory Database (UPSID-451), составленной И. Мэддисоном и включающей инвентари фонологических единиц сегментного уровня по 451 языку из 18 основных генетических групп Евразии, Африки, Америки и Австралии. Система выявила 146 статистически значимых универсалий, поддерживаемых языками не менее чем из двух языковых семей и по крайней мере из двух географических зон. Было установлено, что в импликационных универсалиях «Если сегмент А ..., то сегмент В» антецедент и следствие должны иметь по крайней мере один общий признак и, кроме того, последующий сегмент универсалии должен иметь равное или меньшее число признаков, чем предшествующие, например: наличие звонкого дентального / альвеолярного взрывного согласного в языке подразумевает наличие в нем глухого дентального / альвеолярного взрывного ([d] → [t]); иными словами, наличие в языке маркированного члена оппозиции предполагает наличие и немаркированного. Выявленный принцип является статистически и прогностически значимым и может использоваться для языковых реконструкций и типологических построений.

Значительные результаты, полученные в последние десятилетия интонологами, обобщены в работе Д. Р. Ладда «Интонационные универсалии и интонационная типология» [Ladd 2001]. Рассматриваемые им интонационные универсалии базируются на изменении тона как на всей интонационной фразе, так и в ее конце.

Наиболее важными наблюдениями в области лингвистики интонационных универсалий являются следующие:

(1) высота основного тона имеет тенденцию понижаться от начала интонационной фразы до конца высказывания; эта тенденция называется деклинацией [Pike 1945; Cohen & 't Hart 1967; Cooper & Sorensen 1981; Ladd 1984];

(2) начало интонационной фразы может быть отмечено локальным резким повышением высоты тона или (reset) [Brown, Currie & Kenworthy 1980; 't Hart, Collier & Cohen 1990];

(3) в интонационных фразах, которые стоят в конце высказывания и / или в утверждениях, может наблюдаться локальное понижение высоты основного тона в конце в дополнение к любому общему контуру деклинации в целом [Lieberman 1967; Liberman & Pierrehumbert 1984];

(4) в интонационных фразах, которые встречаются в вопросах и / или не являются финальными в высказывании, общая тенденция понижения тона может характеризоваться менее резкой деклинацией, ровным тоном или даже небольшой инклинацией [Thorsen [Grønnum] 1980; Lindau 1986];

(5) кроме незначительной деклинации, неконечные и вопросительные интонационные фразы могут также иметь локальное повышение частоты основного тона в конце или, по крайней мере, не иметь локального падения тона [Либерман 1967].

Универсальный характер выявленных общих тенденций в области интонологии не вызывает у автора сомнений [Ladd 2001: 1382].

1.3. Артикуляционно-акустическая база как лингвистическая универсалия

Как показывает краткий обзор исследований по лингвистике универсалий, основным объектом в них являются по преимуществу универсалии фонико-фонологического характера, поскольку фонология имеет стратегическое значение для формирования методологии общественных наук.

Как уже упоминалось, в XX веке интерес к лингвистике универсалий был стимулирован развитием системно-структурной

типологии, особенно в области фонологии, в частности, трудом Н. С. Трубецкого «Основы фонологии». «Столь стройного учения о системообразующих факторах не удавалось построить ни одному лингвисту ни до, ни после Николая Сергеевича Трубецкого. Бесспорно общелингвистическое, методологическое значение фонологии» [Журавлев 1990: 101].

Значение фонологии для развития гуманитарного знания было оценено основателем структурной антропологии Клодом Леви-Строссом, считавшим, что «...фонология призвана сыграть в отношении гуманитарных наук ту же революционизирующую роль, что и ядерная физика в отношении точных наук» [Lévi-Strauss 1949]. Фонология для гуманитарных наук не только раздел лингвистики, но фундамент для построения гуманитарного знания в целом. Принципы описания, сформулированные в фонологии, используются не только при изучении различных ярусов языка, но и в процессе анализа системно организованных объектов гуманитарного направления [Леви-Стросс 2001: 39 и др.]. Фонология – наука-лоцман, на которую должны во многом ориентироваться все другие филологические науки [Мамудян 1985: 70]. Фонология, как своего рода демиург, создает лингвистику XX века по образу и подобию своему [Журавлев 1986: 4]. «Наблюдается удивительная тенденция создания новых лингвистических терминов по образу фонологических: фон – аллофон – фонема, морф – алломорф – морфема, граф – аллограф – графема и прочие «-эмы»: граммема, лексема, рема, сема, просодема, фраза – фразема и даже тип – типема» [Журавлев 1990: 101].

Приведенные выше высказывания подчеркивают роль отечественной лингвистики в формировании фонологии как фундаментальной, базовой для гуманитарного знания науки, в которой «...оформилось представление о системном устройстве объектов реальной действительности. Именно здесь центр внимания исследователя перенесен на целостность объекта-системы и взаимную детерминацию элементов целостности; здесь четко разграничена парадигматика и синтагматика и т. д. Все это оказалось весьма существенным для успешного развития современного

научного мышления» [Журавлев 1982: 171]. По мнению В. Б. Касевича «Фонология ... – источник и опытный полигон большинства методов и концепций, призванных сделать науку о языке по возможности точной» [1983: 3].

И именно в фонетике для систематизации единиц была использована таблица, построенная по принципу периодической системы химических элементов Д. И. Менделеева и отражающая все антропофонические возможности речевого аппарата [Щерба 1937: Приложение, табл. 2; Матусевич 1959: 53; Зиндер 1979: 150; Наделяев 1960: 64–65; Уртегешев и др. 2009: 104; Артикуляторные базы... 2012: 30–31] – как упоминалось выше, на необходимость создания в идеале аналогичной таблицы для классификации языковых универсалий указывал Б. А. Успенский [1970: 16–17].

Л. Р. Зиндер отмечает, что имеющиеся в мировой литературе таблицы представляют собой классификацию существующих в языках согласных звуков. «Смысл таблицы Щербы заключается в ее безоговорочной универсальности, в ее независимости от фонетики того или иного языка, той или иной группы языков. ... в ней учтены и такие согласные, которые до сих пор не зарегистрированы ни в одном языке, но могут быть обнаружены в малоисследованных языках» [Зиндер 1960: 150, 152].

Следует отметить, что в лингвистической литературе, в том числе и в цитируемой выше, зачастую наблюдается смешение терминов *фонетика* и *фонология*. Как известно, термин *фонетика* имеет двоякое толкование, обозначая как родовое, так и видовое понятия, т. е., фонетика = фонетика + фонология. Для устранения противоречия сибирские фонетисты используют, вслед за В. М. Наделяевым, термины *фоника* как учение о единицах речи (фонах), *фонология* как учение о единицах языка (фонамах) и *фонетика* как родовое понятие по отношению к видовым понятиям фоника и фонология. В этом случае фонетическое исследование предполагает изучение фонологической системы языка в неразрывном единстве с выявлением фонических артикуляционно-акустических характеристик реализаций фонем.

В данной работе рассматривается содержание понятия артикуляционно-акустической базы, её место в системе лингвистических универсалий и её роль в формировании этнической идентичности. Насколько нам известно, в литературе ААБ как одна из универсалий не рассматривалась. Возможно, по причине кажущейся очевидности – проявляется своеобразный «экологический парадокс», когда самое важное и значимое воспринимается как само собой разумеющееся. Не менее значимой причиной может быть недостаточность внимания, уделяемого фонетистами разработке вопросов понятия и содержания артикуляционно-акустических баз, их общности и специфики. Рассматриваются те или иные фонические или фонологические единицы, либо системы этих единиц, а собственно ААБ как основная составляющая любого языка редко бывает предметом специального анализа.

Исследование ААБ как системы произносительных навыков и их акустических коррелятов предполагает объектом субстантивные, т. е. фонические характеристики звуков речи. В то же время, специфика артикуляционных баз этносов детерминирует классификационную отнесенность фонологических подсистем, их место в типологической классификации, а актуализация теории ААБ в качестве историко-лингвистического источника открывает перспективы для разработки проблемы языковых взаимодействий, этнокультурной идентичности.

В работе обобщены результаты фонико-фонологических исследований по сибирским языкам различного генезиса, полученные сибирскими фонетистами за последние полвека, начиная с конца 1960-х гг. Использовалась комплексная методика, включающая как собственно лингвистические методы фонологического анализа, так и экспериментально-фонетические традиционные и авторские соматические методики рентгенографирования, дентопалатографирования, лабиографирования, лингвографирования и акустические методики спектрографирования, пневмоосциллографирования и интонографирования, а также компьютерные программы создания и обработки звуковых файлов (Speech Analyzer, WinCecil, Praat и др.). С 2009 г. появилась возможность

получения соматических данных методом магнитно-резонансного томографирования. Эксперименты проводились на томографе Philips Achieva Nova Dual 1.5 T, катушка Head/Neck synergy SENSE (Philips medical systems; Eindhoven, Netherlands) в Лаборатории медицинской диагностики Института «Международный томографический центр» Сибирского отделения РАН. Графическая постобработка, архивация и морфометрия МР-томограмм осуществлялись на рабочей станции Philips ViewForum RS.1 (Dell). Материал получен более чем по шестидесяти типологически и генетически различным языкам, диалектам и говорам народов Сибири – тюркским, монгольским, тунгусо-маньчжурским, самодийским, обско-угорским, енисейским и палеоазиатским.

Артикуляционно-акустическая база как система произносительных настроек и соответствующих им акустических сигналов, воспринимаемых участником процесса коммуникации, не являлась ранее предметом непосредственного исследования в лингвистике универсалий, хотя подавляющее количество фонологических универсалий формулируется в терминах артикуляционной фонетики. Вместе с тем, простое логическое заключение о том, что ААБ – основная составляющая любого языка как средства вербального общения, непреложное условие осуществления процесса вербальной коммуникации, позволяет выдвинуть дедуктивную универсалию о том, что *всякому языку свойственна своя артикуляционно-акустическая база*. Это теоретическое допущение подтверждается всеми реально существующими и известными науке языками. Используя символическую запись универсалий, разработанную Б. А. Успенским, данный постулат можно представить в виде формулы: $\forall - \exists$ ААБ («Все вербальные языки имеют артикуляционно-акустическую базу»).

Артикуляционно-акустическая база складывается на самых ранних этапах формирования этноса. ААБ – свойство создавшего её этноса, а не языка, но существует и проявляется она в материальной стороне языка. В процессе исторического развития этническая группа может последовательно переходить на иные языки в результате разнообразных контактов с другими этносами,

вплоть до полного слияния с ними. Но если данная этническая общность всё же осталась компактной, не рассеялась территориально, то она сохраняет в существенных чертах свою артикуляционно-акустическую базу, что объясняется относительной автономностью звуковой системы в языке. При этом ААБ, изначально свойственная данному этносу, при переходе его на другой язык принципиально меняет звуковую систему каждого усвоенного данной этнической общностью нового для неё языка. То есть этнос, усвоив новый язык, но сохранив свою ААБ, создаёт новый диалект этого языка с новым звучанием, вследствие чего диалекты в большей мере различаются фонетически, а не лексически или грамматически.

Артикуляционно-акустическая база – это динамический стереотип, который осваивается ребёнком в возрасте от 9 месяцев до 2 лет в процессе общения с матерью (или другим воспитателем), позднее – от 2 до 5 лет – закрепляется в сознании на всю жизнь. ААБ – явление социальное, а не биологическое, обусловлено средой, а не особенностями речевого аппарата представителей этноса.

Артикуляционно-акустическая база, видоизменяясь, передаётся, тем не менее, из поколения в поколение в своих основных доминантных признаках. Эта особенность закрепления ААБ у носителей языка позволяет использовать её – в совокупности с данными других дисциплин – в качестве источника при построении языковой ретроспективы и индикатора этногенетических процессов, что особенно важно при изучении истории бесписьменных народов Сибири. Наиболее надёжным и информативным историко-лингвистическим источником является ААБ этносов, проживающих в горах или глухой тайге, т. е. в условиях относительной географической изоляции, замкнутого ведения хозяйства и, следовательно, относительной консервации языков, сохраняющих в своих звуковых системах древнейшие черты. Многие фонетические закономерности и регулярные звуковые соответствия у родственных языков в значительной степени объясняются спецификой артикуляционно-акустических баз, т. е. особенностями

произносительных навыков носителей субстратных языков [Наделяев 1980; 1981; 1986].

Использование теории ААБ в качестве надежного историко-лингвистического информационного источника возможно лишь при достаточной разработанности типологии артикуляционно-акустических баз, построенной на исчерпывающем описании потенциальных доминант, то есть определяющих артикуляционных настроек в единстве с их акустическими соответствиями.

Артикуляционно-акустическая база складывается из следующих компонентов: консонантизм – С, вокализм – V, силлабика – S, гармония гласных (сингармонизм) – Н, акцентуация – А, тоналность – Т, ритмомелодика – RМ. Объём понятия «артикуляционно-акустическая база» можно представить в виде формулы: ААБ {CVS(H)A(T)RМ}.

Потенциальными детерминантами ААБ являются следующие соматические параметры:

1. Степень напряженности:
 - 1) согласных:
 - а) сильный / слабый / сверхслабый;
 - б) слабый / сверхслабый;
 - 2) гласных:
 - а) сильный / слабый;
 - б) слабый / сверхслабый.
2. Глухость / звонкость:
глухой / звонкий / сонорный.
3. Степени длительности:
 - 1) согласных:
долгий / краткий / долготнонеопределённый;
 - 2) гласных:
 - а) долгий / краткий / сверхкраткий;
 - б) долгий / краткий.
4. Аспирированность / неаспирированность:
аспирированный / неаспирированный.
5. Артикуляторная рядность:
 - 1) согласных:

1) губной / 2) переднеязычный / 3) среднеязычный / 4) межуточнoязычный / 5) заднеязычный / 6) велярно-увулярный / 7) верхнефарингальный / 8) нижнефарингальный / 9) эпиглоттальный / 0) гортанный;

2) гласных:

1) переднеязычный / 2) центральнoязычный / 3) центрально-заднеязычный / 4) заднеязычный / 5) смешаннoязычный.

6. Тип переднеязычной настройки согласных:

1) апикальный / 2) какуминальный / 3) ретрофлексный / 4) дорсальный.

7. Тип активности артикулирующих органов:

1) одноактивность (губность, переднеязычность, среднеязычность, межуточнoязычность, заднеязычность, язычковость, глоточность, надгортанниковость, гортанность);

2) двуактивность:

а) комбинированность С / С (переднеязычно / среднеязычность, велярно / увулярность и т. д.);

б) сложность С : С (губно : губность, заднеязычно : велярность и т. д.);

в) двухфокусность С – С (передне – среднеязычность, губно – гортанность и т. д.).

8. Преградность (согласные):

1) смычность;

2) щелиность:

а) плоская медиальная;

б) круглая медиальная;

в) латеральная;

3) мгновенная преградность (вибрантность):

а) смычная;

б) щелиная;

в) комбинированная;

4) смычно-плоскощелиность (аффрикативность);

5) смычно-круглощелиность;

6) плоскощелино-смычность;

7) круглощелино-смычность;

- 8) щелино-смычно-щелиность.
9. Сочетаемость согласных:
 - 1) в начале слова: С-, СС-, ССС-, СССС-;
 - 2) в середине слова: -С-, -СС-, -ССС-;
 - 3) в конце слова: -С, -СС, -ССС.
10. Работа дополнительного активного органа:
 - 1) лабиализация (круглая, плоская);
 - 2) палатализация (слабая, умеренная, сильная, сверхсильная);
 - 3) веларизация;
 - 4) назализация;
 - 5) фаукальность;
 - 6) увуларизация;
 - 7) фарингализация;
 - 8) ларингализация;
 - 9) аспирация.
11. Акцентуация:
 - 1) локализация ударения:
 - а) на первом слоге;
 - б) на последнем слоге;
 - в) на срединном слоге;
 - г) разноместность ударения;
 - 2) тип ударения:
 - а) динамическое ударение;
 - б) музыкальное ударение;
 - в) количественное ударение;
 - г) качественное ударение.
12. Силлабика:

типы слогов: V, CV, CVC, VC, (C)VCC, CCV.
13. Сингармонизм (гармония гласных):
 - 1) палатальный:
 - а) твердоярдность // мягкорядность;
 - б) твердоярдность (// мягкорядность) // нейтральнорядность;
 - 2) лабиальный:

а) лабиализованность // нелабиализованность;

3) компактный (по подъему):

а) высокого подъема // низкого подъема;

4) фарингальный:

а) фарингализованность / нефарингализованность.

14. Ритмомелодика (типы интонационных конструкций (ИК) представлены Е. А. Брызгуновой на материале русского языка [1967: 35–37; 1980]):

а) ИК-1 – нисходящий тон на гласном центра, выражает завершенность в повествовательных предложениях;

б) ИК-2 – нисходящий тон в сочетании с некоторым усилением словесного ударения на гласном центра, выражает вопрос в вопросительных предложениях с вопросительным словом;

в) ИК-3 – восходящий тон с последующим падением, выражает вопрос в вопросительных предложениях без вопросительного слова;

г) ИК-4 – нисходяще-восходящий тон, выражает вопрос в неполных вопросительных предложениях с союзом «а»;

д) ИК-5 – сочетание восходящего, ровного и нисходящего тонов, выражает восхищение в предложениях с местоименными словами;

е) ИК-6 – сочетание восходящего и ровного тонов; выражает оценочные восклицания и выражение недоумения;

ж) ИК-7 – сочетание восходящего тона со смычкой голосовых связок в конце артикуляции гласного центра, выражает экспрессивную оценку.

15. Тоны:

а) ровный средний;

б) ровный низкий;

в) ровный высокий;

г) восходящий высокий;

д) восходящий низкий;

е) восходяще-ровный высокий;

ж) восходяще-ровный низкий;

з) восходяще-нисходящий;

и) нисходяще-восходящий
и т. д. [Наделяев 1986; Артикуляторные
базы ... 2012: 38–46].

Представленная сетка фонетических оппозиций, открытая для добавлений и уточнений, постулируется нами как универсалия, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в специфичных артикуляционно-базовых системах, каждая из которых характеризуется своим уникальным пучком корреляций и модусов. «Универсальное и специфическое – это две ипостаси культуры. ... Специфическое – это способ и форма воплощения универсального» [Шапошникова 2020: 201–202].

Результаты инструментальных исследований особенностей артикуляционно-акустических баз носителей языков народов Сибири и специфики структурной организации вокальных и консонантных систем, а также конструкций суперсегментного уровня свидетельствуют о наличии глубинных связей между фонико-фонологическими системами и культурно-исторической памятью этносов. Фиксируемая на современном синхронном срезе специфика звукового строя языков сформировалась благодаря тому, что артикуляционные уклады, сложившиеся на ранней стадии существования этносов и сохраняющиеся на всем долгом пути их исторического развития, собирали, накапливали, сберегали и передавали богатейший многовековой опыт, наработанный предшествующими поколениями. Различные типы контактирования племен и народов в далеком прошлом, взаимодействия и взаимовлияния этносов и их языков сохранились в коллективном языковом сознании, проявляясь, в частности, в артикуляционно-акустических параметрах речи, унаследованных современными членами сообщества. ААБ как система кодирования и передачи этнолингвистической информации следующим поколениям является одним из маркеров культурно-языковой идентичности в оппозиции «свой – чужой».

Артикуляционно-акустическая база как лингвистическая универсалия, реализуясь в процессе коммуникации членов определенного этноса, формирует его фоносферу как одну из детерминант уникального культурного ландшафта, этноспецифичной звуковой картины мира, определяет принадлежность носителя языка к данной культуре и противопоставляет другим этносам.

Единство универсального и уникального в языке является залогом сохранения многообразия культуры в её вербальной форме, интеграции культурных ценностей при сбережении их самобытности.

Г л а в а II

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ЮЖНОСИБИРСКИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

Выявление специфики фонетических модификаций в процессе синтеза глагольных аналитических конструкций в тюркских языках Южной Сибири позволит определить роль артикуляционно-акустической базы в интеграции глобальной целостности коммуникативных процессов, с одной стороны, и её значимость в формировании культурно-языковой специфики, самобытности этноса, с другой.

2.1. Чалканские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи

В данном параграфе излагаются результаты исследования фонетических процессов, происходящих в языке чалканцев как в позиции внешнего сандхи – анлаутного и ауслаутного, так и на внутренних морфемных швах. Анализируются примеры чалканских глагольных аналитических конструкций из экспедиционных материалов, собранных в 2001–2004 гг., описанных Н. Н. Фединой [2005; 2019] (в сопоставлении с материалами Н. А. Баскакова [1985]) и опубликованных (с глоссированием и переводом) в сборниках серии «Языки коренных народов Сибири» [Вып. 7. Ч. I. 2003: 141–189 (далее – ЯКНС, 7); Вып. 15 2004; Вып. 17 2005; Озонова, Тазранова 2004: 55–72]. Для слухового фонетического анализа использовались магнитофонные аудиозаписи, любезно предоставленные членами Чалканского лингвистического экспедиционного отряда Сектора языков народов Сибири Инсти-

тута филологии СО РАН. Часть материала, необходимого для верификации результатов, была записана в стационарных условиях в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований ИФЛ СО РАН от Фединой (Сумачаковой) Натальи Никитовны, носительницы языка.

Ниже приведены результаты анализа чалканских деепричастных аналитических конструкций¹ типа $Tv=n+V^{всп.}$: (1.) $Tv=(n)+тьит$ = ‘лежать’, (2.) $Tv=(n)+тур$ = ‘стоять’, (3.) $Tv=(n)+тьор$ = ‘ходить’, (4.) $Tv=(n)+оуур$ = ‘сидеть’, (5.) $Tv=n+сал$ = ‘класть’, (6.) $Tv=n+ий$ = ‘посылать’, (7.) $Tv=n+ал$ = ‘оставаться’, (8.) $Tv=n+ал$ = ‘брать’, (9.) $Tv=n+пер$ = ‘дать’, (10.) $Tv=n+кел$ = ‘приходить’, (11.) $Tv=n+пар$ = ‘идти от говорящего’, (12.) $Tv=n+чы$ = /чы = ‘выходить’.

Бивербальные конструкции (БВК) этого типа квалифицируются тюркологами как аспектуальные, при этом ГАК $Tv=(n)+тьит$ =, $Tv=(n)+тур$ =, $Tv=(n)+тьор$ =, $Tv=(n)+оуур$ = содержат вспомогательные глаголы (далее ВГ) с семантикой “длительности”, характеризуются протяженностью во времени, отсутствием внутреннего предела. АК $Tv=n+сал$ =, $Tv=n+ий$ =, $Tv=n+ал$ = включают ВГ с семантикой “недлительности”, выражающие краткость, мгновенность, законченность, результативность действия ($сал$ =, $ий$ =) или результативное состояние ($ал$ =).

Как отмечают А. А. Озонова и А. Р. Тазранова, в современном чалканском языке прослеживается стяжение некогда аналитических форм, в которых еще можно вычленить вспомогательные глаголы, например: *этсаан* < *эд=ип сал=ган* ‘сделал’, *тапалан* < *таб=ып ал=ган* ‘нашел’, *партыит* < *пар=ып тьат* ‘идет’. Однако, наряду с такими конструкциями с прозрачной структурой, встречаются стянувшиеся словоформы, включающие вспомогательный глагол, определение которого вызывает затруднение: *о ноптым* ‘понимаю’ можно интерпретировать и как *н* = *тьад=ым*, и как *о но=п тур=ум* [Озонова, Тазранова 2004: 55].

¹ Здесь и далее: Tv – основа глагола, $V^{всп.}$ – вспомогательный глагол, V – гласный звук.

Задачей данного исследования является анализ фонетических изменений, позволяющих судить о процессах синтетизации указанных выше дееспричастных ГАК чалканского языка.

(1.) $Tv=(n)+\textit{тьит}=\textit{}$

(1.1.) *А мен дезе пир ле урок сагыжыма киртьит*² [kɪrː=ħɪtˈɕ]³ (ЯКНС, 7, 148)⁴.

‘А я помню только один урок.’

(1.2.) *Тьер тиглек вар, көп өстът* [ʔöː=sˈħɪtˈɕ] (ЯКНС, 7, 162).

‘Земляника есть, много растет.’

(1.3.) *Ада-энем мында тьатът* [ħˈaː=ħɪtˈɕ] (ЯКНС, 7, 163).

‘Мои родители живут здесь.’

(1.4.) *Ньаан, тьақшы кижлер тьолдо тоже туштанът* [tˈöjː / = / tɒpː=ħɪtˈɕ] (ЯКНС, 7, 144).

‘По дороге тоже встречаются взрослые и хорошие люди.’

(1.5.) *Мен пир да қорықныйтим* [qɔː=rüqː= / pˈɪjː=tˈʲmˈ], *мин ларга удыра ығарым деп* (ЯКНС, 7, 157).

‘Я вообще не боюсь, я выйду к ним навстречу.’

(1.6.) *Мен айттым* [ʔɒˈjː=tʲm]: “Пустогачева” (ЯКНС, 7, 147).

‘Я говорю: “Пустогачева”.’

² *Здесь и далее:* полужирным курсивом в примерах выделяется рассматриваемая ГАК.

³ Деление слова на слоги (например, шор. [ˈpʲɪr / = / βɔd = ʃːˈaʔ] ‘летят, выскакивают’) представлено в транскрипции следующим образом: знак равенства (=) означает слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой умеренной паузе; знак (/=/) – две косые линии с заключенным между ними знаком равенства означает слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой сильной паузе.

⁴ *Здесь и далее (раздел 2.1.):* сведения, приведенные в скобках после предложения, означают следующее: аббревиатура ЯКНС – сборник научных статей «Языки коренных народов Сибири»; число, следующее за аббревиатурой, означает номер выпуска (например, 7); следующее число – номер страницы в сборнике (например, 148).

Как свидетельствует материал, в сандхиальной позиции -С (~ V) + *hit*- фонема [h] в анлауте ВГ *тьит* в зависимости от смены фонетического контекста реализуется в двух аллофонах:

1) в глухом смычном среднеязычном (~ передне-среднеязычном) умереннонапряженном кратком нефарингализованном неаспирированном оттенке «h» – после глухих согласных в ауслауте основного глагола (ОГ): (1.2.) *öстьит* [ʔö=sʰitʰˈc] – *öс=тьит* = (< *öз=ип тьат*=), (1.4.) *туштантьит* [tʰüʃˈ/=tʰp>=hitʰˈc] – (< *тушта=п тьат*=), при этом в процессе речи в АК (1.3.) *тьаттьит* [hˈa:=hitʰˈc] – *тьат=тьит* (<*тьад=ып тья*=) констатируется выпадение ауслаутного переднеязычного смычного согласного «t» ОГ, создающее условия для позиционного удлинения широкого гласного ОГ;

2) в глухой среднеязычной аффрикате «hç» – после малошумного ауслаутного согласного «r» ОГ: (1.1.) *киртьит* [kirʰ=hçitʰˈc] (<*кир=ип тьат*).

Подобное чередование среднеязычных (~ передне-среднеязычных) смычных и аффрикат характерно не только для позиции внутреннего сандхи, оно отмечается в южносибирских тюркских языках и в абсолютном начале слова.

При словообразовании и словоизменении ВГ *тьат* может подвергаться значительной редукции и стяжению: 5) *қорықпийтим* [qɔː=göq>/=pʰij=tʰɪmˈ] – *қорық=пий=ти=м* (<*қорық=пий тьад=ым*), (6) *айттьим* [ʔaːj=tɪmˈ] – *айт=тьи=м* (< *айд=ып тьад=ым*). В примере (1.5.) центральнорядная огласовка аффикса 1-го л. ед. ч. =*ым* после переднерядного гласного предыдущего слога объясняется действием аккомодационных закономерностей, характерных для большинства тюркских языков Южной Сибири (кроме хакасского) [Селютин 1999; Selyutina 2000; Уртегешев 2002; Уртегешев и др. 2003; Сарбашева 2004; Дамбыра 2005; Пути формирования ... 2005; Кечил-оол 2006; Баданова 2011; Селютин и др. 2014; Сложность языков... 2018: 8–88]: среднеязычные (~ передне-среднеязычные) согласные могут сочетаться с постпозитивными гласными только переднего ряда

(в приведенных выше примерах это гласные «и» или «а»), переднеязычные согласные – только с гласными переднего ряда (в примере (1.5.) это центральнорядный «ѣ»).

Поскольку во всех приведенных ГАК в позиции, являющейся по происхождению внешним сандхи, в речи современных чалканцев комбинируются согласные одного класса – шумные глухие (за исключением ГАК (1.1.) *киртъит* [kɪrː=ħɪtːʰ], где в позиции реализуется малошумный), не оказывающие друг на друга ассимилирующего воздействия по признаку работы голосовых связей или по длительности фонации в силу отсутствия необходимого для таких преобразований фонетического контекста, – это не дает оснований для выводов о степени аналитизма рассматриваемых конструкций. В то же время, анлаутный согласный «ħ» ВГ характеризуется как умереннонапряженный краткий, что позволяет, по аналогии с хакасским языком [Субракова 2005], квалифицировать данную фонетическую позицию как внутреннее сандхи, поскольку стык самостоятельных слов маркируется, как правило, фонемами сильнонапряженными долгими.

Кроме того, реализация ГАК (1) *киртъит* [kɪrː=ħɪtːʰ] (< *кир*=*ип* *тъат*), (1.2.) *өстъит* [ʔöː=sʰɪtːʰ] – *өс*=*тъит*= (< *өз*=*ип* *тъат*=), (3) *тъаттъит* [ħːaː=ħɪtːʰ] – *тъат*=*тъит*= (< *тъад*=*ып* *тъат*), (1.5.) *қорықнийтим* [qɔː=rɔq>/=pʲɪjːtːʰmː] – *қорық*=*ний*=*ти*=*м* (< *қорық*=*ний* *тъад*=*ым*), (1.6.) *айттъым* [ʔäːjː=tʰmː] – *айт*=*тъи*-*м* (< *айд*=*ып* *тъад*=*ым*) с соблюдением законов палатального и лабиального сингармонизма (в ГАК (1.5.) < *қорықнийтим* [qɔː=rɔq>/=pʲɪjːtːʰmː] сингармонизм ступенчатый) свидетельствует о том, что в современном языке эти аналитические по происхождению бивербальные конструкции подверглись высокой степени синтеза и осознаются носителями языка как единое стяженное слово.

Упрощение в позиции сандхи биконсонантных сочетаний переднеязычный + среднеязычный (~ передне-среднеязычный) → среднеязычный (~ переднеязычно-среднеязычный): (1.3.) *тъаттъит* [ħːaː=ħɪtːʰ] – *тъат*=*тъит*= (< *тъад*=*ып* *тъат*=) или переднеязычный (1.6.) *айттъым* [ʔäːjː=tʰmː] – *айт*=*тъи*-*м*

(< ай̣д=ын т̣ьад=ым) свидетельствует о продолжающемся развитии процессов стяжения аналитических форм, ведущих к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов.

Таким образом, в большинстве приведенных примеров фонетическая позиция, являющаяся по происхождению позицией внешнего сандхи, реализуется в языке современных чалканцев как внутрисандхияльная вследствие стяжения исторически самостоятельных лексем в единое слово.

(2.) T_v=(n)+мур=

(2.1.) Ол ла **онноптыным** [ʔõŋ>=ŋl̥p>/=ṭɨn=λm] (ЯКНС, 15, 58).

‘Только это знаю.’

(2.2.) Кӧдӱре предметтерди наизусть үренгем, пир қатап қычырыйтым, эки қатап қычырыйтым, үч қатап қычырыйтым, ан соонда книганы т̣ьап сакеп, наизусть т̣ьоқтоптым, т̣ьоқтоптым [hõχ̣̌/=ṭɨp>=ṭɨm] (ЯНС, 13, 29).

‘Все предметы я учила наизусть, читала, даже один раз читала, два раза читала, три раза читала, потом книгу закрою, наизусть пересказываю, пересказываю.’

(2.3.) Коридора чық партым, он эки час, пир час, эки часқа йетире **оцыптым** [ʔõ:/=ʃɨp̣>=ṭɨṃ] (ЯКНС, 13, 29).

‘Выхожу в коридор, сию до двенадцати, до часа, до двух часов.’

(2.4.) Эме **санантым** [sλ=nλn>/=ṭɨm>], паларға **т̣ьоқтып-тым** [hõχ̣̌/=ṭɨp>=ṭλm], қайдын менде анду қўиц поон ол тушта (ЯКНС, 13, 29).

‘Теперь я все время думаю об этом, рассказываю детям о том, откуда только у меня тогда силы были.’

(2.5.) Пистинг деревнеден паран палар кӧдӱре ищтен **онноп-тылар** [ʔõŋ̣>=nλp̣>/=ṭɨl=λr] (ЯКНС, 13, 30).

‘Все дети, приехавшие из нашей деревни, умели работать.’

Фонетический анализ приведенных ГАК свидетельствует о том, что в позиции сандхи -C (~ V) + tur- > (C ~ (V) + tǃ (~ t) в анлауте вспомогательного глагола реализуется глухой смычный переднеязычный умереннонапряженный краткий нефарингализованный неаспирированный звук «t». Поскольку в рассматриваемых ГАК ВГ *тур-* употребляется только после деепричастной формы на -n, анлаутный звук «t» вспомогательного глагола в сандхиальной постпозиции к ауслаутному глухому «p» ОГ не озвончается, сохраняя свои артикуляторно-акустические характеристики. Для звука «p» при этом облигаторно импловзивное произношение.

ВГ *тур-* реализуется в усеченной форме -*ты-*: (2.2.) *тьоқтоп-тым* [hǃq̣/=/tǃp>=tǃm] – *тьоқто=n-ты=м* (< *тьоқто=n тур=ды=м*), (2.3.) *оцыптым* [ʔɔ:/=/ʃʰip>=tʰǃm] – *оцу=n-ты=м* (< *оцу=n тур=ды=м*), (2.5.) *онноптылар* [ʔɔ̃p>=nǃp>=/=tǃl=ǃr] – *онно=n-ты=лар* (< *онно=n тур=ды=лар*) или -*т-*: (2.1.) *онноп-тыным* [ʔɔ̃p>=nǃp>=/=tǃp=ǃm] – *онно=n-т-ын-ым* (< *онно=n тур=атан=ым*) вследствие выпадения финального малошумного «r» основы ВГ, иногда с полной редукцией узкого гласного «ǃ».

Употребление в анлауте ВГ умереннонапряженного краткого согласного «t», а также реализация всего аналитического комплекса в рамках одного сингармонического ряда – палатального и лабиального – свидетельствуют о том, что на современном языковом срезе лексические компоненты рассматриваемых ГАК утратили самостоятельность, стянувшись в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчиняясь законам чалканского сингармонизма. Следует отметить, что в языке чалканцев огубленные гласные далее 1-го слога, как правило, не распространяются даже в основах ОГ (примеры (2.1.), (2.2.), (2.3.), (2.5.)).

(3.) Tv=(n)+тьор=

(3.1.) *О-оо, андын ла пери писти савақтап тьорғанар* [sǃ=βǃq>=tǃp>=/=hǃr=qǃn>=nǃr]: “ПУСТОГА-А-АЧЕВА АННА МАКА-А-АРОВНА”, “Сумачакова” (ЯКНС, 7, 147).

‘С этого момента нас дразнили: “ПУСТОГА-А-АЧЕВА АННА МАКА-А-АРОВНА”, “Сумачакова”’.

(3.2.) *Адам пир-пирде аннап тьортон* [ʔʌn̩>=n̩ʌp>/=/ħçø-r=tʰɔn] (ЯКНС, 15, 60).

‘Отец мой иногда охотился.’

(3.3.) *Делегаттар машинала келип тьоргоннар* [ʔe:='iɾ>/=/ħør=ɔʔʌn̩>=n̩ʌɾʲ] (ЯКНС, 15, 60).

‘Делегаты (регулярно) приезжали на машинах.’

Аудитивный анализ ГАК $Tv=(n)+тьор=$ позволяет квалифицировать анлаутный звук «ħ» в фонетической позиции внешнего сандхи -p> + ħør- как глухой смычный среднеязычный (~ передне-среднеязычный) умереннонапряженный краткий нефарингализованный неаспирированный. В спонтанной речи смычный «ħ» может факультативно чередоваться со смычно-щелевым аллофоном «ħç». Ауслаутный фон «р» ОГ имеет облигаторно имплозивное произношение.

В отличие от ГАК $Tv=(n)+тур=$, в которой ВГ может утрачивать финальный малошумный звук «г» основы (иногда – с полной редукцией узкого гласного «и»), ВГ $тьор=$ не подвергается фонетическим преобразованиям, усеченные формы для данного типа конструкций не констатируются.

С точки зрения реализации законов чалканского сингармонизма глагольные компоненты ГАК $Tv=(n)+тьор=$ следует рассматривать как самостоятельные словоформы, вокальные оси которых различаются по палатальному и лабиальному признакам: (3.1) *савақтап тьорганар* [sʌ=βʌq>=tʌp>/=/ħørɔʔʌn̩>=n̩ʌɾʲ] – *савакта=п тьор=ган=нар*; (3.2.) *аннап тьортон* [ʔʌn̩>=n̩ʌp>/=/ħçø-r=tʰɔn] – *анна=п тьор=тон=*; (3.3.) *келип тьоргоннар* [ʔe:='iɾ>/=/ħør=ɔʔʌn̩>=n̩ʌɾʲ] – *кел=ип тьор=ган=нар*.

Таким образом, фонетический анализ ГАК $Tv=(n)+тьор=$ свидетельствует об отсутствии признаков стяжения основного и вспомогательного глаголов, сохраняющих свою самостоятельность.

(4.) $Tv=(n)+ошур=$

(4.1.) *Мен узга кирзем, отты қыйында узлап оциптьит* [ʔöq=l̥p>/=/ʔð:=ʃ"ip·=hit^c] (ЯКНС, 15, 60).

‘Я захожу домой, она (сидит) плачет возле костра.’

(4.2.) *Алан мўн ицип ошуртьит* [ʔi=ʃ"ip>/=/ʔð:=ʃ"ip·=hit^c] (ЯКНС, 15, 60).

‘Алан, наслаждаясь бульоном, (сидит) пьёт.’

Данная глагольная аналитическая конструкция имеет ограничения на фонетические изменения в позиции внешнего сандхи, что обусловлено стечением звуков: финальный согласный деепричастия – импловивный, вспомогательный глагол начинается с твердого гортанного приступа: -p> + ʔoʒ"ig-. Между словами отмечается внешняя продолжительная пауза, каждое слово воспринимается отдельно. Кроме того, второй компонент ГАК – вспомогательный глагол – реализуется с нарушением палатальной гармонии гласных: (4.1.) *узлап оциптьит* [ʔöq=l̥p>/=/ʔð:=ʃ"ip·=hit^c] – *узла=n оци-птьит* (= < оцу=n тьит=); (4.2.) *ицип ошуртьит* [ʔi=ʃ"ip>/=/ʔð:=ʃ"ip·=hit^c] – *иц=ип ошур=тьит* =.

Таким образом, результаты фонетического анализа указывают на слабую степень синтеза глагольных форм, составляющих конструкцию и воспринимаемых как две самостоятельные словоформы: ауслаут ОГ и анлаут ВГ четко маркированы фонетически. Процессы стяжения распространяются на данном этапе развития языка только на вспомогательный глагол *ошур*=: происходит стяжение компонентов ВГ в одно слово и выравнивание вокальной оси словоформы по мягкому палатальному ряду в постпозиции к сильнопалатализованному согласному <ʃ"».

(5.) $Tv=n+сал=$

(5.1.) *А тьарым ай паллар уже ѳзрен саан* [ʔy:=g'eŋ>/=/sɑ:n] (ЯКНС, 7, 145).

‘Дети уже полмесяца отучились.’

(5.2.) *Мен қапшай төлөн саам* [t'ø=l'ør'>/=/sɑ:m] (ЯКНС, 7, 146).

‘Я быстро заплатила.’

(5.3.) *Ажбызы дезе қарындажына пир нек, пир ат ла пер салтыр* [p'ʕr'>/=/sɑl=tɪr] (ЯКНС, 7, 181).

‘Старший брат отдал младшему брату только одну корову и одного коня.’

(5.4.) *Ол шалғану тил пир де тьерде, пичикте пишип саан тьоқ* [p'i=ʃ'ip'>/=/sɑ:n (ɬøk)] (ЯКНС, 15, 62).

‘Этот чалканский язык не был зафиксирован ни в одном месте, ни в одной книжке.’

(5.5.) *Где-то около тьетен пеш-сегзенге тьетре палар полгон, эки класс эт саанар* [ʔət'>/=/sɑ:nɪrʕ] (ЯКНС, 13, 28).

‘Где-то от 75 до 80 детей было, два класса сделали.’

(5.6.) *А мен дезе, тетрадымны қолтуғзаар суқ саам* [süq'>/=/sɑm] (ЯКНС, 7, 147).

‘А я тетрадь свою под мышку спрятала.’

(5.7.) ... *мен дезе, нъаан эжимни Настяны қаап салдым* [ʔq:ɪr'>/=/sɑ:l=dɨm] (ЯКНС, 7, 144).

‘Я схватилась за старшую сестру Настю.’

В ГАК $Tv=n+сал=$ на стыке деепричастия на $=n$ основного глагола и вспомогательного глагола $сал=$ реализуется фонетическая конструкция $-C_> + sal-$ ($-C_> + sa-$). Анлаутный консонант «s» ВГ характеризуется как глухой щелевой переднеязычный умереннонапряженный краткий нефарингализованный неаспирированный. Препозитивный по отношению к «s» ауслатный нещелевой согласный ОГ манифестируется как импловивный.

ВГ $сал-$ отмечается как в полной: (5.3.) *пер салтыр* [p'ʕr'>/=/sɑl=tɪr] – *пер сал=тыр=* (< *пер=ип сал=тыр=*); (5.7.) *қаап салдым* [ʔq:ɪr'>/=/sɑ:l=dɨm] – *қа=ап сал=ды=м* (< *қав=ып сал=ды=м*), так и в усеченной формах: (5.1.) *үзрен саан* [ʔu: =g'eŋ'>/=/sɑ:n] – *үзрен са-ан=* (< *үзрен=ип сал=ған*); (5.2.) *төлөн саам* [t'ø=l'ør'>/=/sɑ:m] – *төлө=n са-ам* (< *төлө=n сал=ған=ым*); (5.4.) *пишип саан тьоқ* [p'i=ʃ'ip'>/=/sɑ:n (ɬøk)] – *пиши=n са-ан*

(< *пиши*=*n сал=ган*=); (5.5.) *эт саанар* [ʔət̚>/=/sɑ̌·=nɫɾ̚^c] – *эт*=↓*са-ан-ар* (< *эд*=*ип сал=ган=нар*); (5.6.) *суқ саам* [sũq>/=/sɑ̌m] – *суқ*=↓*са-ам* (< *суғ*=*ып сал=ган=ым*). Малошумный смычный латеральнощелевой согласный «л», оказавшись в результате наращивания аффиксов в интервокале или в препозиции к малошумному «q», выпадает, в последнем случае полной редукции подвергается весь биконсонантный комплекс. В результате последующего стяжения двух вокальных компонентов образуется долгий гласный. Зафиксированы случаи сокращения или утраты вторичной долготы: в (5.5.) *эт саанар* [ʔət̚>/=/sɑ̌·=nɫɾ̚^c] гласный «ɑ̌·» полудолгий, в (5.6.) *суқ саам* [sũq>/=/sɑ̌m] – «ɑ̌» краткий.

Таким образом, аудитивный анализ чалканских глагольных аналитических конструкций *Tv=n + сал=*, характеризующихся самой высокой регулярностью употребления в речи, показал существенные фонетические преобразования. БВК осознается, фактически, как единое фонетическое слово, внешнее сандхи меняет статус и становится внутренним, что подтверждается отсутствием пауз между компонентами АК и регрессивной ассимиляцией согласных по признаку работы голосовых связок: в примере (5.1.) *ўғрен саан* [ʔyː=r̚eŋ̚>/=/sɑ̌ːn] ауслаутный малошумный «ŋ̚>» ОГ оглушается под воздействием шумного глухого «s» в анлауте ВГ. Тем не менее, процесс стяжения нельзя считать завершённым, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в АК, первый глагольный компонент которых реализуется с мягкорядной вокальной осью, не происходит.

(6.) *Tv=n+ий=*

(6.1.) *Пир салқойдан тёлөв ийдивис* [t̚·ø̌ː:/=/β̚'ɪ=d̚b̚=β̚'ɪs̚^c] (ЯКНС, 7, 143).

‘Мы заплатили по одному рублю.’

(6.2.) *Мен дезе, қурсақту кижі, пері Турачақ аймақ сар ньан ийим* [ɲaː=ɲɪm̚[·]] (ЯКНС, 7, 152).

‘А я, беременная, вернулась сюда, в Турачакский район.’

(6.3.) *А төртинчи курсты нис тоозыйенис* [tò:/=z'ɪʔə:=n'ĩs̃·] *всего он меш пала* (ЯКНС, 15, 63).

‘А четвертый курс закончило всего 15 человек.’

(6.4.) «Сумачакова» – *ўни ишикееш айдыйди* [ʔä:j=dɨj=dɨʔ] (ЯКНС, 7, 147).

‘“Сумачакова”, – тихо сказала она.’

В ГАК $Tv=n+ий$ = между основным и вспомогательным глаголами отсутствует внешняя звуковая пауза, оба слова воспринимаются как единая словоформа. ВГ *ий* = отмечается как в полной форме -С + Ъj-: (6.4) *айдыйди* [ʔä:j=dɨj=dɨʔ] – *айд=ый=ди* (< *айд=↓ий=ди* = < *айд=ын ий=ди* =), так и в усеченной -С + Ъ-: (6.1.) *төлөв ийдивис* [t̪·ø̞:/=β'ɪ=dɨ=β'ɪs̃·^c] – *төлө=в ий=ди=вис* (< *төлө=n ий=ди=вис*); (6.2.) *нъан ийим* [ɲa:=ɲɪm·] – *нъан=↓ий-им* (< *нъан=ын ий=им*; (6.3.) *тоозыйенис* [tò:/=z'ɪʔə:=n'ĩs̃·] – *тооз=ый-ен=ис* (< *тооз=ын ий=ген=ивис*). В усеченной форме у ВГ *ий* = в интервокальной позиции выпадает малошумный щелевой согласный «j».

В случаях, где в результате фонетических преобразований формируется необходимый контекст, происходит значительное удлинение (более) широкого гласного в открытом слоге ОГ перед слогом с (более) узким гласным (примеры (6.1.), (6.2.)). В результате стяжения компонентов БВК (6.2.) *нъан ийим* [ɲa:=ɲɪm·] – *нъан=↓ий=им* на стыке основного и вспомогательного глаголов произошла трансформация сочетания -ний- в малошумный среднеязычный «ɲ», что можно трактовать как процесс двусторонней ассимиляции ($n \leftrightarrow \text{й}$): регрессивной по активному артикулирующему органу ($n \leftarrow \text{й}$) и прогрессивной по назальности ($n \rightarrow \text{й}$).

Во всех примерах, кроме 3-го, произошло полное выравнивание сингармонической рядности по первому гласному ОГ: твердоярному в (6.4.) *айдыйди* [ʔä:j=dɨj=dɨʔ] или мягкорядному в (6.1.) *төлөв ийдивис* [t̪·ø̞:/=β'ɪ=dɨ=β'ɪs̃·^c], (6.2.) *нъан ийим* [ɲa:=ɲɪm·]; в аналитической по происхождению словоформе (6.3.) *тоозыйенис* [tò:/=z'ɪʔə:=n'ĩs̃·] – < *тооз=ын ий=ген=ивис* процесс дистантной гармонизации еще не завершен.

Таким образом, результаты аудитивного анализа свидетельствуют о существенных фонетических изменениях, результатом которых стало преобразование ГАК $Tv=n+ий=$ в единый стяженный комплекс.

(7.) $Tv=n+қал=$

(7.1.) *Улу т̣ьаага парып, анда өл қаан* [$ʔø·\lambdạ=q\lambda·n$] (ЯКНС, 7, 141).

‘Он ушел на Великую Отечественную войну и там погиб.’

(7.2.) *Пийин марсам одус ла тудам арт қалтыр* [(m) $\lambda rt=q^c\dot{\alpha}=lt\ddot{r}$ ($q^c \rightarrow \chi^c$)] (ЯКНС, 10, 63).

‘Сегодня пошла, а там, оказывается, всего 30 завязок осталось.’

(7.3.) *Анда т̣ьөжөн қал* [$\hbar\emptyset=z'\emptyset n/=q^c\dot{\alpha}:l$], *оцуптыт* (ЯКНС, 10, 54).

‘Там спрятался и сидит.’

(7.4.) *Ол қара адыма най жүрен қаам* [$ʔy·\alpha_3=r'en'=/q^c\dot{\alpha}m$] (ЯКНС, 15, 65).

‘Я сильно привык к своему черному коню.’

(7.5.) *Эмди дезе Кандаракова пол қалам* [$p^c\dot{\alpha}l'=/q^c\dot{\alpha}:l\ddot{m}$] (ЯКНС, 7, 163).

‘Теперь я стала Кандараковой.’

(7.6.) *Қорқуп тоғ нараның алдына кир қаан* [$k'g'=/q^c\dot{\alpha}n$] (ЯКНС, 7, 45).

‘Испугавшись, под те нары спрятался.’

(7.7.) *Конечно, пир ле винтик т̣үйш қалза* [$t^c\ddot{y}\ddot{s}'=/q^c\dot{\alpha}l=z\lambda'ʔ$], *сенокосилка иштевес* (ЯКНС, 15, 65).

‘Конечно, если даже один винтик выпадет, сенокосилка не будет работать.’

Результаты фонетического анализа свидетельствуют о том, что в анлауте ВГ *қал=* шумная фонема [q] реализуется в двух основных типах глухих оттенков: 1) умереннонапряженном неаспирированном: (7.1.) *өл қаан* [$ʔø·\lambdạ=q\lambda·n$] или аспирированном:

(7.7.) *түш қалза* [t^сʊʃ'/=/q^сɑl=zλʔ], либо слабонапряженном аспирированном: (7.2.) *арт қалтыр* [(-m) λrt=q^сɑ=ltɪr (q^с → χ^с)] – в постпозиции к глухому ауслаутному согласному ОГ; 2) сильнонапряженном аспирированном нефарингализованном: (7.3.) *төжөн қал* [hø=z'øn'/=/q^сɑ:l] или фарингализованном: (7.4.) *үзрен қаам* [ʔy·ɑ=r'eŋ'/=/q^сɑm]; (7.5.) *пол қалам* [p^сɑl'/=/q^сɑ:=lɪm]; (7.6.) *кир қаан* [kɪr'/=/q^сɑn] – в постпозиции к малолушному ауслаутному согласному ОГ.

В конструкциях Tv=n+қал=, аналитических по происхождению, отсутствует словесная пауза между основным и вспомогательным глаголами, бивербальная конструкция воспринимается как единая словоформа. Исключение составляют АК (7.4) *үзрен қаам* [ʔy·ɑ=r'eŋ'/=/q^сɑm], (7.6.) *кир қаан* [kɪr'/=/q^сɑn], в которых в анлауте вспомогательного глагола сохраняется сильная напряженность и фарингализованность аспирированного звука «'q^с».

ВГ қал=, как и глагол ий=, отмечается как в полной форме -C + qal- ((7.2.) *арт қалтыр* [(m) λrt=q^сɑ=ltɪr (q^с → χ^с)] – *арт*=↓ *қал*=тыр= (< *арт*=ып *қал*=тыр=); (7.3.) *төжөн қал* [hø=z'øn'/=/q^сɑ:l] – *төжөн*=↓ *қал*=↓ (< *төжөн*=ып *қал*=ып=); (7.5.) *пол қалам* [p^сɑl'/=/q^сɑ:=lɪm] – *пол*=↓ *қал*-ам (< *пол*=ып *қал*=ған=ым); (7.7.) *түш қалза* [t^сʊʃ'/=/q^сɑl=zλʔ] – *түш*=↓ *қал*=за= (< *түж*=ип *қал*=за=)), так и в усеченной -C + qa- ((7.1.) *өл қаан* [ʔø·λ=qɑ·n] – *өл*=↓ *қа*-ан= (< *өл*=ип *қал*=ған=); (7.4.) *үзрен қаам* [ʔy·ɑ=r'eŋ'/=/q^сɑm] – *үзрен*=↓ *қа*-ам (< *үзрен*=ип *қал*=ған=ым); (7.6.) *кир қаан* [kɪr'/=/q^сɑn] – *кир*=↓ *қа*-ан= (< *кир*=ип *қал*-ған=)). В усеченной форме у ВГ қал= при агглютинации в интервокальной позиции выпадает малолушный щелевой согласный «l», при стечении звуков «l» и «q» на стыке морфем выпадает звуковой комплекс «lq».

В ГАК (7.1.) *өл қаан* [ʔø·λ=qɑ·n] и (7.3.) *төжөн қал* [hø=z'øn'/=/q^сɑ:l] в звуковой оси ВГ зафиксирована (полу)долгота гласного компенсаторного характера, в примере (7.5.) *пол қалам* [p^сɑl'/=/q^сɑ:=lɪm] – позиционная долгота. В примерах (7.4.) и (7.6.) ожидаемой вторичной долготы гласных, образовавшейся

вследствие усечения вспомогательного глагола с последующим стяжением вокальных компонентов, не отмечено.

Во всех примерах, в которых звуковая ось основного глагола реализуется как мягкорядная, выравнивания сингармонического ряда всего аналитического комплекса не происходит – звуковое оформление ВГ остается твердоярдыным, причем даже в тех случаях, где произошло слияние компонентов БВК в одно фонетическое слово: (7.1.) *өл қаан* [ʔø·λ=qλ·n], (7.3.) *тыёжён қал* [hø=ʒ'øn/=/'q̣'ɑ:l], (7.7.) *түйи қалза* [t'c'üʃ'=/q'ɑ:l=zλʔ] и констатируется глухость ауслатного малошумного согласного основного глагола в результате регрессивной ассимиляции под воздействием анлаутного шумного глухого «q» вспомогательного глагола: (7.1.) *өл қаан* [ʔø·λ=qλ·n], (7.4.) *үзген қаам* [ʔy·ɑ=g'eŋ'=//'q̣'ɑ:m].

Таким образом, в приведенном материале констатируются различные стадии активно протекающих процессов стяжения ГАК *Tv=n+қал*= в единое слово. Наиболее продуктивны явления синтеза в аналитических конструкциях с твердоярдной вокальной осью основного глагола: слияние БВГ в единое беспаяузальное слово, стыковочные консонантные компоненты которого подчиняются ассимилятивным законам внутреннего сандхи, происходит даже в тех случаях, когда анлаутный согласный ВГ ещё сохраняет сильную напряженность и фарингализованность, маркирующие, как правило, начало слова ((7.5.) *пол қалам* [p'c'ɑl'=//'q̣'ɑ:=l̥m]).

В конструкциях с мягкорядным основным глаголом слияние частей аналитических форм, ВГ в которых имеет сильнонапряженную фарингализованную инициаль, замедляется необходимостью осуществления дистантной ассимиляции по палатальной рядности, сингармонизации фрагментов комплекса ((4) *үзген қаам* [ʔy·ɑ=g'eŋ'=//'q̣'ɑ:m], (7.6.) *қир қаан* [k'ĩg'=//'q̣'ɑ:n]).

(8.) $Tv=n+al=$

(8.1.) *Айда иштеп, писти дезе **й̣зредаян*** [ʔü=r'e=dλn] (ЯКНС, 7, 142).

‘Так работая, нас выучила.’

(8.2.) *Пис қартоқоны **тып алдывыс*** [hʃʔ=β^cä:l=dɨ=βɨ̃s̄], *ақча төлөвемис* (ЯКНС, 7, 144).

‘Мы картошку съели, деньги не заплатили.’

(8.3.) *Ол машинаға **оцыв алдывыс*** [ʔö:=ʃʔ=βλl=dɨ=βɨ̃s̄] (ЯКНС, 7, 144).

‘Мы сели в ту машину.’

(8.4.) *А мени дезе анда покоста **таванар*** [ʔt̪:λ:/=βλ=nλrʃ] (ЯКНС, 15, 65).

‘А меня нашли там, на покосе.’

Анализируемые бивербальные конструкции $Tv=n+al=$ реализуются как в полной ((8.2.) *тып алдывыс* [hʃʔ=β^c ä:l=dɨ=βɨ̃s̄] – *тыи=n ал=ды=выс*; (8.3.) *оцыв алдывыс* [ʔö:=ʃʔ=βλl=dɨ=βɨ̃s̄] – *оцыв=в(< =р) ал=ды=выс*), так и в усеченной ((8.1.) *й̣зредаян* [ʔü=r'e=dλn] – *й̣зред=↓ а-ан=* (< *й̣зред=ип ал=зан=*); (8.4.) *таванар* [ʔt̪:λ:/=βλ=nλrʃ] – *тав-ан-ар* (< *тав=ып ал=зан=нар*)) формах. Причем усечению подвергаются (или не подвергаются) оба глагольных компонента: основной глагол утрачивает деепричастный показатель, неполные формы вспомогательного глагола *ал=* образуются в результате выпадения в интервокале на стыке морфем малошумного «л» или консонантного комплекса «lq» – вторичная долгота гласных, возникающая в таких случаях, по-видимому, уже утрачена.

В стяженных ГАК согласный основного глагола, оказавшийся в ауслауте при выпадении аффикса деепричастия, сохраняет свою звонкость в препозиции к анлаутному гласному ВГ: (8.1.) *й̣зредаян* [ʔü=r'e=dλn], (8.4.) *таванар* [ʔt̪:λ:/=βλ=nλrʃ]. Произношение полных АК вариативно, что обусловлено незавершенностью процессов синтеза. В одних примерах полных АК не только сохраняется межсловная пауза и качество ауслаутного

сильнонапряженного глухого придыхательного согласного «р^с» деепричастной формы основного глагола, но и акцентируется долготой начальный гласный вспомогательного глагола: (8.2.) *тып алдывыс* [hʲi=β^cɑ:l=dʲi=βʲĩ̃s̄], что свидетельствует о полной самостоятельности компонентов ГАК. В других фразах с полными ГАК пауза между словами устраняется, внешнее сан-дхи трансформируется во внутреннее – вследствие фонетических преобразований создается фонетический контекст, способствующий озвончению финального «р» основного глагола: (8.3.) *оцыв алдывыс* [ʔö:=fʲi=βʲɑl=dʲi=βʲĩ̃s̄], что указывает на процесс стяжения.

Функцию дополнительного акцента, маркирующего начало единого синтезированного слова, может выполнять удлинение первого гласного ОГ – позиционное ((8.3.) *оцыв алдывыс* [ʔö:=fʲi=βʲɑl=dʲi=βʲĩ̃s̄]) или компенсаторное ((8.4.) *таванар* [ʔt̪:ɑ:≠/βʲɑ=nʲɑrʲ]).

Тем не менее, в стяженных ГАК с мягкорядной звуковой осью основного глагола – первого компонента словосочетания – гармонической дистантной ассимиляции не происходит ((8.1.) *йәредаан* [ʔʉ=r'e=dʲɑn], (8.3.) *оцыв алдывыс* [ʔö:=fʲi=βʲɑl=dʲi=βʲĩ̃s̄]).

(9.) Tv=n+ner=

(9.1.) “Тье, мен слерге сейчас отуруш **тап верем** [(9.1-1.) tʲɑp>/=pʲə(rʲə)m̄ ~ (9.1-2.) tʲəpʲ</=βʲə(rʲə)m̄]” – *деп, нар қып, отуруш экел верди* [(9.1a-1.) (ʔö:=/tʉr) fʲə=kə=lʲəβ =ərdə ~ (9.1a-2.) ʔə=kəl=prɛr=dʲ ~ (9.1a-3.) ʔə=kəl=βʲərd=dʲʲ?] (ЯКНС, 7, 145).

‘ “Ну, я вам сейчас стул найду”, – сказала она и принесла стул.’

(9.2.) *Санькиннинг кижилери айтпеенер* [ʔʲɑjʲt̪>/=pʲə=nʲərd̪] (ЯКНС, 7, 143).

‘Люди из Санькино нам сказали.’

Зафиксированные случаи использования ГАК Tv=n+ner= дают очень неоднозначную картину фонетических изменений

в позициях внешнего и внутреннего сандхи, отражающих начальные этапы трансформации БВК. Многовариантность произношения одних и тех же ГАК также свидетельствует о том, что процессы синтеза далеки от завершения. В обобщенном систематизированном виде ассимилятивные (и диссимилятивные) трансформации в звуковой оси БВК $Tv=n+per=$ представлены ниже:

Озвончение		Озвончения нет	
1-2	$-Vp^c + \beta er-$	1-1	$-Vp_{>} + per-$
1a-1	$-(V) + \beta er-$	2	$-Vt_{>} + per-$
1a-3	$-Vl + \beta er-$	1a-2	$-Vl + \underline{per}-$

В анлауте ВГ $per=$ употребляется глухой смычный переднеязычный умереннонапряженный краткий нефарингализованный неаспирированный согласный «р», если в препозиции произносится шумный глухой имплозивный согласный: (9.1.) *тап верем* [(9.1-1.) $t\lambda p_{>} / = / p^c(r^c)m^c$] – *та=n вер=e=m* (< *тав=ын пер=ер=им*); (9.2.) *айтпеенер* [$\lambda j^c t_{>} / = / p^c n^c r^c$] *айт=пе-ен-ер* (< *айд=ын пер=ген=нер*). Если же в ауслауте ОГ находится гласный или малошумный согласный, происходит озвончение инициального согласного ВГ: (9.1a.) *экл верди* [(9.1a-1.) ($\lambda d_{>} / = / t\lambda r$) $\lambda^c k\lambda = l^c \beta = \lambda r^c = d\lambda \sim$ (9.1a-3.) $\lambda^c \theta = k\lambda = \beta^c \lambda r^c = d^c \lambda$] – *экл=↓ верди=* (< *ал=ын кел=e вер=ди=*). Факультативно в постпозиции к малошумному финальному «л» основного глагола в анлауте ВГ используется, наряду с более частотным звонким β , сильнонапряженный глухой звук «р», при этом отмечается слабое оглушение препозитивного малошумного «л»: (9.1a.) *экл верди* [(9.1a-2.) $\lambda^c \theta = k\lambda = \underline{p} \lambda r^c = d^c \lambda$]. Как исключение был зафиксирован случай диссимиляции, нехарактерный для сибирских тюркских языков, когда в позиции внешнего сандхи в постпозиции к глухому шумному согласному констатируется факультативный шумный звонкий «β»: (9.1.) *тап верем* [(9.1-2.) $t^c \lambda p^c / = / \beta^c(r^c)m^c$].

Таким образом, случаи контактной ассимиляции согласных, сочетающихся в позиции внешнего сандхи, свидетельствуют

о протекании процесса синтеза компонентов БВК, но факультативность произношений указывает на начальную стадию этих преобразований.

(10.) $Tv=n+k\ell=$

(10.1.) *Пери ньанкем* [ɲan>/=/'k̥əɱ·] (ЯКНС, 7, 153).

‘Я вернулась сюда.’

(10.2.) *Роданов Виктор Матвеевич деп кижки кир кеен* [’k̥ɨr’>/=/'k̥eɱ·] (ЯКНС, 7, 145).

‘Вошел человек по имени Роданов Виктор Матвеевич.’

(10.3.) *Штанын тарта, тарта, қапицей ле тур келтир* [t̥ʉr>/=/'k̥el'=t̥ɹ] (ЯКНС, 15, 67).

‘Она, штаны натягивая, оказывается, быстро встала.’

(10.4.) *Қышқыда аны алкен* [ʔəl>/=/'k̥eɾ·] *өдүкке кийетен* (ЯКНС, 15, 67).

‘Зимой брали его и надевали внутрь обуви’.

(10.5.) *Тайдам дезе пар, анмырда нектин тьагларын кез алкен* [ke:/=/'zəl=q̥ɹp>], *туда пертир ола* (ЯКНС, 15, 68).

‘А мой дедушка пошел в амбар и, отрезав коровьего жира, ему дал, оказывается.’

(10.6.) *Ол ло қуртыйац Ленинниң портредин көр алкен* [k̥ʉr>/=/'əl=q̥ɹp>], *по Ленин деп кижки мен апицыйам ла оцқац тас* *наш полтыр деп* (ЯКНС, 15, 68).

‘Та же самая старушка, увидев портрет Ленина, [говорит]: “Этот Ленин, оказывается, как и мой муж, лысый.”’

Как в бивербальных аналитических конструкциях $Tv=n+k\ell=$ ((10.1.) *ньан кем* [ɲan>/=/'k̥əɱ·] – *ньан*=↓ *ке-м* (< *ньан*=*ып кел*=*ген*=*ым*); (10.2.) *кир кеен* [’k̥ɨr’>/=/'k̥eɱ·] – *кир*=↓ *ке-ен*= (< *кир*=*ип кел*=*ген*=); (10.3.) *тур келтир* [t̥ʉr>/=/'k̥el'=t̥ɹ] – *тур*=↓ *кел*=*тир*= (< *тур*=*ып кел*=*тир*=); (10.4.) *алкен* [ʔəl>/=/'k̥eɾ·] – *ал-ке-п* (< *ал*=*ып кел*=*ип*)), так и в трехглагольных $Tv=n+al+=k\ell=$ ((10.5.) *кез алкен* [ke:/=/'zəl=q̥ɹp>] – *кез*=↓ *ал*=*ке-п* (< *кез*=*ип ал*=*ып кел*=*ип*); (10.6.) *көр алкен* [k̥ʉr>/=/'əl=q̥ɹp>] –

kör=↓ ал-ке=n (< *kör=ип ал=ып кел=ип*)) между основным и вспомогательным(и) глаголами отсутствует внешняя звуковая пауза, ГАК воспринимается как единая словоформа.

Вспомогательный глагол *кел=* отмечается в усеченной форме -С + *kel-* → -С + *ke-* (примеры (10.1.), (10.2.), (10.4.), (10.5.), (10.6.)), реже – в полной (пример (10.3.)). Усеченная форма образуется в результате выпадения малошумного звука «↓» или сочетания малошумных «↓g» в интервокале на стыке морфем. Вторичная долгота гласного при этом не фиксируется.

В полной форме инициальный согласный «к» вспомогательного глагола сильнонапряженный ((10.3.) *тур келтир* [túr=//kel'=t'ɪ]), в то время как в той же позиции в краткой форме звук «'к^c» – сильнонапряженный фарингализованный аспирированный ((1) *нъан кем* [ɲaɲ>=//'к^cэм·], (10.2.) *кир кеен* ['к^cьr'=//'к^cеп·]). Препозитивный по отношению к анлаутному «k» нецелевой согласный реализуется как импловивный.

В трехглагольных аналитических конструкциях происходит смена палатальной сингармонической рядности вспомогательного глагола *кел=* с мягкой на твердую по аналогии с препозитивным ВГ *ал=*: (10.5.) *кез алкеп* [ке:/=zɪl/=qɪp>] – *кез=↓ ал=ке-n* (< *кез=ип ал=ып кел=ип*); (10.6.) *көр алкеп* [kör:/=?ɪl=qɪp^c] – *көр=↓ ал-ке=n* (< *көр=ип ал=ып кел=ип*). При этом в анлауте ВГ звук «q» реализуется как умереннонапряженный.

Отмеченные фонетические трансформации свидетельствуют об активно происходящих процессах синтеза конструкций со вспомогательным глаголом *кел=*, аналитических по происхождению.

(11.) Tv=n+nap=

(11.1.) **Шык пар** [ʃ:'ɪk>=/pɪr], *айландыра көрзе, пир да нима көренмийтътит* (ЯКНС, 15, 68).

‘Когда она вышла и посмотрела вокруг, ничего не было видно.’

(11.2.) *Мен Суранашқа көчүп парам* [kõ:/=ʃ:'y:=pɪ=rɪm] (ЯКНС, 15, 69).

‘Я переехала в Суранаш.’

(11.3.) *Коридора чык партым* [ʃ:ˈɪk̚=/pɪr=tɪm], он эки час, пир час, эки часқа йетире оцыптым (ЯКНС, 13, 29).

‘Выхожу в коридор, сию до двенадцати, до часа, до двух часов.’

В ГАК $Tv=n+par=$ ВГ $par=$ констатируется только в полной форме – случаев выпадения финального малошумного не выявлено. Анлаутный губно-губной «р» вспомогательного глагола – глухой смычный умереннонапряженный краткий нефарингализованный неаспирированный. Препозитивные к инициальному согласному «р» вспомогательного глагола нещелевые согласные – имплозивные.

Если ОГ однослоговой, то между основным и вспомогательным глаголами отсутствует внешняя звуковая пауза, ГАК воспринимается как единая словоформа: (11.1.) *щык пар* [ʃ:ˈɪk̚=/pɪr] – *щык*=↓ *пар*=↓ (< *щыг*=*ын пар*=*ын*); (11.3.) *чык партым* [ʃ:ˈɪk̚=/pɪr=tɪm] – *чык*=↓ *пар*=*ты*=*м* (< *щыг*=*ын пар*=*ын тур*=*ум*). Если ОГ дву- или многослоговой с финальным долгим гласным, то между основным и вспомогательным глаголами возникает внешняя звуковая пауза, слияния компонентов АК в одно слово не наблюдается: (11.2.) *көчүн парам* [k̚ö:/=ʃ:ˈy: =pɪr=gɪm] (< *көч*=*үн пар*=*ган*=*ым*). Палатальная сингармонизация также не происходит.

(12.) $Tv=n+чык$ =/*щык*=

(12.1.) *Кенеткеле көдрелериле тьоқтош щыққаннар*
[h̥əq̚>=t̪ö̞ʃˈ/=/ʃɪˈq̚=qɪn=nɪr̪ˤ] (ЯКНС, 15, 69).

‘Внезапно все разом заговорили.’

(12.2.) *Анчылар қырыш чыққаннар* [ˈq̚:ˤʃˈ=ʃɪˈr̪ˤ=qɪ=nɪr̪ˤ] (ЯКНС, 15, 69).

‘Охотники начали спорить.’

(12.3.) *Кенеткеле* *нъанмыр* *тъап* *щыққан* [hã:p> /₌/ʃːtː=q^cλn] (ЯКНС, 15, 69).

‘Внезапно хлынул дождь.’

В ГАК $Tv=n+чық= /щық=$ между основным и вспомогательным глаголами отмечается внешняя продолжительная звуковая пауза – конструкция произносится в два слова. ВГ отмечен только в полной форме: (12.1.) *тьоқтош щыққаннар* [høq>=tõʃː /₌/ʃːtː q=qλn=pλr^c] – *тьоқтош*=↓ *щық*=қан=нар (< *тьоқтож*=ып *щық*=қан=нар); (12.2.) *қырыш чыққаннар* [ˈqː^cʔ=rː^cʔʃː /₌/ʃːtː=qλ=pλr^c] – *қырыш*=↓ *чық*=қан=нар (< *қырыж*=ып *щық*=қан=нар); (12.3.) *тъап щыққан* [hã:p>=₌/ʃːtː=q^cλn] – *тъа*=п *щық*=қан= (< *тъаг*=ып *щық*=қан).

Анлаутный звук «ʃ» вспомогательного глагола – глухой щелевой переднеязычный умеренно-(~ сверхсильно-)палатализованый умереннонапряженный нефарингализованный неаспирированный. Варьирование степени палатализации согласного «ʃ» от умеренной до сверхсильной носит факультативный характер, не зависящий от позиционно-комбинаторного использования; можно предположить наличие корреляции между палатализацией данного типа согласных и просодикой. Препозитивные по отношению к анлаутному «ʃ» ВГ нещелевые согласные – имплозивные.

В звуковой оси как основного, так и вспомогательного глаголов отмечается перелом палатального сингармонизма – происходит смена твердого ряда на мягкий, обусловленная наличием среднеязычного согласного или сильнопалатализованного «ʃː».

Фонетические данные свидетельствуют о том, что компоненты БВК $Tv=n+чық= /щық=$ осознаются носителями языка как два самостоятельных слова.

Таким образом, результаты аудитивного анализа бивербальных конструкций чалканского языка свидетельствуют о том, что фонетические трансформации, сопровождающие процессы стяжения ГАК, происходят с различной скоростью: фактически во

всех примерах завершилось выпадение деепричастного показателя основного глагола вследствие утраты им информативности, в большинстве случаев устранена внешняя пауза, выполнявшая делимитативную функцию между компонентами БВК.

В составе вспомогательного глагола в ряде случаев констатируется ослабление сильнонапряженных (фарингализованных) артикуляций в анлауте ВГ, выпадение звуков или звуковых комплексов (чаще всего – «l» или «lɔɣ») в интервокале на стыке морфем с последующим стяжением гласных в один долгий и утратой этой долготы – в речи современных чалканцев случаи реализации вторичной долготы в стяженных АК фиксируются крайне редко.

При возникновении в результате стяжения определенного фонетического контекста на стыке основного и вспомогательного глаголов происходит контактная регрессивная ассимиляция ауслаута ОГ по звонкости-глухости, реже – двусторонняя ассимиляция, причем, если ОГ дву- или многослоговой, указанные процессы, как правило, завершаются раньше, чем в однослоговых ОГ. Сочетания сонорный + шумный глухой на стыке морфем, неприемлемые в ряде современных тюркских языков Южной Сибири [Широбокова 2000: 30–31], продуктивны в чалканском языке, что свидетельствует о более слабой ассимиляции согласных по глухости-звонкости.

При создании благоприятных фонетических условий для образования позиционной долготы гласных как в основном, так и во вспомогательном глаголах широкий этимологически краткий гласный открытого слога удлинняется перед слогом с узким гласным до длительности вторичного долгого, происходит фонологизация позиционной долготы.

Значительно медленнее осуществляется сингармонизация – дистантная ассимиляция по палатальной и лабиальной рядности вспомогательных компонентов бивербальных конструкций, осложняя, тем самым, процессы их синтеза; особенно медленно происходят эти процессы в тех аналитических конструкциях, в которых звуковая ось вспомогательного глагола – твердо-рядная.

2.2. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи

Данный параграф посвящен исследованию фонетических процессов, протекающих в позициях внешнего (на стыке словоформ) и внутреннего (на стыке морфем) сандхи в аналитических формах глагола в шорском языке.

Фонетические изменения на стыке слов и морфем на материале шорских глагольных аналитических конструкций систематически не изучались. Некоторые фрагментарные, хотя и теоретически значимые, наблюдения и выводы по данной проблематике содержатся в трудах Н. П. Дыренковой [1941: 216–262], Н. Н. Курпешко, Н. Н. Широковой [1991], Э. Ф. Чиспиякова [1992 а], И. В. Шенцовой [1997], Н. С. Уртегешева [2002; 2004].

В работе используются примеры с глагольными аналитическими конструкциями из произведений современных авторов, а также из речи носителей шорского языка, записанные Н. С. Уртегешевым во время неоднократных командировок в места компактного проживания шорцев.

В современном шорском языке существуют значительные ограничения на использование аналитических конструкций. Многие ГАК, зафиксированные в фольклорных текстах или художественных произведениях 1930-х гг., малопродуктивны или вовсе не используются шорцами в обыденной речи, а также в литературных произведениях.

Ниже систематизируются типы и приводятся примеры деепричастных аналитических конструкций, выявленных в результате выборки из современных шорских текстов. Целью последующего фонетического анализа материала является определение звуковых трансформаций в сандхиальных позициях, выступающих в качестве показателя степени аналитизма рассматриваемых глагольных комплексов [Курпешко, Широкова 1991: 8; Селю-

тина, Уртегешев, Рыжикова 2006]. Анализ фонетических изменений позволяет судить о процессах синтетики деепричастных аналитических конструкций шорского языка.

Трансформации, зафиксированные в шорских деепричастных ГАК, свидетельствуют как о различной подверженности компонентов бивербальных конструкций фонетическим преобразованиям в позициях внутреннего и внешнего сандхи, так и о степени стяженности основного и вспомогательного глаголов.

Полный перечень шорских ГАК, выбранных из опубликованных в журнале «Огни Кузбасса» (2007. № 28) произведений художественной литературы и анализируемых в данной работе, приведён и классифицирован ниже (в скобках указаны номера страниц журнала).

(1.) $Tv=p + V^{всп.}$

(1.1.) $Tv=p + одур=$

(1.1.1.) *Мага үдре чылыб-одурча* [$ʰḥ̣:ɪl/=bò:=dùr=ʰḥ̣:aʔ$], – *кыйал!* (55).

‘Ползет на меня – беда!’.

(1.1.2.) *Кичиг өнниг сомнаң мага үдре қайран апиый көрибодурча* [$kör'/=bò:=dùr=ʰḥ̣:aʔ$] (51).

‘С маленькой цветной фотографии смотрит на меня дорогой старик’.

(1.1.3.) *Ныбақтар тапча, ызыбодурча* [$ʔḥ̣:=zḥ̣'/=bò:=dùr=ʰḥ̣:aʔ$] (52).

‘Сказки ищет, рассказывает’.

(1.1.4.) *Көрүнүн, эртибодурча...* [$ʔzḥ̣'t'/=bò:=dùr=ʰḥ̣:aʔ$] (60).

‘Виднеясь, проходит...’.

(1.1.5.) *Назбур да чылыг да арыг, // Ыргүдибодурун* [$ʔü:r'=güd'/=bò:=dùr=gör>$] *чагча* ... (61).

‘Теплый, чистый дождь, // Радуга, падает...’.

(1.1.6.) *Улуг алгыш перибодур...* [$p'e:r'/=bò:=dùr$] (75).

‘Большой привет передай...’.

(1.1.7.) Э, по алыз шышқанақ мында **сыықтабодурчаттыр** [ʼs:ʔ̄ː=qʼt:λ/=bôː=dûr/=ʼħç:at>=t̄r] (145).

‘Э, да это глупый мышонок здесь рыдает, оказывается’.

(1.1.8.) **Сыықтап, одурбодургам** [ʔôː=dûr/=bôː=dûr=q̄αm>] анда (146).

‘Рыдая, сижу я там’.

1.2. TV=π + ыс=

(1.2.1.) **Паслей Чистобаев чуртпа чөрбалды, эмге келип, от салыбысты** [ʼs:λː/=l̄ʔ̄=bʔ̄sːːc=t̄ʔ̄] (33).

‘Василий Чистобаев ходил через село, придя домой, разжег огонь’.

(1.2.2.) **Паслей сигаретин шелибисти** [ʼʃːeː/=l̄ʔ̄=bʔ̄sːːc=t̄ʔ̄ʔ̄], пазоқ одурсалды (34).

‘Василий бросил сигарету и снова сел’.

(1.2.3.) **и ном пожадыбыстым** [pôːʒʼaː/=d̄ʔ̄=bʔ̄sːːc=t̄ʔ̄m> ~ pôːʒʼaː/=d̄ʔ̄=bsːːc=t̄ʔ̄m>] (34).

‘Три книги выпустил’.

(1.2.4.) **Туган аалымай чагын көрүнмисти** [kôː=rʔ̄ynː>/=mʔ̄sːːc=t̄ʔ̄ʔ̄] (55).

‘Родное село вблизи завиднелось’.

(1.2.5.) **Тескере айланмысты** [ʔ̄λːːj=lʼan>/=mʔ̄sːːc=t̄ʔ̄ʔ̄] // **По ақ чарыгаи** (63).

‘Наизнанку вывернул // Этот Мирок’.

(1.2.6.) **Мен өлибистим** [ʔ̄øː=λʔ̄ʔ̄/=bʔ̄sːːc=t̄ʔ̄m>] **ма? Чоқ алынмыстым** [ʔ̄λːː=l̄ʔ̄n>/=mʔ̄sːːc=t̄ʔ̄m>]?! (63).

‘Умер ли я? Зачем поглупел?!’

(1.2.7.) **Уңнабас черге шыгыбыстың** [ʔ̄ʃːiː=q̄ʔ̄ʔ̄/=bʔ̄sːːc=t̄ʔ̄ŋ>] (71).

‘Ты вышел к забытой земле’.

(1.2.8.) **Анаң, ол эмге парысты** [pλːː/=r̄ʔ̄sːːc=t̄ʔ̄ʔ̄] (100).

‘После он ушел домой’.

(1.2.9.) **Көдленмисти** [kôː=lʼenː>/=mʔ̄sːːc=t̄ʔ̄ʔ̄] **қазаңны билет** (186).

‘Полюбил берёзу кедр молодой’.

1.3. Tv=п + ал=

(1.3.1.) *Үргенбалдым* [ʔür'=*gen*>=/m^cä:=ldɨm>], *учуқтум* (34).
‘Выучился, летал=я’.

(1.3.2.) *Анда таллар аразында кичиг эмишек көрбалтырлар* [kõ:r'=/b^cäl=tɨr=lɨr] (35).
‘Там среди тальника они увидели маленький домик’.

(1.3.3.) *Уңнабалдым* [ʔüŋ>=пл=/b^cäl=dɨm>], *ноо полган* (42).
‘Узнал=я, что случилось’.

(1.3.4.) *Сыраңай ла Паслей таныбалды* [tä:=пъ=/b^cä:=ldɨʔ] *лачынны* (33).
‘Сыранай и Василий узнали сокола’.

(1.3.5.) *Кичиг қушчақты қабалып...* [ʔq:ä=bä:/lɨp>] (34).
‘Маленькую птичку схватив...’.

(1.3.6.) *По қажында ойнап, шомыбалып* [ʔʃ':øm>=m^cä:/=lɨp> ~ ʔʃ':øm>=b^cä:/=lɨp>], // *Қумақ ұстүнде чатқам* (59).
‘На этом берегу играл я и купался, // Лежал я на песке’.

(1.3.7.) *Ол қажында торум чыгыбалып...* [ʔɮc:t:=qɨ'/=b^cä:=lɨp>] (59).
‘На этом берегу кедровые шишки собрав...’.

(1.3.8.) *Чүүнүг қыс көрибалып* [kõ:r'=/b^cä:=lɨp>], // *Аға чүгүр-чам* (62).
‘Увидев похожую девушку, // К ней бегу’.

(1.3.9.) *Тосқанче иживалдыбыс* [ʔt:ʒ'=/β^cäl=dɨ=b^bs^c] (99).
‘Мы все выпили’.

(1.3.10.) *Чылыг үйдең шыгвал* [ʔʃ':t:q'=/β^cäl], *одурсалып те-григе көрсалде* (145).
‘Из тёплого дома выйдя, сев, на небо смотрел’.

(1.3.11.) – *Че, – жүргүнбалды* [ʔür'=*gyn*>=/m^cä:=ldɨʔ] *шышқанақ* (146).
‘– Ладно, – обрадовался мышонок’.

1.4. Tv=(п) + пер=

(1.4.1.) *Қайаға, айтпер* [ʔä:jt>=p^cer'], *мен парайын?* (59).

‘Куда, скажи, я пойду?’

(1.4.2.) *Төлүн айдап перди* [ʔä:j=däp>=p^cer=d^ʔʔ], *позу пазоқ улғап шықты* (95).

‘Она сказала фамилию, а сама опять стала слушать’.

(1.4.3.) *Палачақ меең тугперейин* [tù:ȳ=p^cε:=r^ce:=^ʔin^ʔ], *сен ошқаш* (185).

‘Ребенок у меня родится, похожий на тебя’.

(1.4.4.) *Қолба тың шаппанберди* [ʃar>=p^cān>=b^cer=d^ʔʔ] (36).

‘Рукой сильно не ударил’.

1.5. Tv=(п) + кел=

(1.5.1.) *Полған штобым ашкел* [ʔä:ʃ^c=^ʔk:el^ʔ], *иш шығарбстым, аға позуна да уркелдим* [ʔü:r=^ʔk:el^ʔ=d^ʔʔm^ʔ] (51).

‘Открыл бутылку, вино заставил литься, ему только самому я налил’.

(1.5.2.) *Ол, шачыркел* [ʃa:=ħʃ^cī^c=^ʔk:el^ʔ], *ижибисти* (52).

‘Он, шачиг (обряд по задабриванию духов: крапление спиртным напитком на священном месте – *авт.*) проведя, выпил’.

(1.5.3.) *Таңда, таңда турыпкел* [tù:=rīp>=^ʔk:el^ʔ], *эх, тананой!* (58).

‘На заре, на заре встав, эх, тананой!’

(1.5.4.) *Қанаттар шабын кел* [ʃa:=bīn>=^ʔk:el^ʔ], *учуқты* (63).

‘Расправив крылья, полетел’.

(1.5.5.) *Аны тескере айлан кел...* [ʔä:j=l^can>=^ʔk:el^ʔ] (64).

‘Наизнанку его вывернул...’.

(1.5.6.) *...алғыжың аға перкелип* [p^cεī^c=^ʔk:ε:=l^ʔip^ʔ]! (67).

‘...твоё благопожелание ему передав!’

(1.5.7.) *Оң қолымны алкелип* [ʔä:l=^ʔk:ε:=l^ʔip^ʔ] (75).

‘Мою правую руку взяв...’.

(1.5.8.) *Чақшы сарын сарнапкелип* [s^cār=^ʔn:āp>=^ʔk:ε:=l^ʔip^ʔ], // *Меең пажымны айлан турды* (75).

‘Запев хорошую песню, // Мою голову вскружила’.

(1.5.9.) *Больницаға пир қат киркелди* [kīī^c=^ʔk:el^ʔ=d^ʔʔ] (95).

‘В больницу зашла женщина’.

(1.5.10.) *Чүче ле полганда, по қаттың эри четкелди* [^hçet'>='k:ɛl'=d'ɛʔ] (95).

‘Немного погода, пришел муж этой женщины’.

(1.5.11.) *Эриң мойнунга азынкелип* [ʔä:=zɛ'n:>='k:ɛ:=l'ip'], *сыықтап шықты* (95).

‘Повиснув на шее мужа, стала рыдать’.

1.6. Tv=(п) + пар=

(1.6.1.) *Улуг кижиге полпарып* [pöl=pɹl:=gɛp>], *иштедин* (56).

‘Став великим человеком, ты работал’.

(1.6.2.) *Маңзрап чаттым, чүзүр парып* [^hç:u:=gür'=pɹl:=gɛp>] (57).

‘В спешке жил, убегая’.

(1.6.3.) *Иирде ле тузаным Нанып, мага кирпарды* [kɛr'=pɹɹ=d'ɛʔ] (60).

‘Только вечером близкий родственник мой, возвращаясь, ко мне зашел’.

(1.6.4.) *По чашка, по чашка нойпарбан* [ʔn:ɔj=pɹɹ=b'ɔn>]! (64).

‘В этой жизни, в этой жизни он не устал!’

(1.6.5.) *Кемме кирге чаш чажап пардым...* [^hç:a:=ʒ'ap>=pɹɹ=d'ɛm>] (65).

‘С кем вместе жизнь прожил я ...’.

(1.6.6.) *Черге, нагбүр полып, түйшпарча* [t'öj'c=pɹɹ:=r'ç:aʔ] (67).

‘На землю падает дождь’.

(1.6.7.) *Қара тыбан чайылпартыр* [^hç:a:=ʔɹl'=pɹɹ='t:ɛr] (77).

‘Чёрный туман расстелился’.

(1.6.8.) *Көк шалгынақ өспартыр* [ʔø:s'=pɹɹ='t:ɛr] (77).

‘Зеленая крапива выросла, оказывается’.

1.7. Tv=(п) + сал=

(1.7.1.) *Полган тақпаны тартсалдың* [tɹɹ't:='s:ɹl=d'ɛŋ>] (78).

‘Табак, который был, зятянул ты’.

(1.7.2.) *Ол сенең прощения сурапча, чдйлапсалзанаң* [^ʔħç:ø:=jɪ'ap>='s:əl=ɔ'ǎn>=nλŋ>] *учун* (96).

‘Он у тебя прощения просит за то, что обманул’.

(1.7.3.) *Пазоқ меең сағыжымны чабал иштепсалдың* [^ʔħç:=j^ct':zɾ>='s:əl=dʲŋ>], *шошқа-а!* (96).

‘Опять мои мысли плохими сделал, свинья-а!’.

(1.7.4.) *Қолунда қалаш, қолбаса тудунсалтыр* [tù:=dön>='s:əl='t:ɪr] (97).

‘В руке хлеб, колбасу держал, оказывается’.

(1.7.5.) *Пире қуртяқ алсалзаң* [^ʔǎ:l='s:əl=zλŋ>] (97).

‘Женись на какой-нибудь старушке’.

(1.7.6.) *Апшақ пире малды тутсалза...* [tùt='s:əl=zλŋ?] (99).

‘Если медведь какую-нибудь скотину схватит...’.

(1.7.7.) *Мылтықпа атсалып...* [^ʔλt>='s:λ:=lʲɾ>] (99).

‘Из ружья выстрелив...’.

(1.7.8.) *Әжикти чапсалып...* [^ʔħç:ap>='s:λ:=lʲɾ>], *төжегенге чатсалған* [^ʔħç:at>='s:λ=ɔ'ǎn>] (134).

‘Закрыв дверь..., на постель лег’.

(1.7.9.) *Меең чүрегим агрытсалчаң* [^ʔǎ:=ɔrɪt = 's:əl=ħʒ'aŋ>] (96).

‘Ты заставил сердце моё заболеть’.

1.8. Tv=(п)+тип=

(1.8.1.) *Күн чилеп, чарыдып турчаң* [^ʔħç:a: /=rħ= dʲɾ>= tû:=r'ħç:aŋ>], *эх, тананой!* (58).

‘Подобно солнцу, освещает, эх, тананой!’

(1.8.2.) *Эр палазы келтурча* [^ʔk:el'=tû:=r'ħç:aŋ?] (75).

‘Паренек подходит’.

(1.8.3.) *Келе-келе келтурганы* [^ʔk:el'=tûr=ɔ'ǎ:=nɪŋ?], // *Меең алымга келтурча* [^ʔk:el'=tû:=r'ħç:aŋ?], // *Оғаннар қолун перкелип, // Улуг эзен пертурча* [p^cer'=tû:=r'ħç:aŋ?], // *Пажын элип маға тебе, // Улуг менчи пертурча* [p^cer'=tû:=r'ħç:aŋ?] (75).

‘Долго шли сюда, // Ко мне подходят, // Дети, руку подав, // Большой привет передают, // Голову склонив ко мне, // Большой привет передают’.

(1.8.4.) *Құдай черинде чайыл турча...* [ʰḥɕ:a:=ʔɪ:l'=tò:=r'ḥɕ:aʔ] (79).

‘На Божьей земле расстилается ...’.

(1.8.5.) *Чалың от чилеп кәйтүрча* [kõj=tò:=r'ḥɕ:aʔ] (133).

‘Степь огнем горит’.

(1.8.6.) *Ақ Пырас суғу ақ турча* [ʔλq>=tò:=r'ḥɕ:aʔ], // *Часқы күйнер эрт турча* [ʔzɾ''t:>=tò:=r'ḥɕ:aʔ] (146).

‘Воды белой Мрас-Су текут, // Весенние дни проходят’.

1.9. Tv=(п) + шық=

(1.9.1.) *Туған тил-чозақ ундудыл шықты* [ʔö:=n>dö=dɪl 'ʃ':ɪ:=q>tɕʔ] (51).

‘Родной язык, обычаи стали забываться’.

(1.9.2.) *Анаң кенетки айдып шықты* [ʔä:j=dɪp> 'ʃ':ɪ:=q>tɕʔ] (52).

‘Затем сразу заговорил’.

(1.9.3.) *Пораста күй пазоқ кел шықты* [ʰke:l' 'ʃ':ɪ:=q>tɕʔ] (52).

‘Из тумана снова стало выглядывать солнце’.

(1.9.4.) *Кире ле, улғап шықты* [ʔö:=lqλp> 'ʃ':ɪ:=q>tɕʔ] (52).

‘Только войдя, заплакала’.

(1.9.5.) *Нандыра чүгүршықтым* [ʰḥɕ:y=gür' 'ʃ':ɪ:=q>tɕm>] (52).

‘Назад побежал’.

(1.9.6.) *Эриң мойнунга азынкелип, сыықтап шықты* [ʰs:ɕ:-=χ't:λp> 'ʃ':ɪ:=q>tɕʔ] (95).

‘Повиснув на шее мужа, стала рыдать’.

(1.9.7.) *Қуштар қыйғырып шықтылар* [qɕj=qɪɕ:=gɪp> 'ʃ':ɪ:=q>tɕ=lλr] (33).

‘Птицы закричали’.

(1.9.8.) *Эртен нис аңма эрбектеш шықтыбыс* [ʔz:=r'b'εk=t:ʔf'ʃ:t=q>t̃=b'c̃s̃·c̃] (33).

‘Утром мы с ним начали разговаривать’.

1.10. Tv=(п) + қал=

(1.10.1.) *Ачыққа парып, келбенқалды* [ʔk:ε:=l'b'c̃εn'>=ʔq:ā:=ld̃ʔ ~ ʔk:ε:=l'b'c̃εn'>=ε̃ā:=ld̃ʔ] (49).

‘Уйдя на промысел, обратно не вернулся’.

(1.10.2.) *Қудайым маға пербен қалды...* [p'c̃ε:=r'b'c̃εn'>=ʔq:ā:=ld̃ʔ ~ p'c̃ε:=r'b'c̃εn'>=ε̃ā:=ld̃ʔ] (50).

‘Бог мой мне не дал...’.

(1.10.3.) *Пойы чат қалтырым* [ʔh̥c̃:at>=ʔq:ā:=l't:ĩ=ɣ̃m̃>] (78).

‘Сама=я жила, оказывается’.

(1.10.4.) *Позум да көрбенқалтырым* [k̃ö:=r'b'c̃εn'>=ʔq:ā:=l't:ĩ=ɣ̃m̃> ~ k̃ö:=r'b'c̃εn'>=ε̃ā:=l't:ĩ=ɣ̃m̃>] (146).

‘Даже я сам не заметил, оказывается’.

(1.10.5.) *Мени тегбенқалтырым* [t̃z:=ɣ̃b'c̃εn'>=ʔq:ā:=l't:ĩ=ɣ̃m̃> ~ t̃z:=ɣ̃b'c̃εn'>=ε̃ā:=l't:ĩ=ɣ̃m̃>] (146).

‘Себя я не тронул, оказывается’.

(1.10.6.) *Чағысқа ла чатқалды* [ʔh̥c̃:at>=ʔq:ā:=ld̃ʔ] (171).

‘Одиноко прожил он’.

1.11. Tv=(п) + көр=

(1.11.1.) *А-а, санадым, самоволқаға нар көрей* [p̃l̃ɾ̃ k̃ö:=r'εj] (98).

‘А-а, решил я, схожу-ка я в самоволку!’

(1.11.2.) *Чақшы чадығ чат көрең* [ʔh̥c̃:at> k̃ö:=r'εñ] *нис нирге* (185).

‘Давай попробуем прожить хорошую жизнь’.

1.12. Tv=(п) + чөр=

(1.12.1.) *Черинде қамнап чөр* [ʼq:am>=ʼn:ʌp> ʼħç:øɾʼ], *учуқтым* (63).

‘Камлал на земле, летал я’.

(1.12.2.) *Пўк ўстўнде қуштар учуқ чөрчалар* [ʼö:='ħʃʷyq> ʼħç:ø:='rʼħç:a=ʌɾʃ].

‘Над полем летают птицы’.

(1.12.3.) *Кўн сайа ол аара-неере чўзўр чөрча* [ʼħç:y:=qöɾʼ ʼħç:ø:='rʼħç:aʃ].

‘Каждый день он туда-сюда бегаёт.’

1.13. а(лып) + кел=, пар=, шық=

(1.13.1.) *Аккелер* [ʼʌk>=ʼk:e=l'erʼ ~ ʼä:/='ʼk:e=l'erʼ] *керек полган* (35).

‘Надо было принести’.

(1.13.2.) *Ол ол небелерин эмнең ашықты* [ʼä:/='ʼʃʷi:r=q>tʃʃʷ].

‘Он ту вещь из дома вынес’.

(1.13.3.) *Мен билбеенчам қайа ол ааны апарган* [ʼä:/='ʼp:ʌɾ=qʷʌn>].

‘Я не знаю, куда он унес её’.

(2.) Tv=а + пер=

(2.1.) *Ағаштар тарслапчыганын угуп, креслоға одуруп, тақны тартаберди* [tʌɾ='t:ʌ=bʷerʼ=dʷʲʃʷ] (33).

‘Услышав треск деревьев, сел в кресло, закурил’.

(2.2.) *Эрбекке киреберди* [ki=r'e:=bʷerʼ=dʷʲʃʷ] (97).

‘Включился в разговор’.

(2.3.) *Ээде айткелип, танқаға одуркелип, паишқа парабердим* [pʌ:='rʌ:=bʷerʼ=dʷʲm>] (98).

‘Так сказав, я сел в танк и поехал дальше’.

(2.4.) *Ээде айткелип, туруп, Шамаркин-апийи эзрик автобусқа парысты, а Ким Кириллыч, қарық тарткелип, узуберди* [ʔö:=zö:=b^cer'=d'ïʔ] (98).

‘Так сказав, встав, дед Шамаркин пьяный ушел на автобус, а Ким Кириллыч, натянув одеяло, уснул’.

(2.5.) *Узурға санабердим* [s^cä:=nɿ:=b^cer'=d'ïm<] (99).

‘Решил спать’.

Ниже анализируются фонетические трансформации, зафиксированные в АК шорского языка в позиции сандхи.

Фонетические процессы в сандхимальной позиции

По способности подвергаться звуковым преобразованиям на стыке слов и морфем шорские деепричастные ГАК можно разделить на три группы:

- 1) ГАК, в которых такие изменения облигаторны;
- 2) ГАК с факультативными фонетическими изменениями;
- 3) ГАК, характеризующиеся стабильностью звуковых оболочек.

ГАК с регулярно повторяющимися звуковыми изменениями

К числу ГАК с регулярно повторяющимися звуковыми изменениями относятся следующие:

- (1.1.) Tv=п + одур=,
- (1.2.) Tv=п + ыс=,
- (1.3.) Tv=п + ал=,
- (1.13.) а(лып) + кел=, пар=, шық=,
- (2.) Tv=a + пер=.

Для звуковых оболочек АК (1.1.) – (1.3.) и (2.) наиболее характерны процессы озвончения глухих ауслаутных и анлаутных согласных, ассимиляции по назальности, выпадения компонентов

слова, геминии согласных, фиксируемые в позициях сандхи. Фонетические закономерности, реализующиеся в БВК типа (1.13.) *а(лып) + кел=, пар=, шық=*, рассматриваются ниже (см. раздел «Редукция и геминия»).

Озвончение

В анализируемых ГАК межсловная пауза устраняется, внешнее сандхи трансформируется во внутреннее – вследствие звуковых преобразований создается фонетический контекст, способствующий озвончению финального *п* «р» основного глагола в интервокальной или постсонантной позициях. Совокупность названных фактов указывает на активно развивающиеся процессы стяжения компонентов АК.

Кроме того, в ГАК типа (1.1.) *Tv=п + одур=*, (1.2.) *Tv=п + ыс=*, (1.3.) *Tv=п + ал=* звук «р > б» аффикса деепричастия в спонтанном произношении и при слогоделении отходит к основе вспомогательного глагола: между основным и вспомогательным вербальными компонентами АК проходит сильная (/=/) внутренняя звуковая пауза (в конструкциях (1.2.) *Tv=п + ыс=* – не всегда), например:

(1.1.1.)	<i>чылыб-одурча</i>	[^h ç:ɪ:/=bò:=dùr= ^h ç:aʔ],
(1.1.2.)	<i>көрибодурча</i>	[kör'/=bò:=dùr= ^h ç:aʔ],
(1.2.2.)	<i>шелибисти</i>	[^h ʃ'e:/=l'ɪ=b ^h ʲs ^h =t'ʲʔ],
(1.2.7.)	<i>шыгыбыстың</i>	[^h ʃ'ɪ:ɪ=qɪ ^h /=bʲs ^h =tʲɪŋ>],
(1.3.2.)	<i>көрбалтырлар</i>	[kõ:r'/=b ^h ɔl=tɪr=lɔr],
(1.3.10.)	<i>шыгвал</i>	[^h ʃ'ɪ:ɪ=qɪ ^h /=β ^h ɔl].

В усеченных формах ГАК при быстром темпе речи выпадает аффикс деепричастия *-ып*, например: *пар=ыс=ты* (< *пар ыс=ты*). В полных происходит редукция узких гласных, например: *-С + ып + с-* (*пары=б=с=ты*), в результате чего

появляются триконсонантные сочетания типа *-бст-* и даже четырёхконсонантные комплексы типа *-рбст-* (*парбсты* < *пар=ыбыс=ты*) или *-бстл-* (*парыбстлар* < *пар=ыбыс=ты=лар*).

Спецификой этих трех- и четырехконсонантных сочетаний является то, что в препозиции к глухому согласному реализуется звонкий на слух согласный типа «b». Это вступает в противоречие с законами сочетаемости шорских согласных, различных по глухости / звонкости.

Во всех примерах, где в результате фонетических преобразований формируется необходимый контекст, происходит значительное удлинение (более) широкого гласного в открытом слоге основного и вспомогательного глаголов перед слогом с (более) узким гласным, например:

- (1.2.1.) салыбысты [ʰs:ʌ:/=lʰ=bʰsʰc=tʰʔ],
 (1.2.2.) шелибисти [ʰʃʰ:e:/=lʰ=bʰʰsʰc=tʰʔʰ],
 (1.1.1.) чылыб-одурча [ʰhʰc:r:l=/=bʰo:=dʰʊr=ʰhʰc:aʔ],
 (1.2.4.) көрүнмисти [kʰö:='rʰynʰ:/=mʰʰsʰc=tʰʔʰ].

Если в аналитических по происхождению конструкциях типа (1.1.) $Tv=p + одур=$, (1.2.) $Tv=p + ыс=$, (1.3.) $Tv=p + ал=$ отмечается озвончение ауслаутного согласного *n* «р» деепричастия, то в БВК типа (2.) $Tv=a + пер=$ озвончается анлаутный согласный ВГ, например:

- (2.1.) *тартаберди* [tɒrːtːɒbˈɛrːdːɪˈɬʲ],
 (2.2.) *киреберди* [kiːrːeːbˈɛrːdːɪˈɬʲ],
 (2.3.) *парабердим* [pɒlːːrɒlːːbˈɛrːdːɪˈmːː],
 (2.4.) *узуберди* [ʔʊːːzʊːːbˈɛrːdːɪˈɬʲ],
 (2.5.) *санабердим* [sˈc̣ːːnɒlːːbˈɛrːdːɪˈmːː].

Ассимиляция согласных по назальности

Н. П. Дыренкова, рассматривая фонетические особенности конструкций со вспомогательным глаголом *ыс=*, отмечает, что

«... при основах на *н*, *нъ*, *м* конечный согласный *п* аффикса (озвончённый *-б*) ассимилируется и переходит в *м*; напр.: *нанмысты* (~ *наныбысты* ~ *нан-ып ыс-ты*) ‘он вернулся’, *эжинмисти* (~ *эжинибисти* ~ *эжин-ип ыс-ты*) ‘работал веслом (грёб)’, *тарынмысты* (~ *тарыныбысты* ~ *тарын-ып ыс-ты*) ‘рассердился’» [Дыренкова 1941: 216].

Наши наблюдения показывают, что в современном шорском языке в указанном фонетическом контексте прогрессивная ассимиляция по назальности и сонорности финального согласного *-п* деепричастного аффикса происходит не только в ГАК (1.2.) *Tv=п + ыс=* со вспомогательным глаголом *ыс=*, но и в БВК (1.3.) *Tv=п + ал=* со вспомогательным глаголом *ал=*.

При наращении к основе ОГ с ауслаутным носовым согласным аффикса деепричастия *-ып* узкий гласный выпадает (*көрүнп=ис=ти*, *көрүнп=ал=ды*), создавая тем самым условия для контактной ассимиляции консонантов (*көрүнм=ис=ти*, *көрүнм=ал=ды*).

Сформировавшаяся стяженная конструкция фонетически делится на два звуковых блока (комплекса) (*көрүн/=мис=ти*, *көрүн/=мал=ды*), между которыми констатируется внутренняя межслоговая сильная пауза. При этом, как и в ГАК (1.1.) *Tv=п + одур=*, (1.2.) *Tv=п + ыс=*, (1.3.) *Tv=п + ал=* с неносовыми согласными в ауслауте основ ОГ (см. об этом выше), финальный согласный аффикса деепричастия отходит ко второму блоку, например:

(1.2.4.)	<i>көрүнмисти</i>	[kõ:=r'yn·>/=/m·ĩs· ^c =t'ĩʔ'],
(1.2.5.)	<i>айланмысты</i>	[ʔʌ:j=l'an·>/=/m·ĩs· ^c =tĩʔ'],
(1.2.9.)	<i>көбленмисти</i>	[kõ:=l'en·>/=/m·ĩs· ^c =t'ĩʔ'],
(1.3.1.)	<i>үргенбалдым</i>	[ʔür'=gen·>/=/m ^c ä:=ldĩʔ'],
(1.3.6.)	<i>шомыбалып</i>	[ʔʃ':øm>=m ^c ä:/=/lĩp> ~
ʔʃ':øm>=b ^c ä:/=/lĩp>],
(1.3.11.)	<i>үргүнбалды</i>	[ʔür'=gyn·>/=/m ^c ä:=ldĩʔ'].

Редукция и геминация

Для БВК (1.13) *а(лып) + кел=, пар=, шық=* облигаторна сильная редукция деепричастной формы основного глагола, представленного в современном шорском языке лишь инициальным гласным *а-*, например:

(1.13.2.) *ашықты* [$\text{ʔ}\acute{\text{a}}\text{:}/=\text{'}\text{ʃ}\text{:}\text{ɪ}=\text{q}>\text{t}\acute{\text{ɪ}}\text{ʔ}$] (*ал=шық=ты* < *ал=ып шық=ты*),

(1.13.3.) *апарған* [$\text{ʔ}\acute{\text{a}}\text{:}/=\text{'}\text{p}:\acute{\text{ɪ}}\text{r}=\text{q}^{\text{c}}\text{ʌn}_{>}$] (*ал=пар=ған* < *ал=ып пар=ған*).

Столь значительное усечение основного глагола в составе аналитической по происхождению конструкции свидетельствует о том, что процесс синтеза в настоящее время полностью завершён и единственным маркером аналитизма в генезисе формы может быть наличие сильной межслоговой паузы.

В рассматриваемых БВК в спонтанной речи кроме сильной редукции основного глагола констатируется факультативная геминация инициального согласного вспомогательного глагола:

(1.13.1.) *аккелер* [$\text{ʔ}\text{ʌk}_{>}=\text{'}\text{k}:\text{e}=\text{'er'}$ ~ $\text{ʔ}\acute{\text{a}}\text{:}/=\text{'}\text{k}:\text{e}=\text{'er'}$],

(1.13.3.) *апарған* [$\text{ʔ}\acute{\text{a}}\text{p}_{>}/=\text{'}\text{p}:\acute{\text{ɪ}}\text{r}=\text{q}^{\text{c}}\text{ʌn}_{>}$ ~ $\text{ʔ}\acute{\text{a}}\text{:}/=\text{'}\text{p}:\acute{\text{ɪ}}\text{r}=\text{q}^{\text{c}}\text{ʌn}_{>}$].

ГАК с факультативно происходящими звуковыми изменениями

В ряде ГАК звуковые изменения происходят в тех случаях, когда к основному глаголу в отрицательной форме на *-паан* / *-пан* присоединяется вспомогательный глагол с инициальным глухим согласным. К ним относятся:

(1.4.) *Tv=(п) + пер=*,

(1.5.) *Tv=(п) + кел=*,

- (1.7.) Tv=(п) + сал=,
 (1.10.) Tv=(п) + ал=.

Как и в ГАК подтипов (1.1.) Tv=п + одур=, (1.2.) Tv=п + ыс=, (1.3.) Tv=п + ал=, (2.) Tv=а + пер=, межсловная пауза устраняется, внешнее сандхи трансформируется во внутреннее, вследствие чего формируются фонетические условия для озвончения глухого анлаутного консонанта вспомогательного глагола, оказавшегося в постсонантно-превокальной позиции, например:

- (1.4.4.) *шаппанберди* [ʃ'ap>=p^cān>=b^cεr'=d'ĩ? ~
 ʃ'ap>=p^cān>=p^cεr'=d'ĩ?],
- (1.10.1.) *келбенқалды* [ˈk:ε:=l'b^cεn'>=ˈq:ā:=ldĩ? ~
 ˈk:ε:=l'b^cεn'>=e,ā:=ldĩ?],
- (1.10.2.) *пербен қалды* [p^cε:=r'b^cεn'>=ˈq:ā:=ldĩ? ~
 p^cε:=r'b^cεn'>=e,ā:=ldĩ?],
- (1.10.4.) *көрбенқалтырым* [kö:=r'b^cεn'>=ˈq:ā:=l't:ĩ=rĩm> ~
 kö:=r'b^cεn'>=e,ā:=l't:ĩ=rĩm>],
- (1.10.5.) *тегбенқалтырым* [t'z:=ɣb^cεn'>=ˈq:ā:=l't:ĩ=rĩm> ~
 t'z:=ɣb^cεn'>=e,ā:=l't:ĩ=rĩm>].

Кроме того, при изменении фонетического контекста анлаутные эйективные фарингализованные напряженные долгие согласные вспомогательных глаголов, озвончаясь, утрачивают основной и дополнительные конститутивно-дифференциальные признаки эйективности, фарингализованности, напряженности и долготы, например:

- шаппансалды* [ʃ'ap>=p^cān>=zλl=dĩ? <
 ʃ'ap>=p^cān> ˈɟ:λl=dĩ?]
 ‘не ударил=он’,

кирбеенкелди

[kʲɪ̯ɾ' = bʰɛnːɟɐl' = dʰɪ̯ʔ <
kʲɪ̯ɾ' = bʰɛnː > ʔk:ɐl' = dʰɪ̯ʔ]
'не зашёл=он'.

Таким образом, при стяжении глагольных компонентов аналитических конструкций происходит чередование эйективных фарингализованных фонем со статичными нефарингализованными, обусловленное законами дистрибуции шорского языка: эйективные напряженные фонемы, как правило, маркируют начало слова, статичные же фонемы в позиции внутреннего сандхи в постпозиции к сонорным (малошумным) фонемам реализуются в звонких аллофонах.

В БВК *салсал* = (< *салып сал* =) факультативно фиксируется выпадение финального согласного основного глагола в препозиции к фарингализованному согласному ВГ. Полная редукция согласного -л компенсируется на вокальном компоненте ОГ появлением долготы и ровной фарингализации: *салсалган* [ʰs̥:λːˀ = ʰs̥:λl = qʰɒnː].

Итак, фонетические преобразования, констатируемые в ГАК рассматриваемых подтипов, свидетельствуют об активно происходящих процессах синтеза компонентов БВК. Тем не менее на незавершённость этих процессов в современном шорском языке указывает возможность факультативного использования в речи как стяженных, так и аналитических форм.

ГАК, не подверженные звуковым изменениям

В следующих типах ГАК звуковых изменений не происходит:

(1.6.) Tv=(п) + пар=,

(1.8.) Tv=(п) + тур=,

(1.9.) Tv=п + шы =,

(1.11.) Tv=(п) + көр=,

(1.12.) Tv=(п) + чөр=,

например:

- (1.6.1.) *полпарып* [pól=pł:=rǵp>],
(1.6.2.) *чүгүр парып* ['hç:y=qör'=pł:=rǵp>]
(см. также (1.6.3.)–(1.6.8.));
(1.8.1.) *чарыдып турчаң* ['hç:a:=/rǵ=dǵp>=tù:=r'hç:aŋ>],
(1.8.2.) *келтурча* ['k:el'=tù:=r'hç:a?]
(см. также (1.8.3.)–(1.8.6.));
(1.9.1.) *ундудыл шықты* [ʔù:=n>dù=dǵl 'ʃ':i=q>tǵʔ],
(1.9.2.) *айдып шықты* [ʔá:j=dǵp> 'ʃ':i=q>tǵʔ]
(см. также (1.9.3.)–(1.9.8.));
(1.11.1.) *пар көрей* [płr kō:=r'ɛj],
(1.11.2.) *чат көрең* ['hç:at> kō:=r'ɛn];
(1.12.1.) *қамнап чөр* ['q:am>=n:łp> 'hç:ør'],
(1.12.2.) *учуқ чөрчалар* [ʔù:=hǵyq 'hç:ø:=r'hç:a=lłr],
(1.12.3.) *чүгүр чөрча* ['hç:y=qör' 'hç:ø:=r'hç:a?].

Отсутствие звуковых преобразований в БВК указанных типов свидетельствует об устойчивости конструкций и сохранении ими статуса аналитических.

Степень стяженности основного и вспомогательного глаголов ГАК

Изложенные выше результаты аудитивного анализа шорской звучащей речи указывают на развитие в языке процессов синтеза компонентов бивербальных аналитических конструкций, включающих ОГ в форме деепричастия. При этом различные подтипы АК находятся на разных стадиях формирования стяженных форм, что может быть обусловлено как причинами исторического характера, так и различной продуктивностью использования конструкций в речи и спецификой действия фонетических законов шорского языка.

Рассматриваемые в данной работе конструкции можно разделить на три группы: ГАК с абсолютной степенью стяженности;

ГАК с сильной степенью стяженности; ГАК со слабой степенью стяженности.

ГАК с абсолютной степенью стяженности

- (1.1.) Tv=п + одур=,
- (1.2.) Tv=п + ыс=,
- (1.3.) Tv=п + ал=,
- (2.) Tv=a + пер=,
- (1.13.) а(лып) + кел=, пар=, шық=.

В конструкциях, аналитических по происхождению, полностью устранена словесная пауза между основным и вспомогательным глаголами, фонетически бивербальный комплекс воспринимается как единая словоформа, например:

- (1.1.3.) *ызыбодурча* [ʔɨ:=zɨ/=bò:=dùr='hç:aʔ],
- (1.1.6.) *перибодур* [p'e:r'/=bò:=dùr],
- (1.2.3.) *пожадыбыстым* [pò=z'a:/=/dɨ=bɨs^c=tɨm_> ~
pò=z'a:/=/dɨ=bs^c=tɨm_>],
- (1.2.5.) *айланмысты* [ʔλ:j=l'an>/=/mɨs^c=tɨʔ],
- (1.3.3.) *уңнабалдым* [ʔùŋ>=nλ'/=b^cəl=dɨm_>],
- (1.3.6.) *шомыбалып* [ʔʃ':øm>=m^cá:/=/lɨp_> ~
'ʃ':øm>=b^cá:/=/lɨp_>],
- (2.3.) *парабердим* [pλ:=rλ:=b^cer'=d'ɨm_>],
- (2.4.) *узуберди* [ʔù:=zù:=b^cer'=d'ɨʔ].

Хотя в шорском языке не представляет особого труда вычленение вспомогательных глаголов в аналитических по происхождению БВК (например: *албалды* < ал=ып ал=ды 'взял', *келеберди* < кел=е пер=ди 'пришел', *одурбодурды* < одур=ып одур=ды 'сидеть (долго)', *акел* < ал=ып кел= 'принеси', *парбсты* < пар=ып ыс=ты 'ушел'), тем не менее в некоторых случаях такие затруднения возникают. Связано это с тем, что в спонтанном произношении и при слогоделении ауслаутный согласный деепричастной

формы ОГ примыкает к постпозитивному ВГ или выпадает, компенсируясь в звуковой оболочке ОГ долгой препозитивного гласного:

- (1.1.8.) *одурбодургам* [ʔò:=dör=/bò:=dör=ɑ̃m>],
 (1.3.10.) *шыгвал* [ʔʃ':ɑ̃/=/β̃'ɑ̃l],
 (2.2.) *киреберди* [kí=r'e:=b'c'er'=d'ɤ̃ʔ].

Вместе с тем, одним из основных рефлексов аналитизма в указанных БВК (кроме (1.2.) Tv=п + ыс=) является реализация в их звуковых оболочках сингармонических алгоритмов (сингармем), действовавших в глагольных компонентах БВК: выравнивания по сингармоническому ряду не происходит, если сингармема основы не совпадает с сингармемой вспомогательного глагола:

- (1.1.4.) *эртибодурча* [ʔɜ́'r't:/=bò:=dör='h̥c:aʔ],
 (1.1.5.) *ýrgüðibodurup* [ʔü:r'=güð'=/bò:=dö:=rü̃p>],
 (1.3.1.) *ýrgenbalдым* [ʔür'=gen'>/=m'ä:=ld̥ɤ̃ʔ],
 (1.3.8.) *көрибалып* [kö:r'/=b'ä:=l̥ɤ̃p>],
 (2.1.) *тартаберди* [t̥ɑr='t:λ=b'c'er'=d'ɤ̃ʔ],
 (2.4.) *узуберди* [ʔü:=zü:=b'c'er'=d'ɤ̃ʔ],
 (1.13.1.) *аккелер* [ʔλk>='k:e=l'er' ~ ʔä:/='k:e=l'er'].

Исключение в этом плане представляют ГАК со вспомогательным глаголом *ыс=*. Н. П. Дыренкова в «Грамматике шорского языка» [1941: 216] отмечает следующее: «Глагол *ыс* присоединяется к деепричастию на *n* главного глагола – его полной форме. Он сливается с главным глаголом в отношении сингармонизма, теряя, таким образом, свое самостоятельное существование. Глагол *ыс* теряет свою значимость и выполняет чисто служебную функцию. Гласный глагола *ыс* лабиализуется в зависимости от губности гласных главного глагола (в говорах шорцев низовья р. Мрассу и верховьях р. Томи). В говорах шорцев верховья р. Мрассу и р. Кондомы лабиализация проявляется значительно

слабее. В быстрой речи (после основ на *р* и *л*) гласный деепричастного аффикса имеет характер беглого; напр.: *парбысты* (~ *парыбысты* ~ *пар-ып ыс-ты*), *келбисти* (~ *келибисти* – *кел-ип ыс-ты*)».

Как свидетельствуют результаты нашего исследования, на современном этапе развития языка в бивербальных конструкциях со вспомогательным глаголом *ыс*=облигаторно осуществляется полное выравнивание сингармонической рядности по первому гласному ОГ:

твёрдорядному:

(1.2.1.) <i>салыбысты</i>	[ʼs:λ:/=lʲ=bʲs ^{·c} =tʲm>],
(1.2.3.) <i>пожадыбыстым</i>	[pò=z'a:/=dʲ=bʲs ^{·c} =tʲm> ~ pò=z'a:/=dʲ=bs ^{·c} tʲm>],
(1.2.5.) <i>айланмысты</i>	[ʼλ:j=l'an>/=mʲs ^{·c} =tʲʔ],
(1.2.7.) <i>шыгыбыстың</i>	[ʼʃ'i:ɔqʲ=/=bʲs ^{·c} =tʲŋ>],
(1.2.8.) <i>парысты</i>	[pλ:/=rʲs ^{·c} =tʲʔ],

мягкорядному:

(1.2.4.) <i>көрүнмисти</i>	[kõ:=r'yn>/=m'ḡs ^{·c} =t'ḡʔ],
(1.2.2.) <i>шелибисти</i>	[ʼʃ'e:/=l'i=b'ḡs ^{·c} =t'ḡʔ],
(1.2.4.) <i>көрүнмисти</i>	[kõ:=r'yn>/=m'ḡs ^{·c} =t'ḡʔ],
(1.2.6.) <i>өлибистим</i>	[ʔø:=λ'i/=b'ḡs ^{·c} =t'ḡm>],
(1.2.9.) <i>көөленмисти</i>	[kõ:=l'en>/=m'ḡs ^{·c} =t'ḡʔ].

Приведенные примеры свидетельствуют о существовании в пределах полностью синтезированной шорской словоформы четких алгоритмов сингармонизма. Функциональная твёрдорядность или мягкорядность гласного основы ОГ детерминирует качество вокальной оси стяженной бивербальной конструкции, аналитической по происхождению: после твёрдорядного гласного основы ОГ реализуются лишь гласные центральнозаднего артикуляторного ряда; если же гласные основы ОГ мягкорядные

– как правило, переднерядные или центральнорядные, то вокальные составляющие вспомогательного глагола могут реализовываться лишь как центральнорядные.

Таким образом, результаты аудитивного анализа свидетельствуют о существенных фонетических изменениях, результатом которых стало преобразование ГАК $Tv=p + ыс=$ в единый стяженный комплекс.

АК с сильной степенью стяженности

- (1.4.) $Tv=(п) + пер=$,
- (1.5.) $Tv=(п) + кел=$,
- (1.6.) $Tv=(п) + пар=$,
- (1.7.) $Tv=(п) + сал=$,
- (1.8.) $Tv=(п) + тур=$,
- (1.10.) $Tv=(п) + ал=$.

Звуковые реализации названных конструкций характеризуются полным отсутствием разделительной словесной паузы между основным и вспомогательным глаголами, весь бивербальный комплекс воспринимается как единое фонетическое слово, хотя в нём чётко можно выделить составляющие его основной и вспомогательный глаголы, например:

(1.4.1.) <i>айтпер</i>	$[ʔä:j_t>=p^c\epsilon r']$,
(1.4.2.) <i>айдап перди</i>	$[ʔä:j=d\lambda p_{>}=p^c\epsilon r'=d'ëʔ]$,
(1.5.1.) <i>ашкел</i>	$[ʔ\lambda:ʃ'=^k:\epsilon l']$,
(1.5.3.) <i>турыпкел</i>	$[tö:=r\acute{t}p_{>}=^k:\epsilon l']$,
(1.5.6.) <i>перкелип</i>	$[p^c\epsilon r'=^k:\epsilon:=l'ip']$,
(1.6.3.) <i>кирпарды</i>	$[k'ër'=pär=dëʔ]$,
(1.6.7.) <i>чайылпартыр</i>	$[^h\underset{\sim}{c}:a:=^?r:l'=pär'=t:ër]$,
(1.7.4.) <i>тудунсалтыр</i>	$[tö:=dön_{>}=^s:\lambda l'=t:ër]$,
(1.7.7.) <i>атсалып</i>	$[ʔ\lambda t_{>}=^s:\lambda:=l'ip_{>}]$,
(1.8.4.) <i>чайыл турча</i>	$[^h\underset{\sim}{c}:a:=^?r:l'=tö:=r'^h\underset{\sim}{c}:aʔ]$,
(1.8.5.) <i>көйтурча</i>	$[køj=tö:=r'^h\underset{\sim}{c}:aʔ]$,

- (1.10.1.) *келбенқалды* [^ʔk:ɛ:=l^bʰɛn[>]=ʔq:ɑ:=ldɨʔ ~
ʔk:ɛ:=l^bʰɛn[>]=e,ɑ:=ldɨʔ].

Во всех примерах, в которых произошло слияние компонентов БВК в одно фонетическое слово, но сингармема основного глагола не совпадает с сингармоническим тембром вспомогательного вербального компонента, выравнивания сингармонического ряда всего комплекса, аналитического по происхождению, не происходит – звуковое оформление ВГ остается либо твёрдорядным:

- (1.6.2.) *чүгүр парып* [^ʔh̥ç:y:=gür=pλ:=rɨp>],
 (1.6.8.) *өспартыр* [^ʔø:s̄=pɑɾ=ʔt:ɨr],
 (1.7.3.) *иштепсалдың* [^ʔʃ:=ʃ^ct:zɾ=>ʔs:λ=dɨŋ>],
 (1.8.3.) *келтурғаны* [^ʔk:el'=tör=q^fɑ:=nɨʔ],
 келтурча [^ʔk:el'=tö:=r^ʔh̥ç:aʔ],
 пертурча [p^ʰɛr'=tö:=r^ʔh̥ç:aʔ],
 (1.10.1.) *келбенқалды* [^ʔk:ɛ:=l^bʰɛn[>]=ʔq:ɑ:=ldɨʔ ~
ʔk:ɛ:=l^bʰɛn[>]=e,ɑ:=ldɨʔ],
 (1.10.5.) *тегбенқалтырым* [t̄'z:=ɣ^bʰɛn[>]=ʔq:ɑ:=l^ʔt:ʃ=rɨm> ~
t̄'z:=ɣ^bʰɛn[>]=e,ɑ:=l^ʔt:ʃ=rɨm>],

либо мягкорядным:

- (1.4.1.) *айтпер* [^ʔɑ:jt>=p^ʰɛr'],
 (1.4.3.) *тугперейин* [tö:ɣ̣=p^ʰɛ:=r'e:=ʔm>],
 (1.5.1.) *ашкел* [^ʔλ:ʃ'=ʔk:el'],
 уркелдим [^ʔö:r=ʔk:el'=d^ʔɨm>],
 (1.5.11.) *азынкелип* [^ʔɑ:=zɨ'ɨn>=ʔk:ɛ:=l^ʔɨp>].

Таким образом, в приведенном материале констатируются различные этапы активно протекающих процессов стяжения ГАК в единое слово. Наиболее продуктивны явления синтеза в аналитических конструкциях с твердорядной вокальной осью основного глагола: слияние БВГ в единое беспазуальное слово,

- (1.9.1.) ундудыл шықты [$\text{ʔ} \ddot{u} \text{:} = \text{n} > \text{d} \ddot{u} = \text{d} \ddot{u} \text{l} \text{ } \text{'f} \text{:} \text{i} \text{:} = \text{q} > \text{t} \ddot{b} \text{ʔ}$],
 (1.9.2.) айдып шықты [$\text{ʔ} \ddot{a} \text{:} \text{j} = \text{d} \ddot{u} \text{p} > \text{'f} \text{:} \text{i} \text{:} = \text{q} > \text{t} \ddot{b} \text{ʔ}$],
 (1.9.3.) кел шықты [$\text{'k} \text{e} \text{:} \text{l}' \text{ } \text{'f} \text{:} \text{i} \text{:} = \text{q} > \text{t} \ddot{b} \text{ʔ}$],
 (1.11.1.) пар көрей [$\text{p} \lambda \text{r} \text{ } \text{k} \ddot{o} \text{:} = \text{r}' \text{e} \text{j}$],
 (1.11.2.) чат көрең [$\text{'h} \text{ç} \text{:} \text{a} \text{t} > \text{k} \ddot{o} \text{:} = \text{r}' \text{e} \text{n}$],
 (1.12.1.) қамнап чөр [$\text{'q} \text{:} \text{a} \text{m} > = \text{'n} \text{:} \lambda \text{p} > \text{'h} \text{ç} \text{:} \text{o} \text{r}'$],
 (1.12.2.) учуқ чөрчалар [$\text{ʔ} \ddot{u} \text{:} = \text{'h} \text{f} \text{y} \text{q} \text{ } \text{'h} \text{ç} \text{:} \text{o} \text{:} = \text{r}' \text{'h} \text{ç} \text{:} \text{a} = \text{l} \lambda \text{r}$],
 (1.12.3.) чүгүр чөрча [$\text{'h} \text{ç} \text{:} \text{y} = \text{q} \ddot{u} \text{r}' \text{ } \text{'h} \text{ç} \text{:} \text{o} \text{:} = \text{r}' \text{'h} \text{ç} \text{:} \text{a} \text{ʔ}$].

Таким образом, результаты аудитивного анализа деепричастных бивербальных конструкций шорского языка свидетельствуют об активно развивающихся процессах преобразования аналитических комплексов в синтезированные единства. Фонетические трансформации, сопровождающие процессы стяжения ГАК, распространяются на все рассматриваемые конструкции, хотя и реализуются с различной степенью интенсивности.

Фактически во всех ГАК, в которых в позиции внешнего сандхи комбинируются согласные – основной глагол в форме деепричастия оканчивается на *-n*, а вспомогательный имеет консонантный анлаут – произошла полная редукция деепричастного показателя ОГ *-(ы)n*:

- (1.4.) $\text{Tv} = (\text{п}) + \text{пер} =$,
 (1.5.) $\text{Tv} = (\text{п}) + \text{кел} =$,
 (1.6.) $\text{Tv} = (\text{п}) + \text{пар} =$,
 (1.7.) $\text{Tv} = (\text{п}) + \text{сал} =$,
 (1.8.) $\text{Tv} = (\text{п}) + \text{тур} =$,
 (1.9.) $\text{Tv} = \text{п} + \text{шы} =$,
 (1.10.) $\text{Tv} = (\text{п}) + \text{ал} =$,
 (1.11.) $\text{Tv} = (\text{п}) + \text{көр} =$,
 (1.12.) $\text{Tv} = (\text{п}) + \text{чөр} =$,
 (1.13.) $\text{а(лып)} + \text{кел} =$, $\text{пар} =$, $\text{шык} =$.

В конструкциях (1.1.) $Tv=p + одур=$, (1.2.) $Tv=p + ыс=$, (1.3.) $Tv=p + ал=$, в которых ВГ имеет вокальный анлаут, дееспричастный показатель ОГ *-ын* сохранился, но утратил свою информативность, выполняя, фактически, функцию интерфикса, соединяющего две основы в пределах одной словоформы.

Почти во всех конструкциях устранена внешняя (межсловная) пауза, выполнявшая делимитативную функцию между компонентами БВК.

В ряде ГАК констатируется ослабление сильнонапряженных (фарингализованных) артикуляций в анлауте ВГ.

При создании благоприятных фонетических условий для образования позиционной долготы гласных как в основном, так и во вспомогательном глаголах широкий или полуузкий этимологически краткий гласный открытого слога удлиняется перед слогом с узким гласным до длительности вторичного долгого, происходит фонологизация позиционной долготы.

Если фонетические трансформации, происходящие на сегментном уровне, определяют степень стяжения большинства рассмотренных аналитических конструкций как абсолютную и сильную, то на суперсегментном уровне преобразования осуществляются не столь интенсивно: фактически не происходит сингармонизации – дистантной ассимиляции по палатальности вспомогательных компонентов бивербальных конструкций. Несоблюдение в пределах звуковых цепочек ГАК законов шорского сингармонизма сигнализирует о незавершенности процессов синтеза.

Хотя в литературе отмечается функционирование в шорском языке целого ряда аффиксов и частиц, имеющих либо только твердорядные настройки (*-ча* – аффикс настоящего времени, *-чатқан* – показатель настоящего несовершенного времени, *-қылақ* – показатель признака предмета, *-чадын* – показатель действия, предшествующего или сопутствующего действию главного глагола, *-чаттыр* – аффикс настоящего времени неожиданного действия, *-аар / -лаар* – аффикс повелительного наклонения 2-го л. мн. ч., *-тагы* – аффикс прилагательного, *-арақ* – аффикс

слабой степени интенсивности, *да* – частица уступительности, *-ча* – аффикс продольного падежа) или только мягкорядную огласовку (*-че* – аффикс сравнительно-предельного падежа, *педи* – во-просительная частица) [Чиспияков 1992 а: 49, 302–304; 1992 б: 35–37, 49–50], это не может свидетельствовать о возможной «асингармоничности» шорского языка. Причину отсутствия сингармонических вариантов указанных аффиксов и частиц следует искать, по-видимому, в их происхождении.

Подтверждением строгого соблюдения законов сингармонизма в шорском языке могут быть примеры полностью синтезировавшихся АК со вспомогательным глаголом *ыс*=: качество вокальной и консонантной осей стяженной бивербальной конструкции, аналитической по происхождению, четко детерминировано функциональной твёрдорядностью или мягкорядностью гласного основы ОГ.

2.3. Тувинские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи

В данном параграфе представлены результаты анализа звуковых преобразований, происходящих в деепричастных аналитических конструкциях тувинского языка как в позиции внешнего сандхи – анлаутного и ауслаутного, так и на внутренних морфемных швах.

Рассматриваются примеры с глагольными аналитическими конструкциями, состоящими из трех компонентов, т. е. трехкомпонентные деепричастные аналитические конструкции. Выбор этого типа ГАК не был случайным, так как он соответствует рассмотренным нами ранее бивербальным деепричастным ГАК чалканского и шорского языков, что делает возможным проведение сопоставительного анализа ГАК в трёх близкородственных южносибирских тюркских языках.

В основу исследования была положена классификация ГАК, предложенная Л. А. Шаминой в работе «Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке» [1995: 23–39]. В цитируемой в данной монографии таблице 1 «Трехкомпонентные АК» тувинские деепричастные аналитические конструкции систематизированы автором по структурному и семантическому параметрам [Шамина 1995: 37–38].

Литературными источниками языкового материала послужили произведения тувинских писателей: *А. А. Даржай*. Чурттаарың күзезинче: тоожулар, чечен чугаалар (Если хочешь жить: повести и рассказы) [1984] и *С. С. Сүүң-оол*. Тывалаар куксун (Ворон, говорящий на тувинском языке) [1994]. Для проведения слухового фонетического анализа были подобраны соответствующие выявленным конструкциям примеры из указанных произведений художественной литературы и записаны на цифровой диктофон в ЛЭФИ им. В. М. Надеяева в 2008 году в произношении А. В. Байыр-оол и Ч. Г. Ондар, являющихся носителями тувинского языка.

Таблица 1

Трехкомпонентные АК

{СЛОЖНАЯ ОСНОВА}				Глагол вспомогат. 3-й комп.	Семантика аналитической конструкции
1-й компонент		2-й компонент			
1	{Tv=п	+	ЧОРуп}	тур=	Повторяемость длительных действий
2	{Tv=п	+	ЧОРуп}	олур=	
3	{Tv=п	+	КААп}	чор=	Повторяемость кратких действий
4	{Tv=п	+	БАР= / КЕЛ=}	чор=	
5	{Tv=п	+	КААп}	тур=	
6	{Tv=п	+	КЭЭп}	тур=	
7	{Tv=п	+	БЕРип}	тур=	
8	{Tv=п	+	БАР= / КЕЛ=}	чыт=	
9	{Tv=a	+	{ХАЛып=}	чыт=	
10	{Tv=пайн	+	САЛып}	олур=	
11	{Tv=п	+	ЧЫДып}	кал=	Результативное состояние: с глаголами движения делать что-либо усердно, старательно
12	{Tv=п	+	ЧОРуп}	каг=	
13	{Tv=п	+	ЧОРуй}	бар=	
14	Tv=п	+	{ТУРуп	бер=}	
15	Tv=пайн	+	{ТУРуп	бер=}	
16	Tv=п	+	{КИРе	бер=}	Мгновенное действие + векторное («из + сюда»)
17	Tv=п	+	{ЧЕДе	бер=}	
18	Tv=a	+	{ХОНа	бер=}	
19	{Tv=п	+	КИРип}	кел=	
20	{Tv=п	+	ЧЕДип}	кел=	
21	{Tv=a	+	ХОНуп}	кел=	
22	{Tv=a	+	СОП / ТЫРТып}	кел=	
23	{Tv=a	+	СОП / ТЫРТ / ШАП}	ал=	Мгновенность + adressiv
24	{Tv=п	+	КИРе}	албас	МОДАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ: невозможность совершить действие; пробный характер действия; возможность действия
25	{Tv=п	+	БЕРип}	корем	
26	{Tv=п	+	АП}	бол=	

Задачей нашего исследования является анализ фонетических изменений, позволяющих судить о процессах синтеза представленных выше трехкомпонентных деепричастных ГАК тувинского языка (таблица 1).

Ниже приводится список тувинских ГАК, выбранных из произведений художественной литературы и анализируемых в данном параграфе. Порядковые номера ГАК соответствуют номерам трехкомпонентных деепричастных конструкций, систематизированных в таблице 1. Восемь из двадцати шести типов ГАК, зафиксированных в классификационной таблице Л. А. Шаминой, не выявлены в используемых в данной работе текстах (АК 4, 7, 9, 10, 12, 15, 22, 24).

(1.) {T_v=п + ЧОРуп} тур=

(1.) *Азы ол ийиниң аразынга ёзулуг ынакшыл өөскүп шыда-
вайн, анаа-ла эдержиң чоруп турганы-даа* [ʔэд·ǰг'ір', /=/
tʃ^c r'ʔc'üŋq'ɒnɒ] *чадавас* (С.С.Т.к.,127).⁵

‘Или настоящая любовь между этими двумя, не сумев разгореться, возможно, (они) просто дружили’.

(2.) {T_v=п + ЧОРуп} олур=

(2.) *Мынчан одарга хой барык-ла тодуп аптар, ынчангаи
шоолуг ыравас, харын-даа аал углай эглип чоруп олар-ла* [ǰ'l'ir',
/=/
tʃ^c r'ǰb'orol'œ] *болгай* (С.С.Т.к.,98).

В это время скот на пастбище почти насыщается, поэтому не очень далеко уходит, даже в сторону аала обратно поворачивает ведь’.

⁵ В скобках указан источник (аббревиатурой) и номер страницы.

(3.) {Tv=п + КААп} чор=

(3.) Амыдыралдан дыка-ла **чыдын каап чоруур** [tʃʰadɑp kʰɑ:p tʃʰy/øɾ'yʰ] *кижи-дир мен деп бодумну чемелеп-дāа бодап хүн-зедим* (С.С.Т.к.,80).

‘«От жизни очень отстающий человек», – я, так себя упрекая, провел целый день’.

(5.) {Tv=п + КААп} тур=

(5.1.) *Ол хиреде, чуртталгадан озалдан каап турар* улус [ɔzɑldɑp, kʰɑ:p, /=/ tʰɯr{lusʰ}] -*тур бис* (С.С.Т.к.,123).

‘Несмотря на это, от жизни отстающие люди ведь мы’.

(5.2.) *Оон Омак-кыска чугаалан каап тургай* [tʃʰoŋɑlɑp, kʰɑ:p, /=/ tʰuŋɑlɑŋ{ sʰ:ʰnʰ}] *сен* (С.С.Т.к.,156).

‘Потом будешь рассказывать Омак-кыс’.

(6.) {Tv=п + КЭЭп} тур=

(6.1.) *Шырак эштир улуг кижилер оларның ындыы кыдыындан хемче шурааш, кыдыын куду эшитип баткаш, куду бадын-бадып, адаандан үнүп кээп турар* [ʏnʰyʰkz:p tʰɯrɑrʰ] (С.С.Т.к.,78).

‘Хорошо (умеющие) плавать взрослые, прыгая в реку с противоположной им стороны, плывя вдоль края (берега), спускаясь вниз, выходили снизу’.

(6.2.) *Хоорайның чурттакчылары мөөң-мөөңү-биле, бөлүк-бөлүү-биле сөктүп кээп турар* [sʰæk tʰöɾʰ /=/ kʰe:pʰtʰöɾɑ /=/ {ʔɑpʰɑŋɑŋ}] *апарган* (С.С.Т.к.,131).

‘Жители города стали приезжать скученно, группами’.

(8.) {Tv=п + БАР=/КЕЛ=} чыт=

(8.1.) *Ынаныш ышкындырып бар чыткан* [{...}ʰ] ɪʰkɑndʰɯr /=/ pɑrtʃatkɑn] (С.С.Т.к.,108).

‘Надежда терялась’.

(8.2.) *Ооң соондан беш-алды кускуннар бөкпээ-биле шуужуп бар чыткан* [{b'l'ɛʃ} ʊzˈcəpɑrtʃatʃkɑn] (С.С.Т.к.,128).

‘После этого пять-шесть воронов летели вереницей’.

(11.) {Tv=п + ЧЫДып} кал=

(11.) *Оттукмаа Салбак-оолдуң «өөдежек яязы сен» дээн сөстөрүн дыңнап чыдып калган* [tɕŋ nɑr tɕʰit ɕɑlɕɑn (11.)] (С.С.Т.к.,122).

‘Оттукмаа осталась слушать сказанные Салбак-оолом слова: «Никудышный, проклятый (человек) ты»’.

(13.) {Tv=п + ЧОРуй} бар=

(13.1.) *Ооң соонда тарааны кестирип кааптарга, хову шөл-шөлү-биле чадагайланып, алгып чоруй баар* [ʔɑlɕɕr /=/ tɕʰæ:rʲijbɑrʲ{ɪʃkɑ ʒʰlɑj}] ышкажыгай (А.Д.Ч.к.,6).

‘После этого, когда уже убрали хлеб, ведь поле повсеместно опустошаясь, дальше увеличивается’.

(13.2.) *Ооң-биле санажып алгаи, пөстөр талазынче кылаиштап чоруй баар* [kʰlɑʃtʰɑp tɕʰæɾ'e /=/ bʰɑːr{ɑɕŋɕɑ}] араңда, сени авам ол-дур деп, аңаа айтып берген болгай мен (А.Д.Ч.к.).

‘В то время, как расплатившись с ней, ты пошла в сторону тканей, я сказал ей, что ты моя мама’.

(14.) Tv=п + {ТУРуп бер=}

(14.) *Оларның оозунда кижил билбес чүве чок, олар чем дилеп туруп бергеннер* [tʰl'ɛpˈ tɕʰurpʰɛɾˈɕɛnˈ nˈzɕrˈ] (С.С.Т.к.,107).

‘В их этом нет (ничего), что не знал бы человек: они ищут еду’.

(16.) $Tv=p + \{КИРе\text{ бер}=\}$

(16.) *Мурнунда болза, амыр-ла болгай, бир шилди кармактап алгаи, кайызының-даа бажыңынче **базып кире бээр*** [bɑːzɪr /=^lcæɾ'eβ'er^c] (С.С.Т.к.,80).

‘Прежде же просто ведь, засунув в карман одну бутылку, войдешь в дом любого (из них)’.

(17.) $Tv=p + \{ЧЕДе\text{ бер}=\}$

(17.) *Бажыңыңга **эдерттип чеде бээр*** [ɛdˈɜrˈ /=^lcɛdˈzɐˈcɛˈrˈ] дээрге, эпчок (С.С.Т.к.,134).

‘Если повести с собой домой, неудобно’.

(18.) $Tv=a + \{ХОНа\text{ бер}=\}$

(18.1.) *Монгуш Долзат ажык соңга караанда шайлап олура-рын эскерип кааш, арны хейде-ле **кыза хона берген*** [qɤˈzɑ /=^lχɑpɑβ'erˈgɛnˈ] (А.Д.Ч.к.,6).

‘У Монгуша Долзат внезапно покраснело лицо, заметив, что она пьет чай перед открытым окном’.

(18.2.) *Долзат иитиг артып калганын Кызыл-оолче бижиринден дидинмейн барган, ынчалза-даа ооң дугайы аңаа дөмей-ле өске уткалыг **chede xona berген*** [^lcɛdˈz /=^lχɑpɑβɜrˈgɜnˈ] (А.Д.Ч.к.,10).

‘Долзат не отважилась написать Кызыл-оолу то, что она осталась беременной, но все равно весть про это дошла до него в другом содержании’.

(19.) $\{Tv=p + КИРип\}\text{ кел}=\$

(19.) *Өлеңмаа ону **эдерип кирип келгеш*** [ʔɛdˈɜrˈ /=^lcɪrˈkɑlɣɑʃˈ], *чүгк бажында олуруп алган* (С.С.Т.к.,170).

‘Оленма, за ним следуя, войдя, села у изголовья вьюка’.

(20). {Tv=п + ЧЕДип} кел=

(20.) Ол чон бээр сөөгүн сөөртүн чедип келген
[sʰæ:pʰʧʰetʰpʰoŋ]? (C.C.T.k.,98).

‘Он зачем сюда, кости свои таща, пришел?’

(21.) $\{T_{v=a} + X_{OH_{up}}\}$ кел=

(21.1.) *Маңаа келгенимде, бир төөгү сагыжымга бо-ла кире хонүп кээр* [*{bóla}* q^hrǎxón kšr'] (C.C.T.к.,77).

‘Когда приезжаю сюда, мне часто на ум приходит одна история’.

(21.2.) *Ол-бо дилегзинип турда, Омак-кыс бо чедө хонуп келген* [tʰɛdʰxónɒp,kəlʰənʰ] (С.С.Т.к.,151).

‘Когда (он) искал то (там), то (здесь), Омак-кыс вот достигла (его)’.

(23.) {T_{v=a} + СОП / ТЫРТ / ШАП} ал=

(23.1.) *Арай деп хоора сон алдым* [χ̣ɔːrɑːsːɔldɯ̃m] (С.С.Т.к.,72).

‘Еле-еле оторвал’.

(23.2.) Долзат эжиин **тыртыыштай** шап алган $[t^{c_b} r t^{c_b}] [t^{c_b} b : j^n]$
 $/= / \alpha \beta \alpha l o \alpha n]$ (А.Д.Ч.к.,6).

‘Долзат закрыла дверь на замок’.

(25.) {Тv=п + БЕРип} КӨРем

(25.) Мен фотографии дозуп алгаш, «демги эзириктийн чуруун он экземпляр кылдыр, болдунар болза, элээн улгаттыр **парлап берип көрүңер** [pɑrl'æp, p'ɛ:ri'ip, /=/ kɔr'ɳzr' {d'z'f'']» дээш ужуруун чугааладым (С.С.Т.к.,73).

‘Я, подкараулив фотографа, «фотографию того козленка в десяти экземплярах, если возможно, напечатайте в довольно увеличенном (виде)», – так сказал суть (дела)’.

(26.) {T_v=п + АП} бол=

(26.) Он беш харлыында-даа өгленип ап болур [øl'ep'ẽṽ, /=/ʔɑp,pʰɑlɑr] (С.С.Т.к., 123).

‘Даже в пятнадцать лет можно жениться / выходить замуж’.

Фонетическая классификация ГАК

По результатам аудитивных наблюдений все выявленные примеры ГАК тувинского языка были распределены по трем классам в зависимости от расположения внешней (межсловной) паузы, которая, как показывает анализ ГАК по другим южносибирским тюркским языкам, играет важную роль в определении фонетических преобразований.

1) ГАК, в которых межсловная звуковая пауза отсутствует
 $V_1 + V_2 + V_3$

К первому классу ГАК тувинского языка отнесены конструкции, характеризующиеся полным отсутствием межсловной звуковой паузы между компонентами тривербального сочетания. Такая АК воспринимается, фактически, как единое фонетическое слово, внешнее сандхи меняет статус и становится внутренним.

Тем не менее процесс стяжения нельзя считать завершённым, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в ГАК 1-го класса не происходит: чаще всего один из трёх компонентов реализуется с иной палатальной осью, чем два остальных. Наиболее продуктивны явления синтеза в ГАК с вокальной осью, однородной как по ряду, так и по огубленности.

ГАК данного класса составляют 36% от общего числа примеров, анализируемых нами в работе, и по употребляемости занимают второе место (после ГАК 2-го класса).

В обобщённом виде ГАК 1-го класса можно представить формулой $V_1 + V_2 + V_3$. Ниже приведены примеры деепричастных аналитических сочетаний рассматриваемого типа.

(3.)	<i>чыдын каап чоруур</i>	[tʃ ^c adɑp k ^c ɑ:p tʃ ^c Y/ø ^r Yʏ']
(6.1.)	<i>үнүн кээп турар</i>	[Yn'Ykz:p tʃ ^c Ygrɑ ^r]
(8.2.)	<i>шуужуп бар чыткан</i>	[{b'l'eʃ}əz ^c əpɑrtʃatkɑn]
(11.)	<i>дыңнап чыдын калган</i>	[tɕŋ nɑp tʃ ^c it qɑlɑqɑn]
(14.)	<i>дилеп туруп бергеннер</i>	[t'l'ep' t ^c urp ^c er'geŋ' n'zr']
(20.)	<i>сөөртүп чедип келген</i>	[s ^c œ:p ^c tʃ ^c et'ɕpʁɑŋ]
(21.1.)	<i>кире хонуп кээр</i>	[{bɔlɑ}g ^c rɑxɔn kʁr']
(21.2.)	<i>чеде хонуп келген</i>	[tʃ ^c ed'xɔnɔp,kəl'ən']
(23.1.)	<i>хоора сон алдым</i>	[χɔ·rɑs:ɔldɕm,]

Фонетический аудитивный анализ предложений 1-го класса ГАК позволил выявить кроме общих фонетических признаков, характерных для всех ГАК этого класса, некоторые частные фонетические изменения, свойственные либо какой-то отдельной ГАК, либо нескольким ГАК этого класса.

1. Сохранение или выпадение деепричастного показателя на =(ы)n. Из пяти примеров ГАК 1-го класса, сложные основы которых образованы двумя деепричастиями на =n, в двух предложениях деепричастный показатель сохраняется в спонтанной речи как у 1-го, так и у 2-го компонентов ГАК:

(3.)	<i>чыдын каап чоруур</i>	[tʃ ^c adɑp k ^c ɑ:p tʃ ^c Y/ø ^r Yʏ']
(20.)	<i>сөөртүп чедип келген</i>	[s ^c œ:p ^c tʃ ^c et'ɕpʁɑŋ]

В других двух примерах аффикс =n деепричастия сохранился только у первого компонента ГАК:

(11.)	<i>дыңнап чыдын калган</i>	[tɕŋ nɑp tʃ ^c itqɑlɑqɑn]
(14.)	<i>дилеп туруп бергеннер</i>	[t'l'ep' t ^c urp ^c er'geŋ' n'zr']

И, наоборот, в одном примере у 1-го компонента ГАК деепричастный показатель выпал, но сохранился у 2-го:

(6.1.)	<i>үнүн кээп турар</i>	[Yn'Ykz:p tʃ ^c Ygrɑ ^r]
--------	------------------------	---

В конструкциях (21.1.) и (21.2.) с деепричастием *хонуп* в качестве второго компонента ГАК констатируются различные этапы процесса упрощения фонетической структуры ГАК.

(21.1.)	<i>кире хонуп кээр</i>	[{bɔlɑ}gʰrɑxɔn kʰɐʰ]
(21.2.)	<i>чеде хонуп келген</i>	[tʃʰedʰxɔnɔp,kəlʰɛnʰ]

В примере (21.1.) произошло не только выпадение деепричастного показателя, но и смена палатальной сингармонической рядности всей звуковой цепочки фонетического слова. В ГАК (21.2.) преобразования затронули лишь третий компонент глагольного сочетания – выпал интервокальный согласный *г* без компенсирующей долготы гласного.

Выпадение или стяжение деепричастных аффиксов =*n* в звуковых оболочках компонентов сложной основы ГАК происходит вследствие того, что они утрачивают или уже утратили свою семантику в составе ГАК. В тех же случаях, где этот показатель еще сохраняется, он выполняет, по большей части, функцию интерфикса, что подтверждается нестабильностью его употребления.

2. Выпадение комплекса звуков. В аналитической конструкции (23.1.) *хоора сон алдым* [χɔ·rɑs:ɔldɨm,] в позиции внешнего сандхи, трансформировавшегося в процессе фонетических преобразований во внутреннее, между вторым и третьим компонентами ГАК происходит выпадение звукового комплекса «βɑ» в результате цепочки одновременно происходящих фонетических процессов: озвончения и вокализации глухого согласного *p* → *β* в финальной позиции второго компонента ГАК под влиянием вокального окружения с последующим выпадением малошумного вокализованного сверхслабого согласного «β» и стяжением гласных в долгий *oo*. В результате на данном этапе функционирования тувинского языка под влиянием просодической меры длины слога гласный *oo* утратил вторичную долготу, реализуясь как краткий *o*: *хорасолдым* < *хорасоолдым* < *хора соалдым* < *хора совалдым* < *хора сон алдым*.

3. Расширение узких гласных. Под влиянием прогрессивно-регрессивной ассимиляции по широкому гласному *a* узкий нелабиализованный звук *y* подвергся расширению в глаголах следующих аналитических конструкций:

(3.) *дыка-ла чыдын каап чоруур* [tʃ^cadɑp k^cɑ:p tʃ^cʏ/øɣʏ^cʏ]

(8.2.) *шуужуп бар чыткан* [{bʰlʲɛʃ}öʒ^cəpɑrtʃatkoŋ]

В данных случаях можно говорить о проявлении гармонии гласных по широкому твердоярному нелабиализованному вокальному компоненту основы ГАК (a-Са СаСаС СааС < a-Са СыСыС СааС; aСаСа < аСыСа).

4. Сужение широких гласных. В ряде ГАК фиксируется сужение гласного «е» (4-я ступень) в более узкие «ѳ», «х», «э» (3-я ступень).

(20.) *сөөртүп чедип келген* [sʰœ:pʰtʃ^cetʰɪpʃøŋ]

(21.2.) *чеде хонуп келген* [tʃ^cedʰxɒnɒp,kəlʲənʰ]

Приведенные примеры также дают основание для предположения о реализации гармонии гласных по степени подъёма: в постпозиции к узким гласным ѳ, ѳ (2-я ступень) второго компонента сложной основы ГАК гласный «е» в третьей глагольной форме аналитического сочетания сужается и реализуется в звуках «ѳ», «х» и «э». Учитывая тот факт, что в других подобных ГАК сужение гласных не фиксируется, например: (14.) *дилеп туруп бергеннер* [tʰlʲɛpʰtʃ^curpʰɛɣʰɛnʰ nʰɜɣʰ], можно предположить, что констатируемое преобразование не является систематическим, находясь на стадии формирования.

5. Деллабиализация узкого гласного. В ГАК (6.1.) *унуп кээп турар* [ʏnʰʏkz:p tʰcʲɑɣʲɛ^c] в звуковой оболочке 3-го компонента сочетания – вспомогательного глагола (ВГ) *тур*= происходит деллабиализация узкого гласного. На наш взгляд, в результате десемантизации глагола *тур*=, перехода его во временной аффикс,

вокальный компонент этого глагола испытал на себе воздействие фонетического контекста, уподобившись пре- и постпозитивным нелабиализованным гласным «э:» и «а».

6. Смена палатального ряда. В ряде случаев отмечается смена палатального ряда с мягкого на твёрдый не только у вспомогательного глагола (пример (20.)), но и у основного (пример (21.1.)):

(20.)	<i>сөөртүп чедип келген</i>	[sʰœ:pʰtʰetʰpʰɣɣn]
(21.1.)	<i>кире хонуп кээр</i>	[{bɔlɑ}gʰrɑxɔn kʰrʰ]

В обоих случаях переход гласных с одного палатального сингармонического ряда на другой может быть объяснён влиянием фонетического контекста: в примере (20.) – воздействием препозитивного переднеязычного согласного «тʰ», в примере (21.1.) – твёрдорядного вокального окружения.

В южносибирских тюркских языках реализуются аккомодационные закономерности, в соответствии с которыми переднеязычные согласные (кроме «л») детерминируют функционирование постпозитивных переднерядных гласных фонем в аллофонах более заднего образования – центральнорядных, центральнозаднерядных или (реже) смешаннорядных, нейтральных с точки зрения палатального сингармонизма [Селютина 2000: 385–392; Seljutina 2000: 27–32].

В ГАК (20.) в постпозиции к «тʰ» мягкорядная фонема *и* реализуется в центральнорядном позиционно-комбинаторном оттенке «й», который, в свою очередь, в условиях синтезированного единого фонетического слова повлёт за собой ассимиляцию по признаку палатальности гласных и согласных последующих слогов. В постпозиции к финальнослоговому непалатализованному согласному «р» фонема *е* манифестируется центральнорядным аллофоном «й», обусловившим твердорядную реализацию последнего слога конструкции – увулярную репрезентацию «ɣ» согласной фонемы *к*, заднерядный гласный «х», непалатализованный «п».

2) ГАК с паузой между основным и вспомогательным компонентами $V_1 \neq V_2 + V_3$

Второй класс тувинских ГАК составляет почти половину всей выборки: 46% примеров от общего числа ГАК, анализируемых в данной работе. По употребляемости данный класс занимает первое место.

(1.)	эдержит чоруп турганы- даа	[ʔɛdˠr̥ʲipˠ, /= tʃˠr̥ˠʉr̥qɔɳɳɳ]
(2.)	эглип чоруп оорар-ла	[ɛˠl̥ipˠ, /= tʃˠr̥ˠʉr̥qɔɳɳɳ]
(6.2.)	сөктүп кээп турар	[sˠɔkˠt̪ʉpˠ /= kˠeˠpˠt̪ʉr̥ɔɳɳɳ]
(8.1.)	ышкындырын бар чыткан	[{...}ˠ ɪʃkɔndɪr̥ /= pɔrtʃɪtkɔn]
(13.1.)	алгып чоруй баар	[ʔɔl̥qɪpˠ /= tʃˠr̥ˠʉr̥qɔɳɳɳ]

(16.)	<i>базын кире бээр</i>	[bɑ:z̄ɐ̃p̄ /=/ k'cæɾ'eβ'er'c]
(17.)	<i>эдэртип чеде бээр</i>	[zɔd'ɜp̄ /=/ t̄ɿ'cɛd'zβ'cɛ.r']
(18.1.)	<i>кыза хона берген</i>	[qʰzɑ /=/ χɔnɑb'er'g'en']
(18.2.)	<i>чеде хона берген</i>	[t̄ɿ'cɛd'z /=/ χɔnɑβɜr'gɜn']
(19.)	<i>эдэртип кирип келгеш</i>	[ʔzɔd'ɜr' /=/ k'ɿr'kɑlgɑʃ']
(23.2.)	<i>тыртыыштай шап
алган</i>	[t̄ɿ'cɿr't̄ɿʃ't̄ɿ'cɿ:ʃ' /=/ ɑβɑlqɑn]
(26.)	<i>өгленип ап болур</i>	[øl'en'ɐ̃n̄, /=/ ʔɑp,p'cɔlɔr]

Аудитивный анализ предложений, входящих во 2-й класс ГАК, позволил выявить некоторые фонетические преобразования, свойственные конструкциям этого типа.

1. **Сохранение или выпадение деепричастного показателя на =(ы)n.** Наличие деепричастного показателя =n констатируется в следующих ГАК рассматриваемой выборки примеров:

а) у 1-го и 2-го компонентов сложной основы ГАК, например:

(2.)	<i>эглип чоруп олар-ла</i>	[ɛ:l'ip̄, /=/ t̄ɿ'c r'ɔβɔrɔl'œ]
(6.2.)	<i>сөктүп кээп турар</i>	[s'œk t'up̄ /=/ k'e:p't'ɛrɑ /=
[ʔɑp'cɑqɑn]]

б) деепричастный показатель фиксируется только у 1-го компонента тривербальной ГАК, в составе которой – два деепричастия на =n:

(1.)	<i>эдэргип чоруп турганы-
даа</i> | [ʔzɔd'ɿr'ip̄, /=/ t̄ɿ'c r'c'ũrɔqɑnɔ] |
|------|---------------------------------------|--------------------------------------|

в) аффикс =n сохраняется в звуковых оболочках 1-х компонентов конструкций, в которых 2-м компонентом является деепричастие на =й или на =а:

(13.1.)	<i>алгып чоруй баар</i>	[ʔɑlqɐ̃p̄ /=/ t̄ɿ'cæ:r'ijbɑr'{ɿ'kɑ̃
z'ɪlɑ̃j}] |
|---------|-------------------------|--|

- (16.) *базып кире бээр* [bɑ:z̄ɐ̃p / = / kʰæɾ'eβ'erʰ]
 (17.) *эдертин чедε бээр* [ɛd'ɛp' / = / tʃʰɛd'ɛb'ʰɛ-rʰ]

В ряде ГАК деепричастный показатель *-n* выпал: а) у обоих компонентов ГАК – 1-го и 2-го (пример (19.)); б) у 1-го – в ГАК, в состав которых входит лишь одно деепричастие на *-n*: (пример (8.1.)):

- (19.) *эдерип кирип келгеш* [ʔɛd'ɛɾ' / = / kʰɪɾ'kɑ̃lgɔ̃ʃʰ]
 (8.1.) *ышкындырып бар* [{...ʃʰ} ɪʃ'kɑ̃ndɪɾ' / = /
чыткан pɑ̃tʃʰatkɑ̃n]

Таким образом, из четырёх предложений с ГАК 2-го класса, сложные основы которых образованы двумя деепричастиями на *-n*, в примерах (2.) и (6.2.) служебный показатель сохраняется в обоих компонентах, в примере (1.) аффикс *=n* констатируется только в составе 1-го деепричастия, в примере (19.) наблюдается полная редукция рассматриваемого показателя в обоих деепричастиях на *=n*, входящих в состав ГАК. Следует отметить, что в ГАК 1-го класса не зафиксировано случаев выпадения аффикса *=n* в обоих деепричастиях на *=n* в составе рассматриваемого комплекса, в отличие от ГАК 2-го класса.

В тех же случаях, когда в состав ГАК входит лишь одно деепричастие на *=n* – в качестве 1-го компонента, репрезентирующего основной глагол, его фонетический облик более стабилен: выпадения морфологического показателя не происходит в трёх примерах – (13.1.), (16.), (17.), в то время как его утрата констатируется лишь в одном случае (8.1.) – в комбинации двух губных согласных на стыке двух компонентов ГАК при сохранении позиции внешнего сандхи.

Нестабильность употребления аффикса *=n* в структуре тувинских ГАК свидетельствует о развивающемся процессе десемантизации деепричастных компонентов, об утрате ими информа-

тивности и – как следствие – об упрощении фонетического облика комплекса, направленного на минимизацию произносительных усилий.

2. Озвончение. В ряде ГАК инициальный умереннонапряженный глухой смычный согласный 3-го компонента, оказавшись – в результате трансформации внешнего сандхи во внутреннее – в медиально-интервокальной или медиальной постсонантно-превокальной позициях, озвончился:

(16.)	<i>базып кире бээр</i>	[bɑ:z̥p̥ /=/ k ^c ær'eβ'er ^c]
(17.)	<i>эдэртип чедэ бээр</i>	[ɛd̥'ɛp̥ /=/ t̪ ^c ɛd̥'zβ ^c ε'r']
(18.1.)	<i>кыза хона берген</i>	[qʰʰzɑ̃ /=/ χɔnɑβ'er'g'en']
(18.2.)	<i>chede хона берген</i>	[t̪ ^c ɛd̥'z /=/ χɔnɑβɜr'gɜn']
(13.1.)	<i>алгып чоруй баар</i>	[ʔɑlɔp̥ /=/ t̪ ^c æ:r'ijbɑr'{ɪf'kɑ̃
z'ɪlɑ̃j}]

В некоторых случаях озвончение сопровождается спирализацией артикуляции в результате ослабления смычки:

(16.)	<i>базып кире бээр</i>	[bɑ:z̥p̥ /=/ k ^c ær'eβ'er ^c]
(18.2.)	<i>chede хона берген</i>	[t̪ ^c ɛd̥'z /=/ χɔnɑβɜr'gɜn']

Озвончению и спирализации подвергся также финальный глухой сильный финальный согласный «р» 2-го глагольного компонента в ГАК (23.2):

(23.2.)	<i>тыртыыштай шап
алган</i> | [t̪ ^c ɛr̥t̪ɪf̥t̪ ^c ɪ:f̥ /=/ ɑβɑlɔɾɑn] |
|---------|---------------------------------|---|

В результате слияния двух вспомогательных глаголов фон «р» оказался в интервокальном положении, что и послужило причиной изменения его артикуляторно-акустических характеристик.

3. Оглушение. В ряде ГАК ауслаутные малошумные согласные типа «г» 1-го ВГ, оказавшись в результате переосмысления

компонентов комплекса и последующих фонетических преобразований в позиции внутреннего сандхи, подвергаются оглушению под воздействием шумных глухих в анлауте 2-го ВГ, что является признаком полной синтетазии этих двух глагольных слов в составе тривербальных АК:

(1.)	<i>эдержип чоруп турганы-
даа</i>	[ʔɛdːʂr̥ʲipː,
tʃ ^c r̥ːt̥ʲuɾɒɫɲɒ]	/=
(8.1.)	<i>ышкындырып бар
читкан</i>	[{...ʃː} ɪʃˈkɑ̃ndɪr
pɑ̃rtʃˈatkɑ̃n]	/=
(19.)	<i>эдерип кирип келгеш</i>	[ʔɛdːɜrː /= k ^c r̥ːkɑ̃lgɑ̃ʃː]	

4. Расширение узких нелабиализованных гласных. Под влиянием прогрессивно-регрессивной ассимиляции по широкому гласному типа «а» узкий нелабиализованный звук типа «ы» подвергся расширению: а) в основе 2-го ВГ (пример (8.1.)); б) в аффиксе 2-го ВГ (пример (1.)):

(8.1.)	<i>ышкындырып бар читкан</i>	[{...ʃː} ɪʃˈkɑ̃ndɪr
pɑ̃rtʃˈatkɑ̃n]	/=
(1.)	<i>эдержип чоруп турганы-
даа</i>	[ʔɛdːʂr̥ʲipː, /=
tʃ ^c r̥ːt̥ʲuɾɒɫɲɒ]	

В обоих случаях можно говорить о проявлении гармонии гласных по широкому твердоярному нелабиализованному вокальному компоненту звуковой оболочки глагольной формы (CaC-CaCCaC < CaC СыCCaC; CyCCaCa-Caa < CyCCaCы-Caa). Тувинскому глаголу *чит* = 'лежать' в других сибирских тюркских языках соответствуют глаголы с широким гласным основы, например: шорское, кумандинское, хакасское *чат* =, алтайское, телеутское *јат* =.

Выявленная тенденция к ассимиляции гласных фонетического слова по степени подъема вступает в диссонанс с диссимилятивными процессами, фиксируемыми в звуковой оболочке основного глагола ГАК (8.1.) *ышкындырып бар читкан* [{...ʃː}]

ɪʃkǝndɪr /=/ pǝrtʃʌtkǝn], где констатируется расширение *ы* до *а*, разрушающее качественную однородность вокальной оси слова.

5. Расширение узких лабиализованных гласных. Узкий лабиализованный гласный типа «у» 1-го ВГ *чоруп* в составе ГАК (2.) *эглип чоруп ораp-ла* [ɛːlʲipː, /=/ tʃʰ rːɔ̃βórolʲæ], оказавшись между двумя широкими гласными типа «о», подвергся прогрессивно-регрессивной ассимиляции по «о»-типу. Глухой смычный согласный «р», оказавшись в результате фонетических трансформаций в интервокальном положении, подвергся озвончению (*чорубораp < чоруп ораp*) с дальнейшим ослаблением смычного компонента и преобразованием его в щелевой (*чорувораp < чорубораp*). Усиление лабиализации по широкому гласному в начале словоформы запустило механизм реализации лабиального сингармонизма по широкому гласному, который распространился на гласные компоненты звуковой оболочки не только глагольной словоформы, но и постпозитивной частицы (*чороворолѐ < чороворола < чороворала*). В результате стяжения произошло выпадение малошумного согласного типа «т» (*чороворола < чороворарла*). Кроме того, под влиянием первого мягкорядного слога ВГ произошла прогрессивная ассимиляция по ряду последующих компонентов фонетического слова.

6. Выпадение согласного ɣ. В мягкорядных словоформах в сходных позиционно-комбинаторных условиях ($V_{\text{широкий}} + g + l + V$) у ОГ в первом слоге происходит выпадение межуточнoязычного смычного звонкого согласного ɣ. При этом какой-либо компенсационной долготы ни у согласного, ни у гласного не фиксируется:

(2.) *эглип чоруп ораp-ла* [ɛːlʲipː, /=/ tʃʰ rːɔ̃βórolʲæ]

(26.) *өгленип ап болур* [øˈlʲenˈʲɪ̞, /=/ ʔǝpːpˈcɔ̃lɪ̞r]

7. Смена палатального ряда. В ГАК (19.) *эдeрин кирип келгеш* [ʔɛdːɜːr /=/ kʰɪrːkǝlgǝʃː] в звуковой оболочке 3-го глагольного компонента произошла смена палатального ряда с мягкого на

твердый, не обусловленная фонетическим контекстом: препозитивный 2-й компонент конструкции – мягкорядный, влияние постпозитивного слова на огласовку глагола также исключается – между ними реализуется межсловная пауза.

8. Перераспределение звуков в слог. В ГАК (23.2.) *тыр-тыгыштай шап алган* [tʰcʰɣtʰɣʃʰtʰcʰɣ:ʃʰ /≠/ ɑ̌βɑ̌lɔʁɑ̌n] инициальный шипящий согласный 2-го вербального компонента отошёл к финальному открытому слогу основного глагола, вследствие чего межсловная звуковая пауза проходит внутри основы глагола *шап*.

3) ГАК с паузой между вспомогательными компонентами
 $V_1 + V_2 \neq V_3 \{ + L \}$

Спецификой третьего класса тувинских ГАК является отсутствие межсловной паузы между ОГ и первым ВГ, это двукомпонентное сочетание воспринимается, фактически, как единое фонетическое слово, внешнее сандхи меняет статус и трансформируется во внутреннее. В то же время между вспомогательными глаголами отмечается внешняя продолжительная звуковая пауза, которая делит конструкцию на два комплекса: первый – $V_1 + V_2$, второй – V_3 .

При этом в одних примерах отмечается слияние, в других – примыкание постпозитивного слова ко второму вспомогательному глаголу, внешнее сандхи обретает статус внутреннего, вследствие чего 3-й компонент ГАК и постпозитивное к нему слово также реализуются как единый фонетический комплекс.

ГАК 3-го класса наименее частотны, они составляют в нашей выборке 16% от общего числа анализируемых ГАК.

Структуру аналитических тривербальных сочетаний рассматриваемого класса можно отразить формулой: $V_1 + V_2 \neq V_3 \{ + L \}$. Данная конструкция представлена следующими примерами.

- (5.1.) *озалдап каап турар улус* [ɔ̌zɑ̌ldɑ̌p, kʰcʰɑ̌:p, /≠/ tʰcʰʊr{ lʊsʰ }]
 (5.2.) *чугаалап каап тургай сен* [tʰcʰɣɑ̌lɑ̌p, kʰcʰɑ̌:p, /≠/ tʰcʰʊrɔ̌j{ sʰ:ʃnʰ }]

- (13.2.) *кылаштап чоруй баар араңда* [k^clǎʃt^cǎp tʃǎer'e /₁ b^cǎ-r{ǎŋŋd^cǎ}]
- (25.) *парлап берип көрүңөр дээш* [pǎrl'æp, p^cε:r'ip, /₁ kǒr'nɜr'{d'ɜʃ''}]

Аудитивный анализ тувинских трёхкомпонентных деепричастных ГАК третьего класса позволил сделать следующие наблюдения.

1. **Сохранение деепричастного показателя на =(ы)n.** Во всех примерах ГАК с деепричастиями на =n в позиции как внешнего сандхи, так и сменившего статус и трансформировавшегося в процессе фонетических преобразований во внутреннее сандхи сохраняется деепричастный показатель =(ы)n. Согласный реализуется как смычный облигаторно имплозивный. Указанные особенности формирования звукового облика ГАК косвенно свидетельствуют о прочных позициях аналитизма в АК рассматриваемого класса, о слабости процессов синтеза компонентов тривербальных конструкций.

2. **Выпадение комплекса звуков.** В ГАК (5.1.) *озалдап каап турар улус* [ǒzǎldǎp, k^cǎ:p, /₁ t^cür{lüs'}] в результате слияния 3-го глагольного компонента и постпозитивного имени *улус* 'люди' в одно фонетическое слово *турлус* (*тур улус* < *турар улус*) в сформировавшейся позиции внутреннего сандхи констатируется выпадение комплекса звуков «ǎr» у глагола *турар* с одновременной редукцией инициального узкого гласного у в слове *улус*. Таким образом, процесс преобразования фонетического облика ГАК по пути упрощения распространяется и на постпозитивные лексемы.

3. **Озвончение согласных.** В ГАК (25.) *парлап берип көрүңөр дээш* [pǎrl'æp, p^cε:r'ip, /₁ kǒr'nɜr'{d'ɜʃ''}] после слияния 2-го вспомогательного глагола с постпозитивным словом *дээш* в одно фонетическое слово произошло озвончение глухого смычного согласного «t» в постсонантно-превокальной позиции. Ассимиляция по глухости-звонкости, а также палатальное и лабиальное

выравнивание звуковой оси позволяют говорить о полном стяжении данных слов.

4. Оглушение согласных. В ГАК (5.2.) *чугаалап каап тургай сен* [tʰʷɑɑlɑp, kʰɑ:p, /=/ tʰʷɑɑlɑj {s':ɬɑn'}] во втором звуковом комплексе ауслаутный малозвонный «j» 2-го ВГ, оказавшись в поствокально-преконсонантной позиции внутри единого фонетического слова в результате преобразования позиции внешнего сандхи во внутреннее, оглушается под воздействием анлаутного шумного глухого «s», постпозитивного (по отношению к глаголу *тургай*) местоимения *сен* 'ты', что указывает – как и смена палатального ряда с мягкого на нейтральный в лексеме *сен* – на полное слияние данных слов.

5. Смягчение малозвонного «l». В результате объединения в один фонетический комплекс 1-го (твердоядного) и 2-го (мягкорядного) компонентов в ГАК (25.) *парлап берип көрүңер дээш* [pɑrlɑp, p'ɛ:ɬip', /=/ kɵr'ɬzɬ' {d'zɬ''}] произошла регрессивная ассимиляция по палатализованности – малозвонный согласный «l» умеренно смягчился и обусловил смену палатальной рядности постпозитивного гласного а → æ.

6. Смена палатального ряда. В ГАК (13.2.) *кылаштап чорууй баар араңда* [kʰlɑʃtʰɑp tʃɑeɾe /=/ kʰɑ:ɾ {ɑɾɬɬd'ɑ}] констатируется смена палатального ряда у 1-го ВГ *чор* = 'ходить'. Сравнительный анализ тувинского *чор* = с глаголами той же семантики в других тюркских языках свидетельствует об их мягкорядности (ср.: шорское, кумандинское, хакаское *чөр* =, телеутское, алтайское *jör* =, калмакское *ёрь* = ~ *чёрь* = ~ *жёрь* =, древнетюркское *jör*).

7. Морфологическая замена. В ГАК (13.2.) *кылаштап чорууй баар араңда* [kʰlɑʃtʰɑp tʃɑeɾe /=/ kʰɑ:ɾ {ɑɾɬɬd'ɑ}] у 1-го ВГ отмечается замена деепричастного аффикса =уи на просодически более удобный показатель -е.

Как видно из примеров, в данном классе ГАК продуктивно развивается процесс синтеза 3-го компонента ГАК и постпозитивной к нему лексемы – происходит слияние двух слов в единое беспаузальное фонетическое слово, компоненты которого подчиняются ассимилятивным законам внутреннего сандхи.

Таким образом, в результате анализа тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций было выявлено три класса единиц в зависимости от расположения внешней звуковой паузы:

- 1) $V_1 + V_2 + V_3$,
- 2) $V_1 \neq V_2 + V_3$,
- 3) $V_1 + V_2 \neq V_3 (+ L)$.

Наиболее частотным фонетическим изменением в тувинских ГАК в позициях внешнего и внутреннего сандхи является выпадение аффикса деепричастия $= (ы)л$, редукция которого происходит вследствие утраты показателем своей информативности в составе ГАК. В тех же примерах, где этот аффикс сохраняется, он выполняет, по большей части, функцию интерфикса.

Устранение в ГАК 1-го класса внешней (межсловной) паузы, выполняющей в других классах делимитативную функцию между компонентами ГАК, свидетельствует о большей активности процесса синтеза компонентов тривербальных комплексов 1-го класса по сравнению с ГАК 2-го и 3-го классов, где фонетические преобразования находятся на начальной стадии. Иными словами, наблюдается процесс морфологического опрощения в результате усечения какой-то части сложной (аналитической) формы, который некоторые тюркские языки уже пережили [Шамина 1995: 24]. В представленных здесь материалах зафиксированы различные этапы этого явления.

Г л а в а I I I

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ЮЖНОСИБИРСКОМ ТЮРКСКОМ ЭПОСЕ

Для выявления общности и специфики фонетических модификаций, сопровождающих процессы синтеза деепричастных аналитических конструкций в различных репрезентациях вербальных культур народов алтае-саянского региона, в данной главе анализируются звучащие тексты героических сказаний шорцев, хакасов и тувинцев в сопоставлении с литературными и разговорными языками

3.1. Глагольные аналитические конструкции в шорском фольклоре: специфика фонетических трансформаций

Объектом исследования в данном параграфе являются фонетические реализации бивербальных деепричастных аналитических конструкций в шорском эпосе; предметом – модификации звукового облика ГАК и их специфика на фоне литературного языка.

Материалом для исследования послужило шорское героическое сказание «Күннү көрген Күн Көөк» (Солнце увидевшая Кюн Кёк) в исполнении яркого носителя шорской эпической традиции В. Е. Таннагашева [Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева 2015], представителя мрасской сказительской школы [Арбачакова, Кузьмина 2014; Арбачакова, Невская 2016: 424]. В фольклорном тексте, объем которого составляет 41 900 знаков, выявлено 910 предложений, включающих ГАК различных структурно-семантических типов. Для фонетического анализа было транскрибировано 109 высказываний с глагольными аналитическими конструкциями. Звучащий эпический текст, записанный

на нескольких дорожках на прилагающемся к изданию CD, был конвертирован для аудитивного анализа в формат wav. Использование программы Audacity позволило сегментировать звучащее произведение, экспортируя в самостоятельные звуковые файлы контексты, включающие выявленные ГАК. На основании аудитивного и компьютерного анализа с помощью программы SpeechAnalyzer 3.0.1 все выявленные ГАК были затранскрибированы с использованием знаков универсальной унифицированной транскрипционной системы В. М. Наделяева [1960], проанализированы и систематизированы.

Инвентари шорских ГАК в языке фольклора

Авторы не ставили целью выявить все типы шорских аналитических конструкций и представить исчерпывающее описание модификаций их звуковых оболочек. Задачей нашего исследования является фиксация на современном синхронном срезе процессов фонетических изменений, позволяющих судить о степени синтеза ГАК в шорском эпическом произведении, и их интерпретация в сопоставлении с литературным языком.

Исследование бивербальных аналитических конструкций в произведениях художественной литературы, вошедших в сборник «Чедыген» и опубликованных в журнале «Огни Кузбасса» [Чедыген 2007], а также в живой разговорной речи носителей шорского языка, результаты которого представлены в разделе «2.2. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи» данной монографии, позволило выявить инвентарь ГАК, включающий 15 основных типов конструкций с деепричастиями на *-n* и на *-a* [Уртегешев и др. 2007: 88–94].

В ходе анализа звучащего текста шорского фольклорного героического сказания «Күннү көргөн ...» были зафиксированы в принципе те же ГАК, что и в литературном языке, и, кроме того, список аналитических конструкций был расширен до 21 типа; все они представлены ниже в формульном виде:

- (1.) $Tv=n+V^{ecn}$: (1.1.) $Tv=n+одур$, (1.2.) $Tv=n+ыс=$,
 (1.3.) $Tv=n+ал=$, (1.4.) $Tv=(n)+неp=$, (1.5.) $Tv=(n)+кел=$,
 (1.6.) $Tv=(n)+нар=$, (1.7.) $Tv=(n)+сал=$, (1.8.) $Tv=(n)+тур=$,
 (1.9.) $Tv=(n)+шық=$, (1.10.) $Tv=(n)+қал=$, (1.11.) $Tv=(n)+көp=$,
 (1.12.) $Tv=(n)+чөр=$, (1.13.) $а(лын)+V^{ecn}$, (1.14.) $Tv=(n)+киp=$;
 (2.) $Tv=V+V^{ecn}$: (2.1.) $Tv=V+неp=$, (2.2.) $Tv=V+нар=$,
 (2.3.) $Tv=V+қал=$;
 (3.) $Tv=бV_n+V^{ecn}$: (3.1.) $Tv=бV_n+сал=$, (3.2.) $Tv=бV_n+қал=$;
 (4.) $Tv=-p+V^{ecn}$: (4.1.) $Tv=-p+эм=$;
 (5.) $Tv=(n)оқ+V^{ecn}$: (5.1.) $Tv=(n)оқ+V^{ecn}$.

Ниже приводится список высказываний с ГАК, используемыми сказителем при исполнении героического эпического произведения «Күннү көрген Күн Көөк».

(1.) $Tv=n+V^{ecn}$.

(1.1.) $Tv=n+одур$

(1.1.1.) *Кичиг сөөк пурнуаң пыргырб-одурча*
 [pʲɪr/=/βɔd=ʃ:"aʔ]. (КкКК, 42, с. 56)⁶. 2:3м13.762с-3м17.859с⁷.

‘Мелкие кости из носа летят ...’

⁶ *Здесь и далее (раздел 3.1.):* сведения, приведенные в скобках после предложения, означают следующее: аббревиатура КкКК – шорское героическое сказание «Күннү көрген Күн Көөк»; число, следующее за аббревиатурой, означает строфу в произведении (например, 42); следующее число – номер страницы в книге (например, с. 56).

⁷ Сведения, маркирующие локализацию на CD контекста с рассматриваемой ГАК: первое число означает номер звуковой дорожки; комплекс данных после двоеточия означает время начала и – через дефис – конца звучания контекста (где м – минута, с – секунда). Например, 2:3м13.762с-3м17.859с означает следующее: 2-я дорожка; начало звучания в 3 минуты 13.762 секунды; конец звучания в 3 минуты 17.859 секунд.

(1.1.2.) *Ашпа-табақ чииб-одурдулар* [hʃ'ɪ=βò:=dòr/=m'ɪ=l'a]. (КкКК, 43, с. 56). 2:3м18.082с-3м19.852с.

‘(Так) пишу-еду (вместе) они ели.’

(1.1.3.) *Анаң көрб-одурғаннары* [kör=βò:=dòr/=βλn=nλ=гг]: ... (КкКК, 51, с. 56). 2:4м29.073с-4м32.421с.

‘Затем видят: ...’

(1.1.4.) *Көк шөлдің ортаға киіре қачырб-одурчаң* [qɪ=hʃ'ɪ/=βò:=dò=hçaŋ] *тушта*, ... (КкКК, 214, с. 66). 3:51.027с-54.343с.

‘Когда к центру Голубой степи (скот и народ) гнал, ...’

(1.1.5.) *Анда қал-келіп, чадыб-одурча* [hçad/=βò:=dòχʃ=ʃ"e]. (КкКК, 555, с. 84). 4:11м44.800с-11м46.158с.

‘Там оставшись, лежит.’

(1.1.6.) *Тоғра тартын-кел, эрбектеб-одурча* [ʔer'=β'ek=t'e/=β'ò=tò=ʃ:"a] ... (КкКК, 656, с. 90). 5:1м47.523с-1м52.030с.

‘... Льющиеся (из глаз), говорит: ...’

(1.1.7.) *Күн алыжып, ай алыжб-одурған полтур* [(ʔə=j)ä·=lǝʒ/=b'ò:=dòr=qǎn =(möl=tòr)]. (КкКК, 1015, с. 110). 5:27м45.253с-27м50.399с.

‘Дни проходят, месяцы пролетают, ...’

(1.1.8.) *Тудужа-тудужа келгенде – алты чыға кел шыгыб-одурчалар* [ʃ'b=qǝʃ/=β'ò:=tòr=ʃ"a=lǎr]. (КкКК, 1028, с. 112). 5:28м15.527с-28м20.347с.

‘Боролись, боролись – до шести лет боролись.’

(1.1.9.) *Тоғус күнге шығара чөрб-одурча* [hçør'/=βò:=tòr=ʃ"a]. (КкКК, 1132, с. 118). 5:35м24.877с-35м27.001с.

‘В течение девяти дней едет.’

(1.1.10.) *Тоғус күннүң пажында, анаң узуб-одурғаны* [(p'ə=zǝn/=dǎ=n)ó/=βò:=dòr=qǎ=nǝ]. (КкКК, 1133, с. 118). 5:35м27.287с-35м30.192с.

‘Через девять дней затем слышит: ...’

(1.2.) $T_v = n + ыс =$

(1.2.1.) Қара тубан кел **түжәубисти** [$t'ü=z'i/=β'i=st'λ$]. (КкКК, 106, с. 60). 2:8м09.028с-8м11.053с.

‘Черный туман спустился.’

(1.2.2.) Алтын өргедең сөртеп **шығыбысты** [$ʃ'λ:/=b'ъ=st'з$]. (КкКК, 169, с. 64). 2:11м59.250с-12м01.147с.

‘Из золотого дворца потащил.’

(1.2.3.) Чес қулақты тудунбан қалдым, **тезибискен** [$t'z=z'e=β'is=k'en$]. (КкКК, 350, с. 74) 3:10м41.404с-10м44.211с.

‘Коня медно-саврасого не поймал – убежал.’

(1.2.4.) Алтын Топчунуң улуг сагыжы **шығыбысқан** [$ʒ'a=β'is=q'λn$] полтур. (КкКК, 435, с. 78). 4:3м41.416с-3м44.310с.

‘Алтын Топчу сознание потерял, оказывается.’

(1.2.5.) Анаң **таиитабысқаны** [$t'λʃ=t'ā=b'is/=q'ā:=n'ъ$]: ... (КкКК, 453, с. 78). 4:4м39.012с-4м40.191с.

‘Потом бросил – ...’

(1.2.6.) Тыны ақсынаң шачрап-кел, **шығыбысты** [$ʃ'q=ʃ'ъ=β'is=t'ъ$]. (КкКК, 842, с. 102). 5:15м12.136с-15м14.923с.

‘Душа её изо рта вышла.’

(1.2.7.) Қырық қатпаиш түбүнге **кирибисти** [$qɪ=r'ib'>=s:t'e:ʃ$]. (КкКК, 1089, с. 116) 5:33м01.739с-33м04.474с.

‘Внутрь сорока комнат вошел.’

(1.2.8.) Тебир сынны **ажыбыссабыс** [$ā=z'ib/=sλ:=β'is:$], ... (КкКК, 1175, с. 120) 5:38м20.791с-38м24.126с.

‘Если перевалим железный хребет, ...’

(1.2.9.) Ийги қараан **ажыбысты** [$ā:=z'ib/=β'is=t'ъ$]. (КкКК, 1273, с. 126). 5:43м43.933с-43м45.379с.

‘Оба глаза свои открыла.’

(1.3.) $Tv=n+al=$

(1.3.1.) *Ақ Қаанны чазы-төштең тудуб-алып* [t'ö=dö/=βä:=l'p'], *Ат үстүнең аңдара тартыб-алды* [ʔλŋ/nλ=rqλf=tɨ/=βäl=dɨ]. (КкКК, 98-99, с. 60). 2:7м51.412с-7м55.430с.

‘За грудки Ак Кана схватив, с коня стащил.’

(1.3.2.) *Сарыг челтек шажынаң қызычақты тудуб-алып* [t'ö=d'ö/=βä:=l'p']. (КкКК, 168, с. 64). 2:11м55.344с-11м57.114с.

‘За рыжие кудри девочку ухватив, ...’

(1.3.3.) *Ийги шажының тудуб-алып* [t'öd'=/βä:=l'p'], ... (КкКК, 186, с. 64). 2:12м47.986с-12м50.696с.

‘За косы схватив-ухватив, ...’

(1.3.4.) *Малба чоннуң соонаң кириб-алып* [k'ɪr'=/ä:=l'p'], ... (КкКК, 210, с. 66). 2:14м41.877с-14м44.029с.

‘За скотом и народ пошел.’

(1.3.5.) *Алтын чайзанны қыйгырб-алды* [kɪj=qi=rɨ/=βäl=dɨ]: ... (КкКК, 281, с. 70). 3:4м57.842с-4м59.985с.

‘Золотого чайзана окрикнул: ...’

(1.3.6.) *Эзен-менчи перишб-алды* [ʔə:=ʒ'ɪ/=βäl=dɨ], ... (КкКК, 397, с. 76). 4:1м56.049с-1м58.979с. ‘Поклонившись-простившись, ...’

(1.3.7.) *Қузурағын кел қаб-алды* [qɑ=βäl=dɨ], ... (КкКК, 449, с. 78). 4:4м26.828с-4м28.543с.

‘Коня за хвост схватил.’

(1.3.8.) *Алтын ингени шығара тартыб-ал* [t'βäl=lɔn], ... (КкКК, 452, с. 78). 4:4м35.939с-4м39.155с.

‘Золотую иглу вытащив, ...’

(1.3.9.) *Ай Толай туңмамны көрб-алған полза* [k'ör'=βäl=q'än/=möl=zä'], ... (КкКК, 653, с. 90). 5:58.933с-1м02.164с.

‘Если бы Ай Толай моего младшего брата увидел, ...’

(1.3.10.) *Оң карманыңға сугунм-алды* [s'ön/=mäl=dɨ]. (КкКК, 725, с. 94). 5:6м55.138с-7м00.296с.

‘В правый карман спрятал, ...’

(1.3.11.) *Тоғус топчузун топчуланм-алды* [tòp=tʃʹy=lɒn/=mɒl=dɨ]. (КкКК, 806, с. 100). 5:12м50.482с-12м52.606с.

‘На девять пуговиц застегнувшись, ...’

(1.4.) $T_v=(n)+пер=$

(1.4.1.) *Адың адап-перейин* [(ʔǎð)ǎ=ðǎ/=pʹɛ=rʹe=in], – те-дир. (КкКК, 500, с. 82). 4:7м30.442с-7м32.228с.

‘Имя её назову-ка, – сказал.’

(1.4.2.) *Ўлгер Мёке адым адат-перген* [(ʔǎð=n)ǎ=tǎp=tʃ=ɢʹen], ... (КкКК, 644, с. 90). 4:16м33.513с-16м36.407с.

‘Ульгер Мёке (меня) именем моим нарек.’

(1.5.) $T_v=(n)+кел=$

(1.5.1.) *Агаиш паитарынга тамчылаш-келип*, [trǎm=ɥʹlǎʃ/=ʹke:=lʹipʹ], *чарылыш-кел* [ɥʹɕar=lɨʃ/=ʹkelʹ] *Көк нұр өсчитқан тем полтур*. (КкКК, 8-9, с. 20). 2:46.966с-51.972с.

‘В то время, когда на деревьях, набухая-проклёвываясь, зелёные листья выросли.’

(1.5.2.) *Ақ тайганың тәзүбе толқун-келип* [tòl/=ʹkʻe:lʹ]... (КкКК, 15, с. 20). 2:1м35.877с-1м41.520с.

‘У подножья белой горы, волнуясь, ...’

(1.5.3.) *Ақ талай қаишап-келип*, ... [kǎʃ=tǎp/=ʹkʻe:=lʹʔɨpʹ] (КкКК, 17, с. 20). 2:1м41.568с-1м43.146с.

‘Белого моря берегом идя, ...’

(1.5.4.) *Алтын Арығ сол чанынга одур-келип* [ò:=dòr/=ʹkʻe:=lʹɛpʹ], ... (КкКК, 39, с. 56). 2:3м08.788с-3м13.794с.

‘Алтын Арығ по левую сторону села, ...’

(1.5.5.) *Түбенеп, түбенеп-келип* [tʹy=nʹɛp/=ʹkʻe:=lʹipʹ], ... (КкКК, 46, с. 56). 2:4м21.517с-4м23.079с.

‘Клубясь, клубясь, ...’

(1.5.6.) *Эзен-менчи пер-келип* [pʹɛt/=ʹkʻe:=lʹipʹ], ... (КкКК, 83, с. 58). 2:6м28.273с-6м29.756с.

‘Распрощался-раскланялся, ...’

(1.5.7.) *Чес қул ат алынға чўзўр-келгенде* [ʔʊʃ:/=kʊ=qʊ=qʊʒ],
... (КкКК, 175, с. 64). 2:12м14.156с-12м16.245с.

‘Когда медно-саврасый конь прискакал, ...’

(1.5.8.) ... *чес қул атқа мўн-келип* [mʻyʔn/=gʻe:=lʻipʻ], ...
(КкКК, 191, с. 64). 2:13м00.867с-13м03.226с.

‘... на медно-саврасого коня сел, ...’

(1.5.9.) Оң колун ўстўнгў кырық тегриге *Шығара сун-келип*
[ʔsʻʊn/=ʔkʻe:=lʻipʻ], ... (КкКК, 225, с. 66). 3:1м21.005с-1м27.766с.

‘Правую руку через сорок небес просунув, ...’

(1.5.10.) *Алтын Топчуга нас-келип* [pʻʌsʻ/=ʔkʻe:=lʻipʻ], ...
(КкКК, 330, с. 72). 3:8м57.973с-9м01.214с.

‘К Алтын Топчу подошёл, ...’

(1.6.) $Tv=(n)+nap=$

(1.6.1.) *Алып кўжўм шық-парғанда* [ʊʃ:/=pʌg=qʌn=dʌndʌ],
... (КкКК, 70, с. 58). 2:5м15.720с-5м18.781с.

‘Когда моя сила алыпа иссякла ...’

(1.6.2.) *Ақ Қаан нас парып* [pʻʌ:s:/=pʻʌ:qʻ=rʻipʻ], ... (КкКК, 72,
с. 58). 2:6м03.738с-6м06.193с.

‘Ак Кан (тут же) пошел.’

(1.6.3.) *Алыпқа ўдўре настыр-парды* [(-dʻʔ)=βʌs=tʔ/=ʃpʻʌg=dʻʔ]. (КкКК, 91, с. 60). 2:6м44.518с-6м46.734с.

‘Навстречу алыпу (богатырю) поехал.’

(1.6.4.) *Аара ийт парды* [ʔjʔt=pʻʌ:r=dʻʔ], *пеере ийт келди*.
(КкКК, 132, с. 62). 2:9м21.183с-9м27.066с.

‘Туда-(сюда) стал толкать.’

(1.6.5.) *Қырық қатпаиштың эжиги қайра шабыл-парды*
[(a)ʒʌʔl=pʻʌ:r=dʻʔn]. (КкКК, 152, с. 62). 2:11м13.321с-
11м17.354с.

‘Двери сорока комнат настезь раскрылись.’

(1.6.6.) *Ақ чазыға тооза чарыш-парды* [ʧʻʌ:ʃ:/=pʻʌ:r=dʻʔ]!
(КкКК, 158, с. 62). 2:11м25.883с-11м27.685с.

‘Белая степь вся осветилась ...’

(1.6.7.) *Тогра тескенин – тогра кес-парды* [g'e:s'=/pə:t=dɨ́],
... (КкКК, 199, с. 66). 2:14м11.284с-14м15.684с.

‘Поперёк бегущих – поперёк рубит, ...’

(1.6.8.) *Қап шени сизлип-парды* [s't=l'ɨɣ'=/p'ʌr=bɨp']. (КкКК,
235, с. 68). 3:1м49.707с-1м52.667с.

‘Как мешок, стал (Чес Плека) трясти, ...’

(1.6.9.) *Қайыш шени тоглап-парды* [dö=löp'=/pʌr=dɨ́].
(КкКК, 236, с. 68). 3:1м49.707с-1м52.667с.

‘Как кожаный ремень стал его скручивать.’

(1.6.10.) *По чер тооза чайқыл эрт-парды* [ʔərt=pʌr=dɨ́=βɨ́].
(КкКК, 269, с. 68). 3:4м28.578с-4м30.466с.

‘Вся земля закачалась.’

(1.7.) $Tv=(n)+сал=$

(1.7.1.) *Чес тайға шени алып одур-салтыр* [ɔ:t'ɔ'=/s:ɑl=tɨ́:ɪ].
(КкКК, 56, с. 58). 2:4м41.986с-4м44.601с.

‘Медной горе подобный, алып сидит, оказывается.’

(1.7.2.) *Тогус ора наглап-салған* [p'ó=ɣlɑ'=:sò=:qʌn] *Ақ ой*
адын шеш-келип, ... (КкКК, 87-88, с. 58). 2:6м36.500с-6м38.827с.

‘На девять раз привязанного коня бело-сивого отвязал, ...’

(1.7.3.) *Арығ тыныңға чет-салзам* [ʰɕ'es'=/sʌl=zɑm], ...
(КкКК, 101, с. 60). 2:7м57.996с-7м59.782с.

‘Если до твоей чистой души доберусь, ...’

(1.7.4.) *Қызыл торғу кўнегеш кес-салтыр* [(kʏle(øf')=)k'e'=/
sʌl=tɨ́=ɣɨ́], ... (КкКК, 154, с. 60). 2:11м17.832с-11м21.611с.

‘В красное платье одела, оказывается ...’

(1.7.5.) *Алып төлү одур-салтыр* [(tø=l')ɣp'=/sʌl=tɨ́ɣ]. (КкКК,
324, с. 72). 3:8м41.568с-8м45.395с.

‘Потомок алыпов сидит, ...’

(1.7.6.) ... *Пугазыба анда пектеп-салған* [p'ɛɣ'=k'ɛp'=/
sʌl=qʌn], – *тедир*,... (КкКК, 382, с. 76). 4:53.523с-1м00.454с.

‘... Вместе с быком там закрыли, – сказал, ...’

(1.7.7.) *Анаң пилин-салғаны* [β'ɣn'=/sʌl=qʌl'=nɨ́]: ... (КкКК,
436, с. 78). 4:3м46.418с-3м48.526с.

(1.7.8.) *Мал оруна кел, тур-салтыр* [t'öʃ/=ʔsəl=ʔrɪb]. (КККК, 4, с. 86). 4:12M02.915c-12M05.059c.

(1.7.9.) Алтын шеркеге алып төлү **чат-салтыр**
 čat=/s:əl=ʈɨr/. (КККК, 585, с. 86). 4:13M00.475с-13M05.084с.

(1.7.10.) Алтын өрге орнунга кел тур-салды
 rel'=)töf=s:al=dj]. (KKKK, 789, с. 98). 5:11M28.414с-
 M30.250с.

(1.8.) $T_{V=(n)+m} p =$

‘У двери висевший девятислойный золотой панцирь-куйак схватив, ...’

‘— Погоди, Ак Кан, — (так) сказал, — ...’

‘Выдернув траву-борщевик, погнал, ...’

‘Чес Плека с криком схватил, ...’

(1.9.) $T_{V=(n)+m\kappa} =$

‘Из золотого дворца выбежав, ...’

(1.9.2.) *Ўлгер Мёке соонаң пар шыгып* [p'ä:t'=/ʃ'ɪ=qɪ:l], ... (КкКК, 400, с. 76). 4:2м04.803с-2м07.697с.

‘За Ульгер Мёке следом выйдя: ...’

(1.9.3.) *Алтын Топчу честези по чүжүр-шықты* [hɯɣ=göʃ/ʃ'ɪ:q=tɨs]. (КкКК, 793, с. 98). 5:11м42.795с-11м45.922с.

‘Алтын Топчу, его зять, выбежал.’

(1.9.4.) *Алтын өргедең нас шықты* [p'ä:s'=/ʃ'ɪ:q=tɨs]. (КкКК, 808, с. 100). 5:12м54.638с-12м56.292с.

‘Из золотого дворца вышел.’

(1.10.) $T_v=(n)+\text{қал}=\text{}$

(1.10.1.) *Анаң артын қара чер сөзүлүйш-қалды* [s'ə=göʃ'=/qɪl=dɨ]. (КкКК, 249, с. 68). 3:3м16.784с-3м22.805с.

‘Затем черная земля стала рваться, ...’

(1.10.2.) *Қара тубан түйш-қалды* [tɨ:=qɪl=dɨs]. (КкКК, 819, с. 100). 5:13м17.539с-13м24.248с.

‘Черный туман пал!’

(1.10.3.) *Алыбашина Ай Толай қабышча! – Теп, эрбектешичларың уқ-қалды* [ü:=q'ɪl=dɨɕ]. (КкКК, 1005, с. 110). 5:26м23.380с-26м27.470с.

‘Такой богатырёк с Ай Толаем борется! – Так, было слышно, между собой говорили.’

(1.11.) $T_v=(n)+\text{көр}=\text{}$

(1.11.1.) *Қамчы шап көрейин* [(qɔm)=ʒäp'./=/kö'r'e=jɪm]. (КкКК, 427, с. 78). 4:3м16.619с-3м18.227с.

‘Плеткой ударю-ка я.’

(1.11.2.) *Қудайба қал, қачыр көрейин* [q'ä:=(tɨ'ɪ)/=/kö'r'e=jɪm]! (КкКК, 396, с. 76). 4:1м50.333с-1м55.192с.

‘Оставайся с богом, догнать его попробую-ка!’

(1.11.3.) *Черимге айлан көрейиң* [ʔöj=l'æp'./=/kö'r'e=jɪm], – *тедир*. (КкКК, 527, с. 84). 4:9м46.428с-9м49.287с.

‘Вернись-ка в мою землю, – сказал=он!’

(1.12.) $Tv=(n)+чөр=$

(1.12.1.) ... *Қырық қуиқа қазғыш-чөрча* $[(-q\lambda)=\alpha\lambda:=\alpha\dot{\imath}\dot{\jmath}/=/\dot{\jmath}''\phi\dot{\imath}'=/\dot{\jmath}''e^{\epsilon}]$, *Көк өлеңнің паиштарында Көк торчуктар көзгеш-чөрчиган полтур* $[k\phi q=l'e\dot{\jmath}=h\dot{\jmath}\phi\dot{\jmath}''=/\dot{\jmath}''an \text{ (mol=t'or)}]$. (КкКК, 11-13, с. 20). 2:52.307с-1м01.186с.

‘Сорок птиц щебетали, над зелёными травами молодые соло-
вьи пели, оказывается.’

(1.12.2.) *Ақ Қаанның алған кижизи Алтын Арығ Чүзүр-чөрүн* $[h\dot{\jmath}\dot{\jmath}y=g\phi r'=h\dot{\jmath}\dot{\jmath}'\phi=r'y]$, *алтын стол тартып чөрча, Ойнап-чөрүн* $[oj=n'e\dot{\jmath}'/=/\dot{\jmath}\dot{\jmath}\phi r'(b^{\epsilon}\lambda\dot{\jmath}=q\lambda \text{ (d}\lambda=\beta\lambda l/=/\text{s}\lambda l=h\dot{\jmath}\dot{\jmath}e))]$, *аш-табақ салча*. (КкКК, 30-32, с. 56). 2:2м46.676с-2м54.663с.

‘Ак Кана жена Алтын Арыг, хлопоча, золотой стол раздвигает,
играючи, пищу-еду ставит.’

(1.13.) $a(\text{лын})+V^{всп.}$

(1.13.1.) *Эзе, ал-келип* $[\dot{\jmath}:=k^{\epsilon}e\lambda=\beta^{\epsilon}(\lambda n)]$, *анаң таштабыза-
бергени* – ... (КкКК, 491, с. 82). 4:7м01.823с-7м05.324с.

‘Эзе, тогда, (яйцо) взяв, (Алтын Топчу) как его бросил – ...’

(1.13.2.) *Қырық қатпаи түбүйнге писти ақкир-салганда* $[\dot{\alpha}=k^{\epsilon}i\dot{\jmath}'/=/\text{s}\dot{\alpha}l=q\lambda n=d^{\epsilon}\lambda^{\epsilon}]$, ... (КкКК, 650, с. 90). 5:46.688с-54.921с.

‘Когда внутри сорока комнат нас завела, ...’

(1.13.3.) *Четтон қожанчыба ашықты* $[\dot{\jmath}\dot{\alpha}=/\dot{\jmath}'i:=qt\dot{\alpha}^{\epsilon}]$... (КкКК, 1093, с. 116) 5:33м13.202с-33м16.563с.

‘Семьдесят служанок ее выводят.’

(1.13.4.) *Күн Көк печемни черимге аппаратам* $[\dot{\alpha}=p^{\epsilon}\alpha\dot{\jmath}':=(\dot{\alpha}=n\dot{\imath}p/=/\text{k}e:=/\dot{\imath}'p)]!$ – *теп-келип*. (КкКК, 1202, с. 122) 5:39м39.603с-39м43.329с.

‘Кюн Кёк-сестру (мою) в свою землю я увожу, – (так) сказал.’

(1.13.5.) *Пеере ақкир* $[\dot{\alpha}=k^{\epsilon}i\dot{\jmath}'=d^{\epsilon}e^{\epsilon}]$, ... (КкКК, 1254, с. 124) 5:42м46.446с-42м50.953с.

‘Вноси сюда!’

(1.13.6.) *Адаңмада қыс палазы ақкелтирзин* [ǎ:=k'el'=t'ɨr'=z'ɨn], ... (КкКК, 1514, с. 138) 6:10м39.388с-10м42.307с.

‘Прекрасную девушку ты привез, оказывается ...’

(1.14.) $T_v=(n)+kir=$

(1.14.1.) *Алтын өргеге чүзүр-кирди* [hɕy=gör'=/k'el'=d'ë]. (КкКК, 1084, с. 114). 5:32м03.783с-32м07.287с.

‘В золотой дворец вбежал.’

(2.) $T_v=V+V^{всп.}$

(2.1.) $T_v=V+ner=$

(2.1.1.) *Үш төлге чедө-берген* [hɕe=d'ə=β'er'=gen]... (КкКК, 28, с. 56). 2:2м39.295с-2м42.595с.

‘Доживший до третьего поколения.’

(2.1.2.) *Ашпа-табақ чии-бердилер* [hɕi=β'i=d'l'er]. (КкКК, 40, с. 56). 2:3м08.788с-3м13.794с.

‘(Вместе) пищу-еду стали есть.’

(2.1.3.) *Көдүр-келип, шагана кел шабыза-бергени* [ʃ'a=β'ɨ=zɨ /=/β'ɨr'=ge=n'ɨ]: ... (КкКК, 431, с. 78). 4:3м28.089с-3м31.626с.

‘Подняв, потом (как) ударил ...’

(2.1.4.) *Ат үстүнең сегрибизе-берди* [s'e=gɨ=z'e'=/β'ɨr'=d'ɨ]. (КкКК, 447, с. 78). 4:4м20.289с-4м22.255с.

‘Со своего коня спрыгнул.’

(2.1.5.) *Шагана силгибизе-бергени* [s'ɨ=b'e=z'e'=/β'ɨr'=ge=n'ɨ]: ... (КкКК, 457, с. 80). 4:4м47.801с-4м51.195с.

‘(Встряхнув, из шкуры) вытряхнул: ...’

(2.1.6.) *Қачыр шыгыбыза-берди* [q'ǎ=ʃ'ɨ'=/ü=zǎ=β'er'=d'ɨ]. (КкКК, 470, с. 80). 4:5м24.924с-5м26.568с.

‘(Дальше) погнал.’

(2.1.7.) *Эзе, ал-келип, анаң таштабыза-бергени* [tǎʃ=tǎ=β'ɨ=zǎ'=/β'ɨr'=ge=n'ɨ] – ... (КкКК, 491, с. 82). 4:7м01.823с-7м05.324с.

‘Эзе, тогда, (яйцо) взяв, (Алтын Топчу) потом (его) бросил ...’

(2.1.8.) ... *алтын устол кексинге одуртубуза-берди* [ʔɔː=tʰʊr/=tʊ=zɿ=βʰer=dɿ]. (КкКК, 514, с. 82). 4:9м08.376с-9м15.987с.

‘За стол золотой (её) усадив ...’

(2.1.9.) *Шачыл-кел чўзўрўбўзе-бергени* [ħɕɣ=gʊrː=zːərː=gʊ=nɿː]. (КкКК, 541, с. 84). 4:10м24.123с-10м26.338с.

‘Прильнув, поскакал.’

(2.1.10.) *Ийги айақа аш кел урубуза-берди* [ʊːrʊ=zɿː=βʰerʰ=dʰ(=dʰ)]: ... (КкКК, 699, с. 92). 5:5м01.700с-5м06.572с.

‘В две чаши напитка налил: ...’

(2.1.11.) *Анаң артын қачырыбыза-бергени* [qɿː=ħʃʰr=zɿː=βʰerʰ=gɐ=nʲː]. ... (КкКК, 746, с. 96). 5:8м00.584с-8м02.421с.

‘Затем помчался: ...’

(2.1.12.) *Алтын кирлестең кел сергибизе-берди* [sʰe=gr=βʰi=zɐ/=βʰerʰ=dʰɿ]. (КкКК, 797, с. 98). 5:11м49.608с-11м51.731с.

‘С золотого крыльца прыгнул.’

(2.2.) $Tv=V+nap=$

(2.2.1.) *Ийги қарагы таплат чада-парды* [tʃʰa=qɿː=nɿː], ... (КкКК, 163, с. 64). 2:11м43.005с-11м44.950с.

‘Глазами моргает, ...’

(2.3.) $Tv=V+қал=$

(2.3.1.) *Қара черге аңдара кел сөрте қалды* [sʰər=tʊː/=kʰelʰ=βɿːl=dʰe]. (КкКК, 1198, с. 122). 5:39м27.267с-39м29.677с.

‘К чёрной земле (его) потащил.’

$$(3.) \quad T_v = \delta V_H + V^{всп.}$$

$$(3.1.) \quad T_v = \delta V_H + cал =$$

(3.1.1.) *Қолу көддүрүлбен-салды* [kö=dü=l'b'en=sλ·ldɤ], ...
(КкКК, 172, с. 64). 2:12м08.226с-12м10.426с.
'Руки не поднимаются.'

$$(3.2.) \quad T_v = \delta V_H + қал =$$

(3.2.1.) *Туда маңныман-қалды* [mλŋ/=mλ=mλl=dɤ]. (КкКК, 279, с. 70). 3:4м49.091с-4м52.229 с.

'Поймать его не успел.'

(3.2.2.) *Чес қулақты тудунбан қалдым* [mλŋ/=m'λ=βλl=q'λn], *тезибискен.* (КкКК, 350, с. 74). 3:10м41.404с-10м44.211с.

'Коня медно-саврасого не поймал – убежал.'

(3.2.3.) *Қобрақ өлең қогжубан-қалды* [q'ɔβ=zɔ̇=βλn/=βλl=d'ɤ]. (КкКК, 1579, с. 142). 6:14м59.890с-15м06.283с.

'Борщевик-травя не качнулась.'

(3.2.4.) *Қыйақ өлең қызжыбан-қалды* [q'ɤ=zɤ̇=rɔ̇l/=βλl=d'ɤ]. (КкКК, 1578, с. 142). 6:14м59.890с-15м06.283с.

'Осока-травя не шелохнулась.'

$$(4.) \quad T_v = -p + V^{всп.}$$

$$(4.1.) \quad T_v = -p + \varepsilon m =$$

(4.1.1.) *Меең қолумнаң қайа парар эди* [p'λ=r'λ/=d'ə=d'ər].
(КкКК, 69, с. 58). 2:5м13.998с-5м15.688с.

'От рук моих куда бы он делся?'

(4.1.2.) *Қайче черге парыбызар эдим* [β'λ·r=zλ·rɤ̇n]! (КкКК, 424, с. 78). 4:3м10.438с-3м12.403с.

'В какую бы землю уже усекал!'

(4.1.3.) *Тоғус кўнге шығара одурап эдис* [(zɔ̇·r)ò=dɤ̇=rɤ̇'s], –
медир, (КкКК, 1100, с. 16). 5:33м30.671с-33м33.772с.

‘До девяти дней мы сидели бы, – (он) сказал, ...’

$$(5.) Tv=(n)оқ+V^{всп.}$$

$$(5.1.) Tv=(n)оқ+V^{всп.}$$

(5.1.1.) *Алтын өргедең сөртебоқ шықты* [s'ør=t'öq/=ʃ'ɪ=qɪ'p>].
(КкКК, 187, с. 64). 2:12м51.365с-12м53.263с.

‘Из золотого дворца поташил.’

(5.1.2.) *Алтын шеркеге сазойда чатбоқ-салды*
[ħcat=βòq/=ʃ'sål=dɪʃ]. (КкКК, 757, с. 96). 5:9м02.930с-9м07.073с.

‘На золотую кровать улёгся.’

Абсолютная и относительная частотность ГАК в литературном языке и в эпосе

Простой статистический подсчет абсолютной (АЧ) и относительной частотности (ОЧ) аналитических конструкций в текстах художественной литературы из сборника «Чедыген» и в живой разговорной речи, с одной стороны, и в эпическом сказании «Кўннў көрген Кўн Кёөк», с другой, свидетельствует о значительно более высокой встречаемости ГАК в фольклорном произведении (табл. 2, рис. 1, 2). Поскольку объем анализируемых произведений из сборника «Чедыген» составляет 71 200 знаков, а фольклорных текстов – 41 900 знаков, для сопоставимости результатов при подсчете абсолютной частотности ГАК в эпическом сказании был применен коэффициент поправки (КП): 71 200 : 41 900 = 1,7.

Таблица 2

**Абсолютная и относительная частотность основных типов
ГАЗ в языке художественной литературы
и в героическом эпосе шорцев**

№	Чедыген			Кўннў кўрген Кўн Кўок			
	Глагольная аналитиче- ская кон- струкция	АЧ	ОЧ, %	Глагольная аналитиче- ская кон- струкция	АЧ	АЧ (с уче- том КП)	ОЧ, %
1	Tv=V+пар=	99	24,32	Tv=V+пар=	105	178	11,54
2	Tv=(n)+кел=	96	23,59	Tv=(n)+кел=	360	612	39,56
3	Tv=(n)+сал=	50	12,28	Tv=(n)+сал=	52	88	5,71
4	Tv=(n)+ал=	39	9,58	Tv=(n)+ал=	48	82	5,27
5	Tv=n+одур=	26	6,39	Tv=n+одур=	76	129	8,35
6	Tv=(n)+тур=	20	4,91	Tv=(n)+тур=	7	12	0,77
7	Tv=(n)+чат=	15	3,68	—	—	—	—
8	Tv=(n)+пер=	14	3,44	Tv=(n)+пер=	101	172	11,10
9	Tv=V+пол=	13	3,19	Tv=V+пол=	34	58	3,74
10	Tv=(n)+шық=	12	2,95	Tv=(n)+шық=	38	65	4,18
11	Tv=n+ыс=	10	2,46	Tv=n+ыс=	16	27	1,76
12	Tv=V+қал=	7	1,72	Tv=V+қал=	13	22	1,42
13	Tv=(n)+чөр=	2	0,49	Tv=(n)+чөр=	11	19	1,21
14	Tv=V+тўш=	2	0,49	Tv=V+тўш=	29	49	3,19
15	Tv=(n)+көр=	2	0,49	Tv=(n)+көр=	8	14	0,88
16	—	—	—	Tv=(n)+кир=	10	17	1,10
17	—	—	—	Tv=(n)+чет=	2	3	0,22
Всего		407	100,0		910	1 547	100,0

При этом частотность ГАЗ в сопоставляемых текстах различна. Если в языке художественной литературы основной мас-

сив (69,77%) ГАК составляют структуры четырех типов со вспомогательными глаголами (ВГ) *пар*= ‘идти’, *кел*= ‘приходить’, *сал*= ‘класть’ и *ал*= ‘брать’ ($Tv=V+пар=$ (24,32%), $Tv=(n)+кел=$ (23,59%), $Tv=(n)+сал=$ (12,28%), $Tv=(n)+ал=$ (9,58%)), то в фольклорном тексте 70,55% всей выборки приходится на конструкции со ВГ *кел*= ‘приходить’, *пар*= ‘идти’, а также *пер*= ‘давать’ и *одур*= ‘сидеть’ ($Tv=(n)+кел=$ (39,56%), $Tv=V+пар=$ (11,54%), $Tv=(n)+пер=$ (11,10%), $Tv=n+одур=$ (8,35%)).

Общей особенностью сопоставляемых текстов является превалирование в системе ГАК конструкций со вспомогательными глаголами движения *пар*= ‘идти’ и *кел*= ‘приходить’, на долю которых приходится около половины всех рассматриваемых ГАК. Но если в художественных текстах структуры с *пар*= и *кел*= имеют примерно одинаковую частотность, то в фольклорном эпическом сказании со значительным отрывом (в 3,4 раза) преобладают аналитические конструкции с глаголом *кел*=.

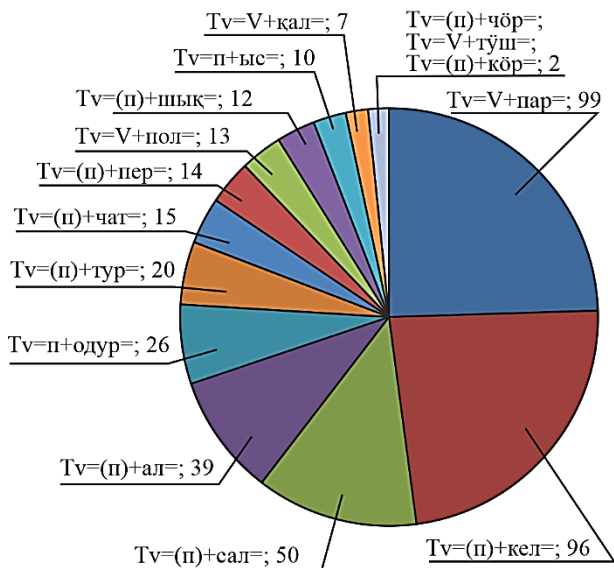

Рис. 1. Круговая диаграмма частотности ГАК в художественной литературе

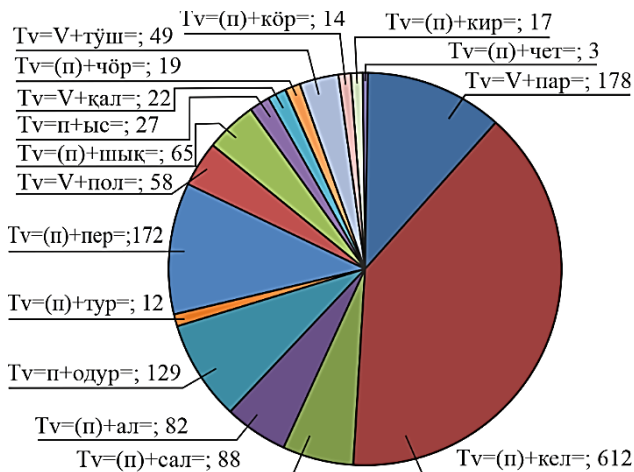

Рис. 2. Круговая диаграмма частотности ГАК в героическом эпосе

Таким образом, результаты статистического анализа убедительно свидетельствуют о значительно более высокой частоте употребления глагольных аналитических конструкций в языке шорского героического эпоса по сравнению с произведениями художественной литературы и с живым разговорным языком. Объясняется это консервативностью, устойчивостью эпической традиции и стабильностью во времени благодаря её сакральности [Кузьмина 2019: 18].

Фонетические модификации ГАК

Проведенные ранее исследования звуковых преобразований звукового облика глагольных аналитических конструкций в трех алтае-саянских тюркских языках – чалканском, шорском и тувинском – показало, что основными маркерами процессов синтеза ГАК в речи являются изменения межсловных и внутрисловных пауз между компонентами ГАК, выпадение аффикса деепричастия основного глагола $-(b)l\eta$, ассимилятивные процессы

озвончения, оглушения, палатализации, смены сингармонического ряда, реализующиеся во вновь сформировавшемся фонетическом контексте.

Межсловная и межслоговая пауза

В литературных произведениях, опубликованных в сборнике «Чедыген», большинство ГАК (80 примеров из 93 затранскрибированных и привлеченных к анализу) характеризуются полным отсутствием разделительной словесной паузы между основным глаголом (ОГ) и ВГ. Исключение составляют лишь три типа ГАК (представленных в тексте 13-ю высказываниями), для которых свойственно сохранение слабой внешней словесной паузы между компонентами конструкции: $Tv=n+шық=$, $Tv=(n)+көр=$, $Tv=(n)+чөр=$ с базовой семантикой вспомогательных глаголов ‘выходить’, ‘смотреть’, ‘ходить’ (соответственно). При этом на перцептивном уровне ГАК не воспринимаются как единое фонетическое слово: *айдың шықты* [$\dot{y}:\dot{a}:j=d\dot{y}p\text{ } \dot{y}:\dot{t}:=q\text{ } t\dot{y}?$] ‘заговорил’, *чат көрең* [$\dot{h}\dot{c}:\dot{a}t\text{ } k\ddot{o}:=r'e\dot{n}$] ‘давай попробуем пожить’, *қамнап чөр* [$\dot{q}:\dot{a}m\text{ } n:\dot{a}p\text{ } \dot{h}\dot{c}:\dot{o}r'$] ‘камлал’. В остальных примерах межсловная пауза, разделявшая ранее компоненты ГАК, пережила ряд модификаций и в речи современных исполнителей реализуется как внутренняя межслоговая пауза – сильная ($/=/$ – 32 высказывания) или умеренная ($=$ – 48 примеров). Наиболее последовательно сильная межслоговая пауза сохраняется в конструкциях типа $Tv=n+одур=$, $Tv=n+ыс=$ и $Tv=n+ал=$, *а(лын)+кел=*, *пар=шық=* с базовой семантикой вспомогательных глаголов ‘сидеть’, ‘посылать’, ‘брать’, ‘идти=сюда’, ‘идти=туда’, ‘выходить’ (соответственно): *чылыб-одурча* [$\dot{h}\dot{c}:\dot{t}:/b\ddot{o}:=d\ddot{o}r=\dot{h}\dot{c}:\dot{a}?$] ‘ползёт’, *салбысты* [$s:\dot{a}:/l\dot{y}=b\ddot{y}s'=\dot{t}y?$] ‘разжёт’, *таныбалды* [$t\dot{a}:=n\dot{y}:/b'\dot{a}:\dot{a}=l\dot{d}\dot{y}?$] ‘узнал’, *апарган* [$\dot{y}:\dot{a}:/p:\dot{a}r=q'\dot{a}n\text{ } _n$] ‘унес’. Напротив, ГАК типа $Tv=(n)+пер=$, $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+пар=$, $Tv=(n)+сал=$, $Tv=n+кал=$, $Tv=a+пер=$, а также (за небольшими исключениями) $Tv=(n)+тур=$ демонстрируют полную утрату сильной межслоговой паузы как рефлекса внешней межсловной

паузы, разделявшей ОГ и ВГ: *айтнер* [ʔä:jt̚=pʰerʹ] ‘скажи!’, *ашкел* [ʔä:ʃʹ=ʔk:elʹ] ‘открой!’, *полпарып* [pöl=pä:ʔr̥p̚] ‘став, сделавшись’, *тартсалдың* [tārt:ʔs:äɫ=d̥ɨ̃ɯ̯] ‘затянул (табачный дым)’, *келбенқалды* [k:ɛ:=lʰbʰen̥=ʔq:ä:=ld̥ɨ̃ʔ ~ ʔk:ɛ:=lʰbʰen̥=ʔɐ:ä:=ld̥ɨ̃ʔ] ‘не пришел’, *киреберди* [ki=rʰe:=bʰerʹ=d̥ɨ̃ʔ] ‘включился (в разговор)’, *келтурғаны* [ʔk:elʹ=tör=ʔqʰä:=n̥ɨ̃ʔ] ‘шли’.

Приведенные выше (табл. 2, рис. 1) статистические данные свидетельствуют о существовании выраженной тенденции к прямой корреляционной зависимости между относительной частотностью ГАК в тексте и степенью стяженности глагольных компонентов конструкции в одно фонетическое слово путем трансформации внешней межсловной паузы. Наименее частотные ГАК сохраняют двухкомпонентность, маркируемую внешней интерглагольной паузой (ОЧ $Tv=n+шық$ = – 2,95%, $Tv=(n)+көр$ = и $Tv=(n)+чөр$ = – по 0,49%). Конструкции, занимающие на шкале частотности среднее положение (ОЧ $Tv=n+ал$ = – 9,58%, ОЧ $Tv=n+одур$ = – 6,39%), ещё сохраняют сильную межслоговую паузу как рефлекс межсловной. Наиболее частотные ГАК (ОЧ $Tv=(n)+нар$ = – 24,32%, ОЧ $Tv=(n)+кел$ = – 23,59%, ОЧ $Tv=(n)+сал$ = – 12,28%) реализуются с максимальной степенью слияния ОГ и ВГ в одно фонетическое слово, утратившее не только внешнюю паузу, но и её рудимент в виде межслоговой сильной паузы.

В шорском фольклорном тексте «Күннү көрген Күн Көөк» во всех проанализированных аналитических по происхождению конструкциях (109 примеров) словесная пауза между основным и вспомогательным глаголами полностью устранена, бивербальный комплекс воспринимается перцептивно как единое слово с различной степенью стяженности ОГ и ВГ. В подавляющем большинстве случаев (77 примеров) аналитические конструкции реализуются с сильной межслоговой паузой, восходящей к внешней межсловной: *чадыб-одурча* [ħcad=/βö=dörʃʰ=ʃʰe], *шыгыбысты* [ʃʰä:/=bʰɨ=stʰɛ], *тудуб-алып* [tʰö=dö=/βä:ʰ=ɫʰpʰ], *қаишап-келип* [kʰäʃ=täp=/kʰe:=lʰɨʔpʰ]. Данной закономерности подчиняются, в том числе, и ГАК трех типов ($Tv=n+шық$ =, $Tv=(n)+көр$ =,

Tv=(n)+чөр=), зафиксированных в произведениях художественной литературы как сохраняющие внешнюю межсловную паузу: чүгүр шыгып [ħɕy=gör'=/ʃ:'i=q'ɪp'] 'выбежав', шап көрейин [(qəm)=zäp./=/kō=r'e=jm] 'ударь-ка!', чүгүр-чөрүн [ħɕy=gör'=ħɕ'ø=r'ɪ] 'бегая'.

Меньший по численности кластер (32 примера) составляют ГАК с умеренной межслоговой паузой, свидетельствующей о полном слиянии бивербального комплекса в одно слово: тоқтап тур [toχ=t'ʌp=t'ʊr] 'остановись!', уқ-қалды [ʊ=q'ɑl=d'ɪ'] 'услышал', чүгүр-чөрүн [ħɕy=gör'=ħɕ'ø=r'ɪ] 'бегая'. При этом если в языке произведений шорской литературы в рамках одного типа ГАК действуют единые закономерности реализации межсловной или межслоговой паузы между компонентами ГАК, то в языке фольклора конструкции одного типа могут быть представлены примерами как с сильной, так и с умеренной межслоговыми паузами между ОГ и ВГ. Всегда сохраняется сильная внутренняя пауза как рефлекс внешней межсловной в ГАК типов Tv=n+одур, Tv=(n)+кел=, Tv=(n)+көр=, Tv=(n)+кир=, Tv=V+қал=, Tv=бVn+қал=, Tv=(n)оқ+V^{всп.}. В большинстве примеров реализуется сильная межслоговая пауза в ГАК Tv=n+ыс=, Tv=n+ал=, Tv=(n)+нар=, Tv=(n)+сал=, Tv=V+нер=. Равным количеством примеров с сильной и умеренной внутренними паузами представлены ГАК типов Tv=(n)+нер=, Tv=(n)+тур=, Tv=(n)+шы =, Tv=(n)+чөр=. Меньшее число примеров с сильной паузой демонстрируют ГАК Tv=(n)+ ал=, а(лын)+V^{всп.}, Tv=-р+V^{всп.}. Сильная межслоговая пауза не реализуется в ГАК типов Tv=V+нар=, Tv=бVn+сал=, каждый из которых представлен в анализируемой выборке лишь одним примером.

Соотнесение полученных данных со статистическими показателями, приведенными выше в табл. 2 и на рис. 2, не дает оснований для констатации каких-либо корреляционных связей между частотой употребляемости различных типов ГАК в языке героического эпоса и степенью стяженности ОГ и ВГ путем модификации внешней межсловной паузы во внутреннюю межслоговую

– сильную или умеренную. Например, в кластер ГАК с облигаторно реализующейся во всех высказываниях сильной паузой входят как самая частотная структура типа $Tv=(n)+кел=$, так и наименее употребительные $Tv=(n)+кир=$ и $Tv=(n)+көр=$.

Итак, исследование принципов реализации межсловной и межслоговых (сильной и умеренной) пауз в позициях внешнего и внутреннего сандхи в структуре шорских ГАК в звучащих литературных произведениях и в фольклорном героическом сказании свидетельствует о неравномерности протекания в них процессов синтеза компонентов бивербальных конструкций. Если в литературном языке и в живой разговорной речи степень слияния ОГ и ВГ в одно фонетическое слово четко коррелирует с частотностью употребления той или иной конструкции, то в фольклорной манифестации процессы стяжения носят менее выраженный характер, что обусловлено архаичностью и традиционностью как базовыми характеристиками языка фольклора. При этом частотность сильной межслоговой паузы в фольклорном произведении выше (в 77 примерах из 109, что составляет 70,6%), чем в литературном нарративе и разговорной речи (в 32 примерах из 93 реализуется сильная внутренняя пауза и в 13 случаях малоупотребительных конструкций – внешняя межсловная пауза, что в сумме составляет 48,4%). Хотя внешняя межсловная пауза отсутствует почти во всех ГАК в обоих сопоставляемых типах повествования, свидетельствуя о достаточной продвинутости процессов синтеза, тем не менее, сохранение в большинстве примеров сильной межслоговой паузы как рефлекса внешней межсловной свидетельствует о незавершенности трансформационных процессов.

Утрата аффикса $-(ы)n$ деепричастной формой основного глагола ГАК

В произведениях художественной литературы из сборника «Чедыген» выявлены 88 примеров глагольных аналитических конструкций с деепричастиями на $-(ы)n$, при этом в 49 случаях

(55,7%) показатель утрачен и лишь в 39 высказываниях (44,3%) сохранился. Наиболее последовательно аффикс *-(ы)n* реализуется в трех конструкциях: в $Tv=n+одур$ и $Tv=n+ал=$ компонент *-(ы)n* произносится облигаторно, в $Tv=n+ыс=$ – в 8 случаях из 9: *чылыб-одурча* [^hç:i:l/=bò:=dör=^hç:a?] ‘ползет’, *көрбалтырлар* [kõ:r'/=b'ûl=tîr=lâr] ‘увидели, оказывается’, *шелибисти* [^ʃ'e:/=l'î=b'ÿs'='t'ÿ?] ‘бросил’. Значительно больше число конструкций, в которых показатель *-(ы)n* отсутствует в большинстве примеров (в 37 из 49), представляющих 7 типов ГАК: $Tv=(n)+пер=$, $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+нар=$, $Tv=(n)+сал=$, $Tv=(n)+тур=$, $Tv=(n)+шық=$, $Tv=(n)+чөр=$, либо утрачен полностью (в трёх ГАК): $Tv=(n)+қал=$, $Tv=(n)+көр=$, $a(лын)+V^{всп.}$: *шаппанберди* [^ʃ'ar_ɤ=p'ân_ɤ=b'εr'='d'ÿ?] ‘не ударил’, *турыпкел* [tò:=rîp_ɤ= 'k:el'] ‘встав’, *чайылпартыр* [^hç:a:=^ʔî:l'='pâr'='t:îr] ‘растелился, оказывается’, *атсалын* [^ʔât_ɤ= 's:â:=lîr_ɤ] ‘выстрелив’, *ақ турча* [^ʔâq_ɤ=tò:=r'ç:a?] ‘течет’, *улған шықты* [^ʔû:=lqâr_ɤ'^ʃ'î:=q_ɤtÿ?] ‘заплакала’, *чүзүр чөрча* [^hç:y:=qör' ^hç:ø:=r'ç:a?] ‘бегает’, *пербен қалды* [p'ε:=r'b'εn_ɤ= 'q:â:=ldÿ] ‘не дал’, *нар көрей* [râr kô:=r'ej] ‘уйду-ка я!’, *ашықты* [^ʔâ:/='^ʃ'î:=q_ɤtÿ?] ‘вынес’.

Сопоставление данных о степени утраты деепричастного аффикса *-(ы)n* с параметрами частоты встречаемости типов ГАК в произведениях художественной литературы (см. табл. 2, рис. 1) не дает оснований для констатации сформировавшейся корреляционной зависимости между этими показателями. Тем не менее, конструкции с деепричастием на *-(ы)n* ($Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+нар=$, $Tv=(n)+сал=$), попадающие в кластер наиболее частотных ГАК, демонстрируют ярко выраженную тенденцию к устранению аффикса *-(ы)n* (он не реализуется в 22 примерах из 28).

В героическом сказании «Күннү көрген Күн Көөк» проанализированы 87 примеров ГАК с деепричастиями на *-(ы)n*, из них в 46 случаях (52,9%) аффикс утрачен, в 41 высказывании (47,1%) сохранился. В трех конструкциях – $Tv=n+одур$, $Tv=n+ыс=$, $Tv=(n)+пер=$ деепричастный показатель реализуется во всех

21 примерах (*көрб-одурғаннары* [kör=βò=dör/=βλn=nλ=гъ] ‘видят’, *тезибискен* [tʰz=z'e=β'is=k'en] ‘убежал’, *адап-перейин* [(ʔǎδ)ǎ=δǎ/=p'ε=r'e=in] ‘назову-ка’), в ГАК типа $Tv=n+ал=$ – в большинстве (в 10 из 11) примеров (*мудуб-алып* [t'öd'=/βǎ:=l'ip'] ‘схватив’), в ГАК типа $Tv=(n)+тур=$ – в половине случаев (*тоқтап тур* [toχ=t'λp=t'or] ‘остановись!’). Не реализуется показатель $-(ы)n$ в большинстве примеров (в 29 из 37), представляющих пять глагольных аналитических конструкций: $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+нар=$, $Tv=(n)+сал=$, $Tv=(n)+көр=$, $Tv=(n)+чөр=$ (*одур-келип* [ò=dör/=/'k'e:=l'ep'] ‘сев’, *кес-нарды* [g'e:s'=/pǎ:r=dǎ] ‘отрезал’, *тур-салтыр* [t'òʃ/=sλl=t'rg] ‘встал, оказывается’, *қачыр көрейин* [q'ǎ:=tʃ'iʃ/=kò=r'e=jin] ‘прогнать попробую-ка’, *қағыш-чөрча* [(-qλ)=qλ:=qǎʃ/=ʃ''øɾ'=ʃ''e] ‘щебетали’), либо утрачен полностью во всех зафиксированных случаях в ГАК четырех типов: $Tv=(n)+шық=$, $Tv=(n)+қал=$, $a(лын)+V^{всп.}$, $Tv=(n)+кир=$ (*нас шықты* [p'ǎ:s:/ʃ'i:q=tʃs] ‘вышел’, *уқ-қалды* [ò=q'ǎl=d'ǎ] ‘услышал’, *аққир-салғанда* [ǎ=k'ir'=/sǎl=qλn=d'λ] ‘когда внесла’, *чүгүр-кирди* [çɣY=gör'=/k'el'=d'ë] ‘вбежал’).

Как и в языке художественной литературы, в героическом эпосе наиболее частотные (см. табл. 2, рис. 2) конструкции ($Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+нар=$) в большей степени подвержены тенденции к утрате деепричастного показателя (в 16 примерах из 20), чем менее употребительные ГАК. Вместе с тем наметившаяся закономерность не является строгой: как в литературном языке, так и в языке фольклора полная утрата показателя $-(ы)n$ констатируется в кластере ГАК со средней частотой встречаемости ($Tv=n+ал=$, $Tv=n+одур$, $Tv=n+ыс=$ в литературе, $Tv=(n)+пер=$, $Tv=n+одур$, $Tv=n+ыс=$ в фольклоре).

В обеих сопоставляемых выборках – по языку литературы и языку фольклора – шесть типов ГАК обнаруживают общие закономерности: в конструкциях $Tv=n+одур$ аффикс $-(ы)n$ реализуется облигаторно, не подвергаясь усечению; ГАК типа $Tv=(n)+кел=$, $Tv=(n)+нар=$, $Tv=(n)+сал=$ попадают в кластер единиц со значительным преобладанием примеров с утратой

-(*ы*)*n*; ГАК типа $Tv=(n)+\text{қал}=a(\text{лын})+V^{\text{всп.}}$ демонстрируют полную потерю элемента -(*ы*)*n*.

Таким образом, сопоставительный анализ способов реализации деепричастного показателя -(*ы*)*n* в составе основного глагола ГАК свидетельствует об общей направленности фонетических трансформаций в языке произведений художественной литературы и в звучащем фольклорном тексте, происходящих с различной степенью интенсивности. Если в литературном языке аффикс -(*ы*)*n* утрачен полностью или в большинстве примеров (всего 49 из 88, то есть, в 55,7%), представляющих 10 конструкций (из 13), то в героическом эпосе этот процесс реализуется с некоторым – хотя и незначительным – отставанием: полное выпадение показателя -(*ы*)*n* или преимущественная его утрата зафиксирована в 46 высказываниях из 87 (то есть, в 52,9%), манифестирующих 9 конструкций (из 14). Тенденция к синтезации аналитических по происхождению конструкций в языке фольклора выражена слабее, что обусловлено спецификой жанра – стремлением к стереотипности, стабильности, сохранению языковой архаики, расцениваемыми слушателями как показатели высокого стиля.

Озвончение

Вследствие выявленных в текстах художественных произведений из сборника «Чедыген» звуковых преобразований – устранения межсловной паузы между компонентами глагольной аналитической конструкции, трансформации внешнего сандхи во внутреннее, стяжения бивербального комплекса в одно фонетическое слово – формируется фонетический контекст, детерминирующий озвончение финального -*n* «р» основного глагола в интервокальной или постсонантной позициях.

При этом в ГАК типа $Tv=n+одур=$, $Tv=n+ыс=$, $Tv=n+ал=$ ауслаутный -*n* аффикса деепричастия, озвончаясь («р > б (β)»), в спонтанном произношении и при слогоделении отходит – в соответствии с законами шорской силлабики – к основе вспомога-

тельного глагола, между основным и вспомогательным вербальными компонентами ГАК проходит сильная (/=/) внутренняя слоговая пауза (в конструкциях $Tv=n+ыс=$ – не всегда): *чылыбодурча* [^hç:i:l/=bò:=dòr=^hç:aʔ] ‘ползет’, *көрибодурча* [kõr'=/bò:=dòr=^hç:aʔ] ‘смотрит’, *шелибисти* [^ʃ':e:/=l'ɪ=b'ʲs'=^tʲʔ] ‘бросил’, *шыгыбыстың* [^ʃ':i:=qɪ'=/b'ʲs'=^tʲɲ] ‘вышел=ты’, *көрбалтырлар* [kõ:r'=/b'ʲul=^tʲr=lɪr] ‘увидели, оказывается’, *шыгвал* [^ʃ':i:q/=/β'ʲul] ‘выйдя’.

Если в усеченных формах ГАК при быстром темпе речи аффикс деепричастия *-(ы)n* выпадает (*пар=ыс=ты* (< *пар=ын ыс=ты*)), то в полных конструкциях происходит редукция узких гласных, например: *-C+ын+c-* (*пары=б=c=ты*), в результате чего появляются триконсонантные сочетания типа *-бст-* и даже четырехконсонантные комплексы типа *-рбст-* (*парбсты* < *пар=ыб ыс=ты*) или *-бстл-* (*парыбстлар* < *пар=ыб ыс=ты=лар*). Спецификой этих трех- и четырехконсонантных сочетаний является то, что в препозиции к глухому согласному в них реализуется звонкий на слух согласный типа «b» ~ «β», что противоречит законам сочетаемости шорских согласных, различных по глухости / звонкости.

Если в аналитических по происхождению конструкциях типа $Tv=n+одур=$, $Tv=n+ыс=$, $Tv=n+ал=$ отмечается озвончение ауслаутного согласного *-n* деепричастия ОГ, то в ГАК типа $Tv=a+пер=$ озвончается анлаутный согласный *n-* ВГ, например: *тартаберди* [tɪr='t:ɪ=b'ɛr'=d'ɛʔ] ‘притянул’, *киреберди* [ki='r'e:=b'ɛr'=d'ɛʔ] ‘зашел’, *парабердим* [pɪ:='rɪ:=b'ɛr'=d'ɛm₂] ‘ушел=я’, *узуберди* [ʊ:='zʊ:=b'ɛr'=d'ɛʔ] ‘услу=он’, *санабердим* [s'ɑ:='nɪ:=b'ɛr'=d'ɛm₂] ‘задумался=я’.

Сходные фонетические преобразования в звуковой цепи глагольных аналитических конструкций фиксируются в звучащем тексте героического сказания «Күннү көргөн Күн Көök». Озвончение ауслаутного согласного *-n* аффикса деепричастия и реализация его в вариантах *b* и *β* (с превалированием консонанта *β*) происходит в ГАК типа $Tv=n+одур=$ (*көрб-одурганнары* [kõr=βò=dòr/=βɪn=nɪ=rɪ] ‘смотрели’, *алыжб-одурган*

[ä·=lǐz/=b'ö=dör=qān] 'взяли вместе'); Tv=n+ыс= (*тезибискен* [t'z=z'e=β'is=k'en]) 'убежал', *таштабысканы* [t'ʌʃ=tā=bis/=qā: =nǐ] 'бросил'); Tv=n+ал= (*қыйгырб-алды* [kij=qī=rǐ/=β'āl=dǐ]) 'крикнул', *қаб-алды* [qα=βāl=d'ǐ] 'схватил'). При этом локализация сильной внутренней слоговой паузы не столь последовательна, как в «Чедыгене» – она может смещаться на ВГ или замещаться умеренной слоговой паузой.

Несмотря на продуктивность в тексте сказания «Кўннў көрген Кўн Кёк» фонетических процессов, направленных на упрощение звуковой цепи (усечение форм, выпадение отдельных звуков и целых звуковых комплексов, качественная и количественная редукция гласных), в эпосе, в отличие от языка художественной литературы, не зафиксировано примеров трёх- и четырехконсонантных сочетаний. На всей выборке выявлены лишь несколько случаев нетрадиционных для тюркских языков и неприемлемых с позиций шорской фонотактики биконсонантных сочетаний звонкого и глухого согласных, возникших в результате элизии компонентов ОГ и ВГ и редукции узких гласных: *пыргырб-одурча* [p'ǐr/=βōd=ʃ:"aʔ] 'летят', *кирибисти* [qī=r'ib_s:s:te:] 'вошел', *ажыбыссабыс* [ä=zǐb/=sλ:=βǐs:] 'если перевалим (перейдем)', *түш-қалды* [tʃ:=qal=d'ǐs] 'упал, опустился (туман)', *чишбердилер* [ħçī=β'ī=d'l'er] 'ели=они'. Обусловлено это спецификой эпического повествования – торжественностью, замедленностью речи, четкостью артикулирования.

Наряду с озвончением финального согласного деепричастного аффикса -(ы)n ОГ, в тексте эпического сказания отмечается и обратный процесс: сохранение глухого согласного -т- в интервокальной позиции в составе глагола *одур* 'сидеть', выступающего в функции ОГ (*одур-салтыр* [ɔ:t'ʊ/=s:āl=tǐ:ɪ] 'сел, оказывается') или ВГ в ГАК типа Tv=n+одур= (*эрбектеб-одурча* [ʔer'=β'ek=te/=β'ö=tō=ʃ:"a] 'говорит', *шыгыб-одурчалар* [ʃb=qǐ/=β'ö=tör=ʃ"a=lār] 'выходят', *чөрб-одурча* [ħçør'/=βö=tör=ʃ"a] 'едет'). Использование архаичной формы весьма продуктивного в речи глагола продиктовано стремлением сказителя

к соблюдению архетипических канонов исполнения эпического произведения.

Так же, как и в языке «Чедыгена», в сказании «Кўннў кўрген Кўн Кёёк» в ГАК с основным глаголом, имеющим гласный в ауслауте, и вспомогательным глаголом с глухим консонантным анлаутом происходит озвончение начального компонента ВГ – в структурах типа $Tv=V+ner=$ (*шабыза-бергени* [$\text{ʃ}^{\text{a}}=\beta^{\text{z}}=\text{z}\lambda/=\beta^{\text{e}}\text{r}=\text{q}\text{e}=\text{n}^{\text{z}}$] ‘ударил’, *одуртубуза-берди* [$\text{ʔ}\text{z}=\text{t}^{\text{u}}\text{r}=\text{t}\text{o}=\text{z}\lambda=\beta^{\text{e}}\text{r}=\text{d}\lambda$] ‘усадил’), $Tv=V+qal=$ (*сөрте қалды* [$\text{s}^{\text{ø}}\text{r}=\text{t}\text{ü}=\text{k}^{\text{el}}=\beta^{\text{al}}=\text{d}^{\text{e}}$] ‘утащил’).

Ассимиляция согласных по назальности и сонорности

Аудитивный и инструментальный анализ текстов, вошедших в сборник художественных произведений «Чедыген», показал, что в современном шорском языке в определенном фонетическом контексте в ГАК $Tv=n+ys=$ со вспомогательным глаголом $ys=$ и в конструкциях типа $Tv=n+al=$ со вспомогательным глаголом $al=$ происходит прогрессивная ассимиляция по назальности и сонорности финального согласного $-n$ ОГ в форме деепричастия.

При наращении к основе ОГ с ауслаутным носовым согласным аффикса деепричастия $-(y)n$ узкий гласный выпадает (*көрүнп=ис=ти*, *көрүнп=ал=ды*), создавая тем самым условия для контактной ассимиляции консонантов (*көрүнм=ис=ти*, *көрүнм=ал=ды*). Сформировавшаяся стяженная конструкция фонетически делится на два звуковых блока (*көрүн/=мис=ти*, *көрүн/=мал=ды*), между которыми констатируется внутренняя межслоговая сильная пауза. При этом, как и в ГАК $Tv=n+odur=$, $Tv=n+ys=$, $Tv=n+al=$ с неносовыми согласными в ауслауте основ ОГ (см. об этом выше), фонетически финальный согласный аффикса деепричастия отходит ко второму блоку: *көрүнмисти* [$\text{kö}=\text{r}^{\text{u}}\text{n}^{\text{z}}=\text{m}^{\text{z}}\text{s}^{\text{e}}=\text{t}^{\text{z}}\text{ʔ}$] ‘стал видимым’, *айланмысты* [$\text{ʔ}\lambda:\text{j}=\text{l}^{\text{an}}=\text{m}^{\text{z}}\text{s}^{\text{e}}=\text{t}^{\text{z}}\text{ʔ}$] ‘повернулся’, *көөленмисти* [$\text{kö}=\text{l}^{\text{en}}=\text{m}^{\text{z}}\text{s}^{\text{e}}=\text{t}^{\text{z}}\text{ʔ}$] ‘влюбился’, *үргенбалдым* [$\text{ʔ}\text{ür}'=\text{g}\text{en}^{\text{z}}=\text{m}^{\text{z}}\text{ä}=\text{l}\text{d}^{\text{b}}\text{ʔ}$] ‘обрадовался’, *шомыбалып* [$\text{ʃ}^{\text{z}}:\text{ø}\text{m}^{\text{z}}=\text{m}^{\text{z}}\text{ä}=\text{l}^{\text{b}}\text{z} \sim \text{ʃ}^{\text{z}}:\text{ø}\text{m}^{\text{z}}=\text{b}^{\text{z}}\text{ä}=\text{l}^{\text{b}}\text{z}$]

l̥p̥] ‘плавая’, *ýrgünбалды* [ʔür'=gyn̥]/=/m'ä:='ld̥ʔ] ‘обрадовался=он’.

Аналогичные фонетические преобразования зафиксированы и в языке героического сказания «Күннү көрген Күн Көөк» – в ГАК типа $Tv=n+al=$: *суғунм-алды* [sön'/=/mäl=d̥ʔ] ‘спрятал’, *топчуланм-алды* [töp=ʈʃ'ɣ=ln̥'/=/mäl=d̥ʔ] ‘застегнулся’; а также в ГАК типа $Tv=bVn+qal=$: *маңныман-қалды* [ml̥ŋ'/=/ml̥=ml̥l=d̥ʔ] ‘не успел’, где можно констатировать выпадение медиального комплекса *-ны-*, ассимиляцию по назальности и сонорности анлаутного согласного аффикса отрицания *-бан*, элизацию ауслаутного *-н* ОГ, ассимиляцию по назальности и сонорности анлаутного *к*- ВГ.

Редукция и геминация

В языке художественной литературы для ГАК типа $a(лын)+kel=$, $par=$, $шық=$ облигаторна сильная редукция деепричастной формы основного глагола, представленного в современном шорском языке лишь инициальным гласным *a*: *ашықты* [ʔä:/='ʃ'i:='q̥t̥ʔ] ($al=шық=ты < al=ын шық=ты$) ‘вынес=он’, *апарған* [ʔä:/='p:lr̥=q'ln̥] ($al=par=ған < al=ын пар=ған$) ‘унес’. Столь значительное усечение ОГ в составе аналитической по происхождению конструкции свидетельствует о том, что процесс синтетизации в настоящее время полностью завершён и единственным маркером аналитизма в генезисе формы может быть наличие сильной межслоговой паузы. В рассматриваемых ГАК в спонтанной речи кроме сильной редукции основного глагола констатируется факультативная геминация инициального согласного вспомогательного глагола: *аккелер* [ʔlk̥s='k:e='l'er' ~ ʔä:/='k:e='l'er'] ‘принесет’, *апарған* [ʔäp̥s/='p:lr̥=q'ln̥ ~ ʔä:/='p:lr̥=q'ln̥] ‘унес’.

Во всех примерах с ГАК типа $a(лын)+V^{есн}$, зафиксированных в фольклорном героическом сказании, ОГ функционирует в максимально усеченном варианте, сохранившем лишь начальный гласный основы: *аққир-салғанда* [ä='k'ir/='säl=q'ln̥=d'äŋ] ‘когда

внесла', *ашықты* [ʔǎ=ʃ'ɪ:=qtǎ'] 'вывел=он', *ақкелтирзиң* [ǎ:=k'el'=t'ɪr'=z'ɪn] 'заставь принести', *аппарчам* [ǎ=r'αʃ:= (ǎ=nɪp/= /ke:=l'ɪp)] 'увожу=я', но, в отличие от языка художественной литературы, геминии анлаутного согласного ВГ не происходит.

Сингармонизм

Представленные выше процессы фонетических преобразований – трансформация внешней словесной паузы между компонентами бивербальной аналитической конструкции во внутреннюю межслоговую, утрата показателя *-(ы)п* деепричастной формы ОГ, ассимиляция согласных по звонкости, назальности и сонорности, редукция и элизия – являются маркерами активно развивающихся процессов синтеза комплексов, аналитических по происхождению, десемантизации составляющих их глаголов, стяжения их в одно фонетическое слово.

Вместе с тем, одним из основных рефлексов аналитизма в рассматриваемых ГАК является сохранение в звуковых оболочках ОГ и ВГ сингармонических алгоритмов, действовавших до стяжения конструкции. Исследование звучащих текстов художественной литературы из сборника «Чедыген» и героического сказания «Кўннў көрген Кўн Кёёк» показало, что в структуре ГАК выравнивания звуковой цепи по сингармоническому ряду не происходит, если сингармоническая модель ОГ не совпадает с моделью ВГ: *эртибодурча* [ʔzɪ''t:/=bò:=dùr='ħç:aʔ] 'проходит', *йргүдибодурун* [ʔü:r'=qüd'/=bò:=dù:=rüp,] 'радуясь', *йргенбалдым* [ʔür'=gen,]/=m'á:=ldɨʔ] 'обрадовался=я', *көрибалып* [kõ:r'/=b'á:=lɨp,] 'увидев', *тартаберди* [tɪr='t:ɬ=b'et'=d'ɨʔ] 'подтянул', *узуберди* [ʔü:=zù:=b'et'=d'ɨʔ] 'заснул', *аккелер* [ʔɬk,='k:e=l'er' ~ ʔǎ:/='k:e=l'er'] 'принесет'.

В «Чедыгене» во всех примерах, в которых произошло слияние компонентов ГАК в одно фонетическое слово, но сингармонические алгоритмы основного глагола отличаются от сингармонических тембров вспомогательного вербального компонента,

унификации всего комплекса не наблюдается – звуковое оформление ВГ остается либо твёрдорядным (*чүзүр парып* [ʔḥc:y:=qögʻ=rɫ:=gʲpʲ] ‘убежал’, *өспартыр* [ʔø:sʻ=rəfʻ=tʻɪr] ‘вырос, оказывается’, *иштепсалдың* [ʔḥ:=ʃʻʻt:zʲ:=s:ɫl=dḥɟ] ‘сделал=ты’, *келтурганы* [ʔk:elʻ=töɾ=qʻä:=pḥʔ] ‘пришел=он’, *келтурча* [ʔk:elʻ=tö:=rʻḥc:aʔ] ‘подходит=он’, *пертурча* [pʻerʻ=tö:=rʻḥc:aʔ] ‘даёт’, *келбенқалды* [ʔk:ɛ:=lʻbʻenʲ:=ʔq:ä:=ldḥʔ ~ ʔk:ɛ:=lʻbʻenʲ:=əä:=ldḥʔ] ‘не пришел=он’, *тегбенқалтырым* [tʲz:=ɣbʻenʲ:=ʔq:ä:=lʻtʲbʻ=ɾɪmʲ ~ tʲz:=ɣbʻenʲ:=əä:=lʻtʲbʻ=ɾɪmʲ] ‘не дотронулся, оказывается, я’), либо мягкорядным (*айтпер* [ʔä:jtʲ=pʻerʻ] ‘скажи’, *тусперейин* [tö:ɣ=pʻe:=rʻe:=ʔɪnʲ] ‘рожука=я’, *ашкел* [ʔɫ:ʃʻ=ʔk:elʻ] ‘открой!’, *уркелдим* [ʔö:rʻ=k:elʻ=dʻɪmʲ] ‘налил=я’).

В эпосе «Күннү көргөн Күн Көөк» фиксируются аналогичные процессы – в структуре ГАК основной и вспомогательный глаголы, стянувшись в одно фонетическое слово, сохраняют, тем не менее, свои сингармонические характеристики. Вербальные компоненты ГАК могут отличаться как по палатальному признаку (*кириб-алып* [kʻɪrʻ/=/ä:=lʻpʻ] ‘вошел=он’, *адап-перейин* [ʔäḍ)ä:=ḍä/=/pʻeʻ=rʻe:=ɪnʲ] ‘назову-ка’, *қаишпан-келип* [kḁʃ=täpʻ=/kʻe:=lʻʔɪʔpʻ] ‘идя берегом’, *кес-парды* [gʻe:sʻ/=/pḁ:r=dḥ] ‘отрезал’, *аққир* [äʻ=kʻrʻ=dʻeʻ] ‘вноси!’, *парар эди* [pʻɫ=rʻɫ/=/dʻə=dʻərʻ] ‘ушел бы’), так и по лабиальному показателю (*қачырб-одурчаң* [qḁʃʻɪ/=/βö:=dö=ḥcəŋ] ‘обязательно погонит’, *түдүб-алып* [tʻö:=dö/=/βä:=lʻpʻ] ‘схватив’, *топчуланм-алды* [töp=tʃʻɣ=ɫɫn/=/mḁl=dḥ] ‘застегнувшись’, *мүн-келип* [mʻɣɪn/=/gʻe:=lʻɪpʻ] ‘сев (верхом)’, *чүзүр-кирди* [ḥcɣ=qögʻ/=/kʻelʻ=dʻeʻ] ‘вбежал’). Не менее частотны в тексте примеры ГАК, составляющие которых различаются как по палатальному, так и по лабиальному параметрам: *эрбектеб-одурча* [ʔerʻ=βʻek=tʻe/=/βʻö=töʃ:=ʃʻa] ‘говорит’, *көрбалган полза* [kögʻ=βḁl=qʻän/=/möl=zḁʻ] ‘увидел’, *одур-келип* [ö:=dör/=/ʔkʻe:=lʻepʻ] ‘сев (дееприч.)’, *сөзүлүш-қалды* [sʻ:ø=göʃ/=/qḁl=dḥ] ‘стала рваться’, *қачыр көрейин* [qʻä:=tʃʻɪʃ/=/kögʻ=rʻe:=jɪnʲ] ‘прогнать попробую-ка’, *одуртубуза-*

берди [ʔɔː=tʰɔr/=tò=zɿ=βʰer=dɿ] ‘усадил’, *көдүрүлбен-салды* [kõ=dö=lʰbʰen=sɿ=ldɿ] ‘не поднялся’.

Исключение составляют ГАК со вспомогательным глаголом *ыс*= ‘посылать’. Присоединяясь к деепричастию на *-(ы)n*, глагол *ыс*= утрачивает свою самостоятельность, выполняя служебную функцию. Слившись с ОГ в единое фонетическое слово, глагол *ыс* подчиняется законам сингармонизма – палатального и лабиального, детерминируемым качеством первого гласного основы ОГ. При этом в спонтанной речи гласный компонент деепричастного аффикса после основ на *-р* и *-л* редуцируется, приобретая характер беглого гласного: «*парбысты* (~ *парыбысты* ~ *пар-ып ыс-ты*), *келбисти* (~ *келибисти* – *кел-ип ыс-ты*)» [Дыренкова 1941: 216].

Результаты нашего исследования текстов художественных произведений, опубликованных в сборнике «Чедыген», показали, что в ГАК со вспомогательным глаголом *ыс*= облигаторно осуществляется полное выравнивание сингармонической рядности по первому гласному ОГ – твердоярному (*салыбысты* [ʰs:ɿ:/lʰ=bʰsʰ=tʰm̥] ‘положил=он’, *пожадыбыстым* [pò=zʰa:/dʰ=bʰsʰ=tʰm̥ ~ pò=zʰa:/dʰ=bsʰ=tʰm̥] ‘отпустил=я’, *айланмысты* [ʔɿ:j=ʰan̥/=mʰsʰ=tʰʔ] ‘вернулся=он’, *шыгыбыстың* [ʰʃʰ:iː=qʰʰ/=bʰsʰ=tʰŋ̥] ‘вышел=ты’, *парысты* [pɿ:/=rʰsʰ=tʰʔ] ‘ушел=он’) или мягкорядному (*көрүнмисти* [kõː=rʰyn̥/=mʰsʰ=tʰʔ] ‘показался=он’, *шелибисти* [ʰʃʰːe:/=ʰʰ=bʰsʰ=tʰʔ] ‘бросил=он’, *өлибистим* [ʔøː=ɿ/=bʰsʰ=tʰm̥] ‘умер=я’, *көленмисти* [kõː=ʰen̥/=mʰsʰ=tʰʔ] ‘влюбился=он’).

В эпическом повествовании «Күннү көргөн Күн Көөк» констатируются аналогичные трансформации фонетического облика глагольных аналитических конструкций. Вокальная и консонантная ось синтезированного глагола, восходящего к ГАК с ВГ *ыс*=, оформляется с соблюдением сингармонических законов – палатальных и лабиальных, детерминирующих в шорском языке звуковую цепь единой словоформы: *түжүбисти* [tʰü=zʰʰ/=βʰʰ=stʰɿ] ‘спустился’, *тезибискен* [tʰz=zʰe=βʰʰs=kʰen] ‘убежал’, *шыгыбысқан* [ʒʰa=βʰs=qʰɿn] ‘вышел’, *таштабысқаны* [tʰɿʃ=tʰa=bʰs/=

qɑ́: = nǝ́] ‘бросил’, *шыгыбысты* [ʃʲq = ʃʲ = βʲs = tʲ] ‘вышла’, *кирибисти* [gɪ = rʲbʲ = s: tʲe:] ‘вошел’, *ажыбыссабыс* [ɑ́ = zʲbʲ = /sʲl: = βʲs:] ‘если перевалим (хребет)’, *ажыбысты* [ɑ́: = zʲbʲ = /βʲs = tʲ] ‘открыла’.

Приведенные примеры свидетельствуют о действии в пределах полностью синтезированной шорской словоформы четких алгоритмов сингармонизма. Функциональная твёрдорядность или мягкорядность первого гласного основы ОГ детерминирует качество вокальной оси стяженной бивербальной конструкции, аналитической по происхождению: после твёрдорядного гласного основы ОГ реализуются лишь гласные центральнозаднего артикуляторного ряда; если же гласные основы ОГ мягкорядные – как правило переднерядные или центральнорядные, то вокальные составляющие вспомогательного глагола могут реализоваться лишь как центральнорядные.

Таким образом, в приведенном материале констатируются различные этапы активно протекающих процессов стяжения АК в единое слово. Наиболее продуктивны явления синтеза в аналитических конструкциях с твердорядной вокальной осью ОГ и ВГ: слияние ГАК в единое беспаузальное слово, стыковочные консонантные компоненты которого подчиняются ассимилятивным законам внутреннего сандхи, происходит даже в тех случаях, когда анлаутный согласный ВГ ещё сохраняет сильную напряженность и фарингализованность, маркирующие, как правило, начало слова: *тартсалдың* [tʲɑ́: tʲ = s: ʲl = dʲɨ́] ‘подтянул=ты’, *тудунсалтыр* [tʲu: = dʲún = s: ʲl = tʲ: ʲr] ‘схватился=он, оказывается’, *чатқалды* [ʲtʲɕ: aʲt = q: ɑ́: = l dʲɨ́] ‘лег=он’.

В конструкциях с мягкорядным основным глаголом слияние частей аналитических форм, ВГ в которых имеет сильнонапряженную фарингализованную инициаль, замедляется необходимостью осуществления дистантной ассимиляции по палатальной рядности, сингармонизации фрагментов комплекса: *иштепсалдың* [ʲʲʲ: = ʃʲʲʲ tʲ: zʲpʲ = s: ʲl = dʲɨ́] ‘сделал=ты’, *келбенқалды* [ʲʲk: ɛ: = lʲʲʲ ʲɛnʲ = q: ɑ́: = l dʲɨ́] ~ [ʲʲk: ɛ: = lʲʲʲ ʲɛnʲ = ɛ: ɑ́: = l dʲɨ́] ‘не пришел=он’, *пербен қалды* [pʲʲɛ: = rʲʲʲ bʲʲ ʲɛnʲ = q: ɑ́: = l dʲɨ́] ~ [pʲʲɛ: = rʲʲʲ bʲʲ ʲɛnʲ =

ȯá:=[ldʲʔ] ‘не дал=он’, *körbenqalтырым* [kõ:=[rʲbʲʕenʲ=ʔq:á:=[lʲtʲʔ=ʔmʲ ~ kõ:=[rʲbʲʕenʲ=ʔȯá:=[lʲtʲʔ=ʔmʲ] ‘не увидел=я, оказывается’.

На рис. 3 и 4 представлены осциллограммы и спектрограммы фольклорных глагольных аналитических конструкций *одур-салтыр* [ɔ:tʰu/=/s:á:=[tʲʔ:ɿ] ‘сел, оказывается’ и *тудуб-алып* [tʰú=dò/=/βá:=[lʲpʲ] ‘схватив’. Инструментальные данные иллюстрируют отсутствие внешней словесной паузы между ОГ и ВГ и трансформацию её в сильную межслоговую в обеих ГАК, утрату деепричастного показателя *-(ы)п* в *одур-салтыр* [ɔ:tʰu/=/s:á:=[tʲʔ:ɿ] и сохранение его в *тудуб-алып* [tʰú=dò/=/βá:=[lʲpʲ], реализацию архаичного глухого согласного *-m-* «tʰ» в интервокальной позиции в ОГ *одур* в составе ГАК *одур-салтыр*, и, напротив, озвончение ауслаутного *п* «p» в б «β» в позиции сформировавшегося внутреннего сандхи и переход его фонетически к основе ВГ в *тудуб-алып*.

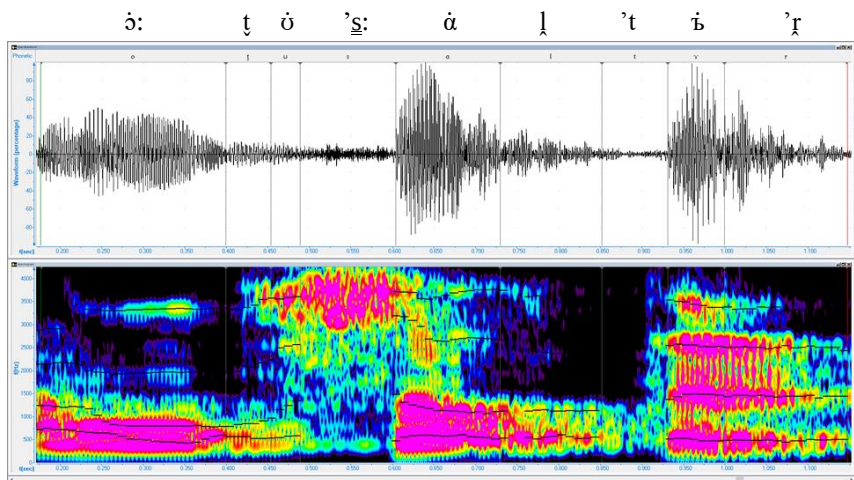

Рис. 3. Осциллограмма и спектрограмма ГАК *одур-салтыр* ‘сел, оказывается’

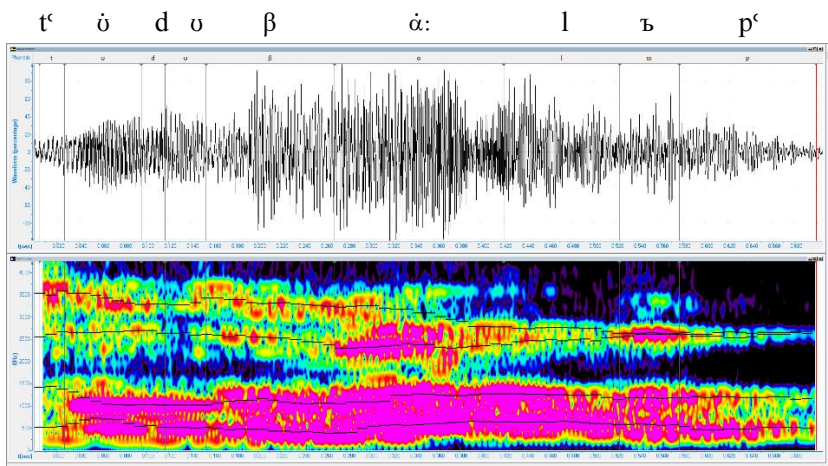

Рис. 4. Осциллограмма и спектрограмма ГАК *тудуб-алыт* ‘схватив’

Оба примера демонстрируют отсутствие унификации звуковой цепи стянувшейся аналитической конструкции по лабиальной гармонии, свидетельствующее о незавершенности процесса синтеза ГАК.

Результаты анализа бивербальных деепричастных конструкций, используемых в произведениях шорского героического эпоса, свидетельствуют об активно развивающихся процессах преобразования аналитических комплексов в синтезированные единства. Фонетические трансформации, сопровождающие процессы стяжения ГАК, распространяются на все структурно-семантические типы конструкций, хотя и реализуются с различной степенью интенсивности. При этом на суперсегментном уровне преобразования осуществляются не столь интенсивно как на линейном: фактически не происходит сингармонизации по палатальности и лабиальности вспомогательных компонентов бивербальных сочетаний. Несоблюдение в пределах звуковых цепочек ГАК законов шорской дистантной ассимиляции сигнализирует о сохранении конструкциями остаточного статуса аналитических.

3.2. Глагольные аналитические конструкции в хакасском фольклоре: специфика фонетических трансформаций

В данном параграфе рассматриваются преобразования звукового облика глагольных аналитических конструкций, выявленных в хакасских фольклорных произведениях. Материалом для исследования послужило эпическое героическое сказание «Ай-Хуучын», опубликованное в «Памятниках фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [1997: Т. 16] и озвученное носителем хакасского языка.

В тексте констатировано 1 775 предложений, содержащих ГАК с различными структурно-семантическими характеристиками. Текст, конвертированный в формат wav, был сегментирован с использованием программы Audacity, контексты с ГАК выделены в самостоятельные звуковые файлы. 36 высказываний с деепричастными аналитическими конструкциями двенадцати наиболее употребительных типов были проанализированы аудитивно и с помощью акустической программы SpeechAnalyzer 3.0.1, записаны в символах транскрипционной системы УУФТ [Наделяев 1960; Артикуляторные базы 2012], систематизированы и описаны.

Инвентарь хакасских ГАК в языке фольклора

Конструкции, выражающие аспектуальные значения, а также служащие для выражения способов глагольного действия, довольно полно описаны в отдельных тюркских языках. Проблема исследования функционально-семантических характеристик глагольных аналитических образований в хакасском языке также получила освещение в специальной литературе [Карпов 1980; 2007 а; 2007 б; 2007 в; Чугунекова 2002; 2012; Кокошникова 2004; Боргояков 2011; Кызласова 2011; Абумова 2013; Чертыкова 2014; 2016; Бурнакова, Боргоякова 2019; 2020]. Отмечается, что в системе глагольных категорий выявлена «высокая активность

бытийных и иных глаголов, используемых для выражения аспектуального значения недлительности действия. Для объективной оценки семантики и функций глагольных аналитических конструкций важно учитывать роль глагольных аналитических образований, перешедших в разряд формантов, а некоторые, грамматикализуясь, становятся вторичными синтетическими формами – подвергаются стяжению» [Бурнакова, Боргоякова 2019: 20].

Анализ текста эпического сказания «Ай-Хуучын» позволил выявить 39 типов глагольных аналитических конструкций. Инвентарь хакасских ГАК, зафиксированных в фольклорном произведении, представлен ниже в формульной записи:

$Tv=n+тур$, $Tv=n+нар$, $Tv=n+кил$, $Tv=n+хал$, $Tv=n+пол$,
 $Tv=n+m\ddot{y}c$, $Tv=n+сал$, $Tv=n+чӧр$, $Tv=n+одыр$, $Tv=n+сых$,
 $Tv=n+чат$, $Tv=n+nup$, $Tv=n+ал$, $Tv=n+тан$, $Tv=n+кӧр$,
 $Tv=n+наста$, $Tv=a+m\ddot{y}c$, $Tv=a+тапт$, $Tv=a+сегір$, $Tv=a+тен$,
 $Tv=a+хал$, $Tv=a+нас$, $Tv=a+нар$, $Tv=a+одыр$, $Tv=a+ойла$,
 $Tv=a+мут$, $Tv=a+кан$, $Tv=a+тур$, $Tv=a+кил$, $Tv=a+сых$,
 $Tv=a+чӧр$, $Tv=a+сан$, $Tv=a+хон$, $Tv=арга+тур$, $Tv=арга+чӧр$,
 $Tv=нин+тур$, $Tv=бин+пол$, $Tv=бин+чат$, $Tv=месче+пол$.

Абсолютная и относительная частотность основных типов ГАК в героическом эпосе хакасов

Результаты статистического анализа, цель которого – определить частоту встречаемости различных структурно-семантических типов хакасских бивербальных аналитических конструкций в тексте эпоса «Ай-Хуучын», приведены в таблице 3.

Максимально частотными являются конструкции трех типов со вспомогательными глаголами *тур*= ‘стоять’, *нар*= ‘идти’, *кил*= ‘приходить’: $Tv=n+тур$ (464 примера из 1 775, что составляет 26,14% всей выборки), $Tv=n+нар$ (417 примеров – 23,5%), $Tv=n+кил$ (350 примеров – 19,72%). ГАК указанных типов составляют 69,36% всего массива выявленных высказываний (рис. 5).

Таблица 3

Частотность ГАК в героическом эпосе «Ай-Хуучын»

№	Аналитическая конструкция	Абсолютная частотность	Относительная частотность, %
1	$Tv=n+мур$	464	26,14
2	$Tv=n+нар$	417	23,50
3	$Tv=n+кил$	350	19,72
4	$Tv=n+хал$	90	5,07
5	$Tv=n+пол$	85	4,79
6	$Tv=n+m\ddot{y}c$	63	3,55
7	$Tv=n+сал$	56	3,15
8	$Tv=n+чөр$	42	2,37
9	$Tv=n+одыр$	38	2,14
10	$Tv=a+m\ddot{y}c$	32	1,80
11	$Tv=n+cych$	28	1,58
12	$Tv=n+чат$	25	1,41
13	$Tv=n+nup$	19	1,07
14	$Tv=n+ал$	12	0,67
15	$Tv=a+mapт$	9	0,51
16	$Tv=n+man$	8	0,45
17	$Tv=a+ceгip$	5	0,28
18	$Tv=n+köp$	3	0,17
19	$Tv=a+men$	3	0,17
20	$Tv=apгa+мур$	3	0,17
21	$Tv=a+хал$	2	0,11
22	$Tv=nин+мур$	2	0,11
23	$Tv=a+nac$	2	0,11
24	$Tv=a+нар$	2	0,11
25	$Tv=бин+чат$	1	0,06
26	$Tv=мечe+пол$	1	0,06

27	$Tv=a+одыр$	1	0,06
28	$Tv=a+ойла$	1	0,06
29	$Tv=a+мут$	1	0,06
30	$Tv=a+кан$	1	0,06
31	$Tv=a+мур$	1	0,06
32	$Tv=a+кил$	1	0,06
33	$Tv=a+сых$	1	0,06
34	$Tv=a+чөр$	1	0,06
35	$Tv=арға+чөр$	1	0,06
36	$Tv=a+сап$	1	0,06
37	$Tv=n+наста$	1	0,06
38	$Tv=бин+пол$	1	0,06
39	$Tv=a+хон$	1	0,06
Всего		1775	100,00

Вторая группа конструкций, на которые приходится 26,93% всех случаев функционирования ГАК в тексте рассматриваемого произведения, представлена значительно менее употребительными десятью конструкциями, относительная частотность которых констатируется в диапазоне 5,07–1,07% всей выборки (АЧ составляет от 90 до 19 примеров): $Tv=n+хал$, $Tv=n+пол$, $Tv=n+мүс$, $Tv=n+сал$, $Tv=n+чөр$, $Tv=n+одыр$, $Tv=a+мүс$, $Tv=n+сых$, $Tv=n+чат$, $Tv=n+мур$.

Третья группа включает конструкции, встречаемость которых составляет менее 1,0% (0,67–0,06%) всего массива примеров (АЧ от 12 до 1 употребления): $Tv=n+ал$, $Tv=a+тарт$, $Tv=n+тап$, $Tv=a+сегір$, $Tv=n+көр$, $Tv=a+мен$, $Tv=арға+мур$, $Tv=a+хал$, $Tv=nин+мур$, $Tv=a+нас$, $Tv=a+нар$, $Tv=бин+чат$, $Tv=месче+пол$, $Tv=a+одыр$, $Tv=a+ойла$, $Tv=a+мут$, $Tv=a+кан$, $Tv=a+мур$, $Tv=a+кил$, $Tv=a+сых$, $Tv=a+чөр$, $Tv=арға+чөр$, $Tv=a+сап$, $Tv=n+наста$, $Tv=бин+пол$, $Tv=a+хон$. Доля ГАК указанных типов минимальна и составляет 3,71% всей выборки.

Если первая и вторая группы представлены бивербальными аналитическими конструкциями, функцию основного глагола в которых выполняет форма деепричастия с аффиксом *-n* (за исключением ГАК типа $Tv=a+түс$), то в третью группу из 26 типов конструкций входят 16 структур ГАК с деепричастием на *-a* ($Tv=a+тарт$, $Tv=a+сезір$, $Tv=a+мен$, $Tv=a+хал$, $Tv=a+нас$, $Tv=a+нар$, $Tv=a+одыр$, $Tv=a+ойла$, $Tv=a+мут$, $Tv=a+кап$, $Tv=a+мур$, $Tv=a+кил$, $Tv=a+сых$, $Tv=a+чөр$, $Tv=a+сап$, $Tv=a+хон$), 4 типа ГАК с деепричастием на *-n* ($Tv=n+ал$, $Tv=n+тан$, $Tv=n+көр$, $Tv=n+наста$) и 6 типов ГАК, основной глагол которых включает компоненты *=арға*, *=нин*, *=бин*, *=месче* ($Tv=арға+тур$, $Tv=нин+тур$, $Tv=бин+чат$, $Tv=месче+пол$, $Tv=арға+чөр$, $Tv=бин+пол$).

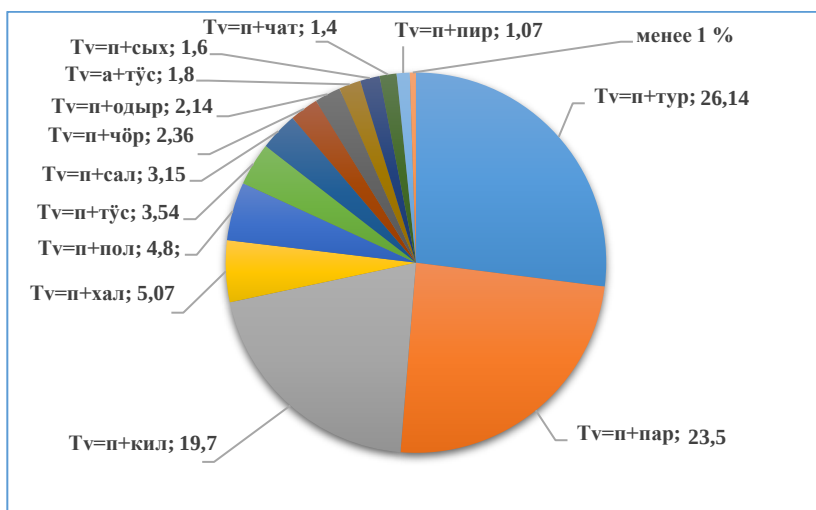

Рис. 5. Круговая диаграмма частотности ГАК
в эпосе «Ай-Хуучын»

Таким образом, статистический анализ частотности глагольных аналитических конструкций в тексте хакасского эпического

произведения «Ай-Хуучын» свидетельствует об абсолютном доминировании шестнадцати типов конструкций (из 39), функцию основного глагола в которых выполняют деепричастия с грамматическим показателем *-н*. В сумме они составляют 95,84% выборки из 1 775 выявленных случаев употребления ГАК.

Следует отметить, что, если в хакасском эпосе наиболее частотными являются ГАК со вспомогательными глаголами *тур*= ‘стоять’ (26,14%), *пар*= ‘идти’ (23,5%), *кил*= ‘приходить’ (19,72%), то в шорском фольклоре, как показано выше (с. 123), максимально употребительны конструкции со вспомогательными глаголами движения *кел*= ‘приходить’ (39,56%) и *пар*= ‘идти’ (11,54%), на которые приходится более половины всех рассматриваемых ГАК. Тувинские же тривербальные аналитические конструкции, соответствующие бивербальным шорским и хакасским, отличаются не только более сложной лексико-грамматической структурой, но и набором наиболее частотных ГАК: в тексте эпического произведения основной массив ГАК составляют структуры четырех типов (см. ниже, с. 163): {Tv=п + ЧО-Руп} олуp= (17,86%), {Tv=п + ЧОРуй} бар= (16,96%), {Tv=a + СОП/ТЫРТ/ ШАП} ал= (16,07%), {Tv=п+ ЧОРуп} каг (10,71%).

Ниже приводится список затранскрибированных и проанализированных хакасских высказываний с глагольными аналитическими конструкциями, используемыми сказителем при исполнении героического произведения «Ай-Хуучын».

(1). Tv=n+тур

(1.1.) *Чабал сырайлыг Хыс Хан аба чили, харлап турадыр* [^н{ $\tilde{\chi}\tilde{\alpha}\tilde{r}=l\tilde{y},b_{\tilde{y}}=t^{\omega}/r(\tilde{\lambda}\tilde{\lambda}):=d\tilde{\delta}r:\tilde{y}$ }].

‘Страшноликай Хыс-Хан, как медведь, *ревет*’ (АХ, 70–71).

(1.2.) *Хылчаңнап көр турадыр* [^н{ $k^{\omega}\tilde{\delta}:\tilde{\lambda}/=t^{\omega}\tilde{y},=r^{\omega}\tilde{\lambda}:=d\cdot\tilde{y},(\underline{m}\tilde{r}):\}$].

‘Оглянулся и *смотрит*’ (АХ, 76–77).

(1.3.) *Аба чилеп, хыс чахсызы харлап, күрлебiскен, ала парыс чили нарслап турадыр* [^н{ $n\cdot a\tilde{\lambda}s=l\tilde{z}\phi/=t^{\omega}\tilde{y}=\tilde{\lambda}a\tilde{n}=d^{\omega}\tilde{y},(\underline{m}\tilde{r}):\}$].

‘Достойнейшая из дев, как медведь заревев, *рявкнула*, как лев, *рыкнула*’ (АХ, 76–77).

(1.4.) *Хыс Ханның харлап турганын* [^н{χ_{ац}=l_аβ/=t_у/г_о=q_’λ=n_х(нн):}]] *истип*, *Күн Төңіс Хан хорыххан*.

‘Услышав *рявканье* Хыс-Хан, Кюн-Тёнгис-Хан испугался’ (АХ, 78–79).

(1.5.) *Чарых тигірдің алтын харап көр турадыр* [^н{к_’ә_г/=/t_’ү_г=г_’(л_а):=ḡd_’ḡ(нн):}]].

‘В низ светлого неба всматриваясь, *озирается*’ (АХ, 80–81).

(1.6.) “*Көрөм ме, көрбессім ме?*” – *тін турадыр* [t_’б_х/=/t_’ḡ{ö=г_’ä=d_’ḡ(нн):}]].

“‘Доведется не доведется ли мне увидеть’ – так *поговаривает*’ (АХ, 80–81).

(1.7.) *Көріп турза* [k_’ö=г_’ḡ_х/=/t_’ү_г=j_’ḡ=(zz):^нḡ] *Хыс Хан, килескі чобал тур*.

‘Хыс-Хан *всматривается*: это ящерица жалуется’ (АХ, 80–81).

(1.8.) *Хараагы түнде хыс чаксы харап көр турадыр* [k_’ö_г(нн):/=t_’ү_г=г_’(л_а):=d_’ä_г(нн):].

‘Достойная дева, в ночную темь всматриваясь, *глядит*’ (АХ, 82–83).

(1.9.) *Анда айланып, Хыс Хан Хыйгылап, чоохтап турадыр* [^н{_сöχ=t_’eb_х/=/t_’ү_г=г_’ä=ḡd_’ḡ(г_гг_г):].

‘Тогда Хыс-Хан, к ним обращаясь, громко *наказ дала*’ (АХ, 84–85).

(1.10.) *Ала хула асхыр чаза хаап тур* [^н{(χ_гχ)^н(äq):?/=t_’ö_гг_’}.]

‘Пего-саврасый жеребец *хватает*, но мимо’ (АХ, 68–69).

(2). Tv=n+nap

(2.1.-2.2.) *Таг чіли көөн парган* [^н{к_’(äq):/=p_’ḡ_а=ḡä=q_’λ(н_н):?}], *талай чіли таас парган* [^н{t_’ä:s_г=ḡḡḡp_’ḡ_а=г_’ä=q_’λ(нн):}]].

‘[Лицо ее в гнев] горою *вспучилось*, подобно великой реке, *разбушевалась* она’ (АХ, 78–79).

(2.3.-2.4.) *Хараагы тўнге тўс парыбысханда* [tʰö,s/=pʰä:ɪ=ʃ,bʰsʰ={χʌn=dʌ:}], *Хыс Хан, тимненіп, сыххан, хараагызы айнып парган* [ʔʰöj=nʃʃp_/=ʔpʰ·ä(ɪ)·=χʰ·ä(nʃn):], *оды-рар чиріне одырыбысхан.*

‘Когда ночная темь опустилась, Хыс-Хан, собравшись, вышла. Ночь уже далеко зашла, на свое место она села’ (АХ, 78–79).

(2.5.) *Аң кўлўгі чит килген полза, айлан парып* [ʔʰöj=ʃä(n:n)/=pʰä:ɪ=ʃ·(ʔ:p):], *атарзың.*

‘Если храбрый из зверей появился, [к нему] повернись и выстрели’ (АХ, 92–93).

(2.6.) *Сырлап иткен сыр чөмезін сыырсахти тут парган* [dʰ(ö):d/=ʰ{ʃbʌ(ɪ)=qʰ·ä(n:n):}].

‘Стрелу со свистящим наконечником крепко держал’ (АХ, 96–97).

(3). Tv=n+кил

(3.1.) *Хурхлап, тізізі тапсап киледір* [ʰ{tʰ·äβ=sʰβ/=ʔkʰɪ=lʰʔɛ=dʰ(ɪr):}].

‘Самка, каркая, говорит’ (АХ, 88–89).

(3.2.) *Тимніг хуйағын кискен, айланып, сых киледір* [sʰ·ʃ(qɪ)=ʔkʰ·ɪ=lʰɛ=dʰɛ(ɪɪ):].

‘В панцирь приготовленный облачился, повернувшись, вышел’ (АХ, 94–95).

(3.3.) *Ибірлеп килген* [ʰ{ʔʰɪɪʔɪ):=bʰ=ɪʃ=lʰ·ɛ(nn)ʔ}] *чирде көмес ле пірікпаан.*

‘В том месте, где поворачивает, чуть [потоками] не сливаясь’ (АХ, 96–97).

(4). Tv=n+хал

(4.1.) *Алты торсыгында азы-суу абанарчы чатхлап халган* [ʰ{ʃʰ·χʔʔ=ɪʌβ=χʌ·ɪ=qʌ(n:ʔnʔn):}].

‘Вина в шести торсыхах немного осталось’ (АХ, 72–73).

(5). $T_{v=n+n_{ol}}$

(5.1.) Алында туруп, алданып, алып кизи **изіртін** полбаан
 $[\text{ʔ}^{\text{h}}\text{b}=(\text{zs}): \text{b}:\text{r}^{\text{c}}=\text{t}^{\text{c}}\text{b}\beta=\text{p}^{\text{c}}\text{ʔ}_\text{c}(\text{ʔ}^{\text{h}}\text{ʔ}):=\beta^{\text{h}}\text{h}\text{h}_\text{c}(\text{n}:\text{n}):]$.

‘Стоя перед ней, умолял, богатырь *выпить не сумел её упро-
сить*’ (АХ, 72–73).

(5.2.-5.3.) Пір *н*име *истін* *полбин* [iːzɹsʹ=tʰʁʲɪβ/=pʰɔɫ=βʲiː(n:ŋ):], пір *н*име *тыңнан* *полбин* [tʰɯŋ/nʲæn/=pʰɔɫ=βʲɪn] *оды-радыр*.

‘[А сейчас] сидит, но ничего *услышать не может*, ничего *уловить не может*’ (АХ, 88–89).

(7). $T_{v=n+cal}$

(7.1.) Паларлыз сасха кире паганы **хостан** салган
 $[\text{h}\{\chi\text{os}/=/\text{t}'\text{h}_2\beta_2/=/\text{s}'\text{h}\{\dot{\text{h}}\cdot\text{o}\}\}_{\text{h}}(\text{n}:\text{n}):]$ килески.

‘В тинистое болото лягушкү ящерица загнала’ (АХ, 82–83).

(7.2.) Чабал сагынып **ат** салар $[\gamma\gamma^{'}(\gamma\alpha\gamma^{'}\alpha):t/=s,\gamma\alpha=l\grave{a}(\gamma\gamma\gamma^{'}\gamma^{'}):]$.

‘Враждебной сочтя, [нас] *застрелит*’ (АХ, 90–91).

(8). Tv=n+uöp

(8.1.) Хан Миргенге харах **хызыбысхан** [$\chi^{\text{h}} \dot{\text{z}}^{\text{h}} \text{b}^{\text{h}} \text{b}^{\text{h}} (\text{zS}) := \chi \chi \chi^{\text{h}} \text{a} (\text{n} \dot{\text{z}} \text{n} \dot{\text{z}} \text{n})$], айланып, **сых чөрібіскен** [$\text{h} \{ \text{s}^{\text{h}} \chi / = \text{f}^{\text{h}} \text{æ} = \text{r}^{\text{h}} = \text{b}^{\text{h}} \text{is} = \text{p}^{\text{h}} \text{z}^{\text{h}} (\text{nn}) \cdot \} \text{p}$].

‘Подмигнул Хан-Миргену, повернулся и *вышел*’ (АХ, 76–77).

(8.2.) Паға палаларымынаң, пағаа паарсап чөріңер
 $[\text{ḡ}\{\text{p}\alpha\cdot\text{r}=(\text{zS})\cdot\text{ḡ}/\text{ḡ}''\text{ḡ}=\text{ḡ}'\text{ḡ}=\text{n}'\cdot\text{ḡ}_{\tau}(\text{ḡr}\text{ḡ})\}].$

‘Лягушка с лягушатами, с лягушками *ласково обходитесь*’ (АХ, 84–85).

(8.3.) Олганнарнаң ойнап чөргенде [ʔ̃j̃=n·ãβ=ʒ̣ʲʳäɯ=g'en=ḍʰ(ᶠääː)=}], Ханым сынға сыххан.

‘Когда он, с детьми *играя*, на [хребет] Ханым-сын поднимался’ (АХ, 94–95).

(9). Tv=n+одыр

(9.1.) *Ікі харындас стол кистінде тыңнанып одырыбысхан-нар* [$\text{ʔ}^{\text{h}}\text{ɔ}:=\text{d}^{\text{c}}\text{ʕ}=\text{ɫ}^{\text{b}}=\text{ɫ}^{\text{b}}\text{s}:=\text{ɯ}^{\text{h}}\text{äp}=\text{n}^{\text{h}}\text{ä}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}$].

‘Единоутробные брат и сестра за столом *сидят* и вслушиваются’ (АХ, 68–69).

(9.2.) «*Аалап кірген аалчы, айланып одыр* [$\text{ʔ}^{\text{h}}\text{ä}^{\text{c}}\text{j}=\text{l}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}=\text{n}^{\text{h}}\text{ä}(\text{β}\text{φ}):=\text{ʔ}(\text{ɔ}^{\text{c}})\text{·}\text{ʕ}=\text{d}^{\text{c}}\text{ʕ}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}$] *ас чиге*» – *теен*.

‘Прибывший гость, *подвинься* [к столу], еды отведай”, – ска-зала’ (АХ, 70–71).

(9.3.) *Аны наалбин оңнап одырчададыр* [$\text{ʔ}^{\text{h}}\text{ɔ}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}=\text{n}^{\text{h}}\text{ä}\text{β}\text{φ}/=\text{ɔ}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}=\text{d}^{\text{c}}\text{·}\text{ʕ}^{\text{h}}(\text{ɫ}^{\text{c}}):=\text{ʕ}^{\text{h}}\text{ä}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}=\text{d}^{\text{h}}\text{ä}=\text{d}^{\text{c}}\text{·}\text{ʕ}^{\text{h}}\text{ɫ}^{\text{c}}(\text{ɫ}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}):]$.

‘И этого *не пропустит*, услышит’ (АХ, 88–89).

(11). Tv=n+сых

(11.1.) *Хара күреңіне алтанып, чөр сыххан* [$\text{ʔ}^{\text{h}}\{\text{ʔ}^{\text{h}}\text{ɔ}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}(\text{z}\text{s}):=\text{ɯ}^{\text{h}}\text{ä}(\text{n}\text{ɫ}^{\text{c}}\text{n}):}\}$].

‘На темно-бурого [коня] сел и *поехал*’ (АХ, 78–79).

(11.2.) *Ханат табызы хаалап сыххан* [$\text{ʔ}^{\text{h}}\{\text{ɯ}^{\text{h}}\text{ä}^{\text{c}}=\text{l}\text{ä}\text{β}^{\text{c}}=\text{ʔ}\text{s}^{\text{c}}\text{·}\text{ɯ}^{\text{h}}\text{ä}\}(\text{n}^{\text{c}}\text{n}):]$].

‘Шум крыльев *стал доноситься*’ (АХ, 88–89).

(13). Tv=n+пир

(13.1.) *Алар кізің чоохтап пирербін* [$\text{ʔ}^{\text{h}}\{\text{ʔ}^{\text{h}}\text{ɔ}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}=\text{ʔ}^{\text{h}}\text{ä}\}\text{β}=\text{p}^{\text{c}}\text{·}\text{ʕ}^{\text{c}}=\text{ɫ}^{\text{c}}\text{ɔ}^{\text{c}}(\text{ɫ}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}})\text{·}=\text{b}^{\text{c}}\text{ʕ}^{\text{c}}\text{ɫ}^{\text{c}}\text{n}^{\text{c}}$].

‘Суженую твою *назову*’ (АХ, 94–95).

(14). Tv=n+ал

(14.1.) *Ниме-ниме чін алып* [$\text{ʔ}^{\text{h}}\text{ɫ}^{\text{c}}=\text{b}\text{ä}^{\text{c}}:=\text{l}\text{x}^{\text{c}}\text{β}^{\text{c}}$], *талланып, чадып узаан*.

‘Что попало *поев*, разулся и лег спать’ (АХ, 92–93).

(15). $T_v = a + m \alpha p m$

(15.1.) *Пура тартып* [ʔpʰo=ɽʰʌ: ʔʌ:]/=tʰa(ɽɽɽ):}=ʔtʰɛβ], *ир күлүгі палбыда настыртып асхан.*

‘Храбрый из мужей, коня *повернув*, стремительной поступью поехал’ (АХ, 94–95).

Привлеченные для анализа и затранскрибированные аналитические конструкции представляют 12 наиболее частотных типов ГАК, выявленных в хакасском эпосе: (1). $Tv=n+myr$, (2). $Tv=n+nap$, (3). $Tv=n+kil$, (4). $Tv=n+xal$, (5). $Tv=n+nol$, (7). $Tv=n+cax$, (8). $Tv=n+qör$, (9). $Tv=n+odыр$, (11). $Tv=n+cых$, (13). $Tv=n+nup$, (14). $Tv=n+al$, (15). $Tv=a+marm$.

Ниже рассматриваются звуковые модификации, являющиеся показателями развития процессов утраты аналитического статуса хакасскими ГАК различного типа.

Фонетические трансформации ГАК

Исследование фонетических преобразований, сопровождающих процессы синтезаций глагольных аналитических конструкций в одном из тюркских языков Северного Алтая – чалканском, типологически и генетически близком хакасскому, показало, что доминантными показателями утраты конструкциями аналитизма являются изменения статуса внешних и внутренних пауз между компонентами глагольного сочетания, степень сохранности грамматического показателя основного глагола в форме деепричастия, происходящие во вновь сформировавшихся позиционно-комбинаторных условиях ассимилятивные изменения звукового облика ГАК: озвончение, оглушение, палатализация, редукция, элизия, переход в иной сингармонический ряд и др.

Межсловная и межслоговая пауза

Изучение характера реализации чалканских высказываний, включающих глагольные аналитические конструкции (см. раздел 2.1.), показало, что в большинстве примеров, собранных во время экспедиционных поездок в места проживания носителей языка [Языки коренных народов Сибири 2003; 2004; Озонова, Тазранова 2004: 55–72; Федина 2005; 2019], внешняя межсловная пауза, выполнявшая разграничительную функцию между компонентами ГАК, устранена, сохранились лишь внутрисловные паузы различного качества – сильные ($\neq$) и умеренные ($=$).

Представленные выше примеры глагольных аналитических конструкций, выявленных в языке хакасского героического эпоса, свидетельствуют о полной утрате внешней паузы: все 36 затранскрибированных ГАК демонстрируют стяжение компонентов конструкции в единое фонетическое слово, в котором позиция внешнего сандхи на стыке основного и вспомогательного глаголов трансформировалась во внутреннее сандхи, маркируемое сильной или умеренной межслоговой паузой.

При этом 24 ГАК (из 36) реализуются с сильной межслоговой паузой, разделяющей основной и вспомогательный глаголы, представляя девять конструкций различного типа: (1). **Tv=n+тур** ((1.2.) *кõр турадыр* [^h{kʰç·ɹʰ/=/tʰõ·=ɹʰ·λ·=d·ʃ·(ɬɬʰ):}], (2). **Tv=n+нар** ((2.1.) *кõөн парган* [^h{kʰ(äç):/= /pʰ·λ·=ɹʰ·ä=çʰ·λ·(n:ŋ):?}], (3). **Tv=n+кил** ((3.1.) *тапсан киледир* [^h{tʰ·äβ=sʰ·ʃβ/=/ɹʰ·kʰ·ɹʰ= lʰ·ʃɛ=dʰ·(ɹɹʰ):}], (5). **Tv=n+пол** ((5.2.) *устин полбин* [^h·zʰsʰ=tʰ·ʃβ/=/pʰ·ä·l=βʰ·i·(n:ŋ):]), (7). **Tv=n+сал** ((7.2.) *ат салар* [^h{tʰ·äɹʰ·ä):t/=/sʰ·ä=lä(ɹɹʰ):]), (8). **Tv=n+чõр** ((8.1.) *сых чõрiбiскен* [^h{sʰ·ɤχ/=/ʃʰ·æ=ɹʰ·i=bʰ·is=ʃʰ·ʒ(ŋŋ):?]), (9). **Tv=n+одыр** ((9.3.) *оңнап одырчададыр* [^h·ɔ·ŋ=nʰ·λβφ/=/ɔ·=dʰ·λ·(ɬ):=ʃʰ·æ·=dʰ·ä=dʰ·β·(ɬɬʰ):]), (15). **Tv=a+тарт** ((15.1.) *пура тартып* [^h{pʰ·o=ɹʰ·(h·λ·ä):/= /tʰ·ä(ɬɬʰ):}=ʃʰ·tʰ·β]). Лишь в одном примере (из 24) сильная пауза зафиксирована не только после ОГ, но и внутри звуковой оболочки двуслогового ОГ после первого слога: (7). **Tv=n+сал** ((7.1.) *хостап салган* [^h{χos/=/tʰ·λ·β·=/sʰ·{λ·=çʰ}·ɤ·(n:ŋ):]).

Следует отметить, что функционирование сильной паузы в качестве демаркационного показателя, сигнализирующего о стыке основного и вспомогательного глаголов конструкции, не коррелирует ни с наличием-отсутствием деепричастного показателя (то есть с полнотой или усеченностью формы ОГ), ни с количеством слогов в структуре ОГ: (1). **Tv=n+тур** ((1.4.) *харлап турадыр* [^h{ $\chi_{\alpha\mu}$ =l λ_{α} β/=t^ou/ɪ^o=q^oλ=n $\tilde{s}$ (n $\tilde{n}$):}]) – (1.5.) *көр турадыр* [^h{ $k^{\circ}\ddot{a}r^{\circ}$ /=t^oü_r=r^o(λ $\tilde{\lambda}$):=p^od^oŷ(μ $\tilde{\mu}$):}]), (2). **Tv=n+нар** ((2.3.) *түс парыбысханда* [t^oü_s/=p^oä_r=ŷ_rb $\tilde{s}$ s^h=χλn=dλ:}] – (2.4.) *айнып парган* [^häj=n $\tilde{s}$ ŷp_r /=p^oä(μ)·=χ^hä(n $\tilde{n}$):]).

В 12 примерах ГАК (из 36), представляющих конструкции девяти типов, все паузы – умеренные: (1). **Tv=n+тур** ((1.1.) *харлап турадыр* [^h{ $\tilde{\chi}\ddot{a}r^{\circ}$ =l $\tilde{s}$ ·b $\tilde{s}$ =t^ou/ɪ^o(λ $\tilde{\lambda}$):=d $\tilde{s}$ ɪ_r^:}]), (3). **Tv=n+кил** ((3.3.) *ибірлеп килген* [^h{(p^hir^hl^hep):=b $\tilde{s}$ ŷ=ɪ $\tilde{s}$ =l'^oë(n $\tilde{n}$)?}]), (4). **Tv=n+хал** ((4.1.) *чатхлап халган* [^h{ $\chi^{\circ}\tilde{\chi}$?ɪ=λλβ=χ α ·l=qλ(n:ɪn $\tilde{n}$):}]), (5). **Tv=n+пол** ((5.1.) *izirmin полбаан* [p^hβ=(z $\tilde{s}$):b $\tilde{s}$ ɪ_r^=t^o·b $\tilde{s}$ =p^oä_r(l $\tilde{l}$):=β^hλ $\tilde{\lambda}$ ·(n:n):]), (8). **Tv=n+чөр** ((8.3.) *ойнап чөргенде* [^h{ $\tilde{o}$ j=n^o·äβ=z^oŷ^o·ä $\tilde{\mu}$ =g^oen= d^o(^häa^o):}]), (9). **Tv=n+одыр** ((9.1.) *тыңнанып одырыбысханнар* [^h{ $\tilde{o}$ ä_r=d^oŷ=ɪ $\tilde{s}$ =b $\tilde{s}$ s^h=χ^hän=n^o·ä $\tilde{\lambda}$ ^:}]), (11). **Tv=n+сых** ((11.1.) *чөр сыххан* [^h{ $\tilde{o}$ μ(z $\tilde{s}$):= $\tilde{\chi}$ ^hä(n $\tilde{n}$):}]), (13). **Tv=n+нур** ((13.1.) *чоохтап нурербин* [^h{ $\tilde{o}$ ·ä_r=p^oä_rβ=p^o·ä_r=ɪ^o·ä_r(μ $\tilde{\mu}$):=b $\tilde{s}$ ·ŷ_r·p^hn·]), (14). **Tv=n+ал** ((14.1.) *чин алып* [^hɪ_r=bä:≡ɪ $\tilde{s}$ ·β $\tilde{s}$]).

Как показывает анализ материала, артикуляционно-акустические характеристики и дистрибуция межслоговых пауз не коррелируют с типом ГАК. Пять конструкций одного и того же вида могут реализоваться и с сильной паузой после ОГ, и без неё, используя лишь умеренные внутрисловные паузы: (1). **Tv=n+тур** ((1.3.) *нарслап турадыр* [^h{n·ä $\tilde{s}$ =l $\tilde{s}$ φ/=t^oü_r=ɪan $\tilde{\lambda}$ =d^oɪ_r·(μ $\tilde{\mu}$):}]) – (1.1.) *харлап турадыр* [^h{ $\tilde{\chi}\ddot{a}r^{\circ}$ =l $\tilde{s}$ ·b $\tilde{s}$ =t^ou/ɪ^o(λ $\tilde{\lambda}$):=d $\tilde{s}$ ɪ_r^:}]); (3). **Tv=n+кил** ((3.1.) *тапсап киледір* [^h{t^o·äβ=s^oŷ $\tilde{s}$ β/=l' $\tilde{k}$ ·ŷ $\tilde{s}$ =l' $\tilde{k}$ ·ŷ $\tilde{s}$ =d^oŷ(ɪr $\tilde{r}$):}]) – (3.2.) *сых киледір* [s^o·ŷ(ɪ $\tilde{r}$)=l' $\tilde{k}$ ·ŷ $\tilde{s}$ =l' $\tilde{k}$ ·ŷ $\tilde{s}$ =d^oŷ(ɪr $\tilde{r}$):}]); (5). **Tv=n+пол** ((5.3.) *тыңнан полбин* [t^o·ŷɪ/n^o·ä $\tilde{n}$ /=p^o·ol=β^hɪm] – (5.1.) *izirmin полбаан* [p^hβ=(z $\tilde{s}$):b $\tilde{s}$ ɪ_r^=t^o·b $\tilde{s}$ =p^oä_r(l $\tilde{l}$):=β^hλ $\tilde{\lambda}$ ·(n:n):]), (8). **Tv=n+чөр** ((8.2.) *паарсап чөріңер* [^h{p^o·ä_r=(z $\tilde{s}$):b $\tilde{s}$ /=ŷ^o·ä_r=l' $\tilde{k}$ ·ŷ $\tilde{s}$]=

твердоядная и неогубленная. Единственным рефлексом аналитизма остается формант -п в составе деепричастия (рис. 6).

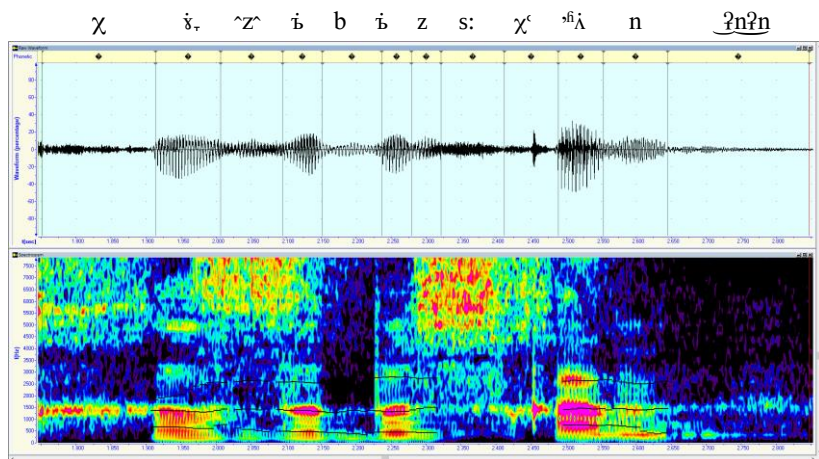

Рис. 6. Осциллограмма и спектрограмма ГАК
хызыбысхан [χʒ̣ʔ=ˆzˆʔ=bʔʔ(zs:)=χqχʃ̣λ(nʔnʔn):] ‘подмигнул’

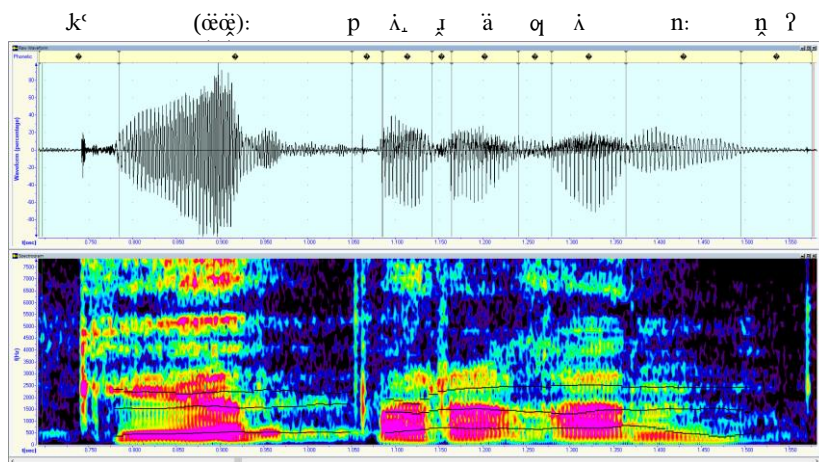

Рис. 7. Осциллограмма и спектрограмма ГАК
кõõп парған [ˆkˆ(œœ):/=pˆλˆ=ɿä=qˆλ(n:ɿ):ʔ] ‘вспучилось’

Аналитическая конструкция *köön парган* [^н{*k' (ä'ä)*:/=*p'ä*:=*ä*=*q'ä (n:n):?*}] ‘вспучилось’ демонстрирует вариант ГАК, находящийся на значительно более ранней стадии синтеза, о чем свидетельствует наличие сильной межслоговой паузы, разграничивающей основной и вспомогательный глаголы, сильный придыхательный *p'*, маркирующий анлаут вспомогательного глагола, реализация в пределах глагольного комплекса двух сингармонических моделей – мягкорядной огубленной в пределах звуковой оболочки основного глагола *köön* и твердорядной неогубленной на вспомогательном глаголе *парган* (рис. 7).

Утрата аффикса -n деепричастной формой основного глагола ГАК

В хакасском героическом сказании «Ай-Хуучын» проанализированы 36 примеров ГАК с деепричастиями на -n (35 высказываний) и на -a (1 предложение) в функции основного глагола. Из них в 11 случаях (30,6%) аффикс утрачен, в 25 высказываниях (69,4%) сохранился.

В большинстве примеров с глагольными аналитическими конструкциями одного и того же типа основной глагол может использоваться как в полной форме деепричастия, сохранившего показатель -n, так и в усеченной форме (6 типов ГАК): (1). **Tv=n+тур** ((1.7.) *körin турза* [*k'ö=ä'ä'p'ä*:/=*t'ö=ä'ä*=(*zä*):^нä] – (1.8.) *kör турадыр* [*k'ä'ä (ä'ä)*:/=*t'ö=ä'ä (ä'ä)*:=*dä'ä (ä'ä)*]); (2). **Tv=n+пар** ((2.4.) *айнып парган* [^н{*ä'ä=j*=*nä'äp*:/=*ä'ä (ä'ä)*:=*ä'ä (n'ä)*}] – (2.6.) *тут парган* [*d'ä (ä'ä)*:/=^н{*ä'ä (ä'ä)*:=*ä'ä (n'ä)*}); (3). **Tv=n+кил** ((3.3.) *ибірлеп килген* [*ä'ä (ä'ä) (ä'ä)*]=*b'ä=ä'ä=ä'ä (ä'ä)*]) – (3.2.) *сых киледір* [*s'ä (ä'ä) (ä'ä)*]=*k'ä=ä'ä=ä'ä (ä'ä)*]); (7). **Tv=n+сал** ((7.1.) *хостап салган* [^н{*ä'ä (ä'ä) (ä'ä)*:/=*s'ä=ä'ä=ä'ä (ä'ä)*}] – (7.2.) *ат салар* [*ä'ä (ä'ä) (ä'ä)*:/=*s'ä=ä'ä=ä'ä (ä'ä)*]); (8). **Tv=n+чөр** ((8.2.) *паарсап чөріңер* [^н{*ä'ä (ä'ä) (ä'ä)*:/=*ä'ä=ä'ä=ä'ä (ä'ä)*}] – (8.1.) *сых чөрібіскен* [^н{*ä'ä (ä'ä) (ä'ä)*:/=*ä'ä=ä'ä=ä'ä (ä'ä)*}); (11). **Tv=n+сых** ((11.2.) *хаалап сыххан* [*ä'ä (ä'ä) (ä'ä)*]=*ä'ä=ä'ä=ä'ä (ä'ä)*] – (11.1.) *чөр сыххан* [*ä'ä (ä'ä) (ä'ä)*]=*ä'ä=ä'ä=ä'ä (ä'ä)*]).

По пяти типам конструкций вариантов функционирования ОГ в полной форме или редуцированной, утратившей аффикс *-n*, не зафиксировано – во всех примерах предпочтение отдается аффиксальной форме: (4). **Tv=n+xal** ((4.1.) *чатхлан халган* [^h{f''·xʔʔ}=lʌβ=χ_α·l=χ_αΛ(n:ʔnʔn:)}]); (5). **Tv=n+nol** ((5.1.) *izirmin полбаан* [^hʔʔ=(zʂ):ʔ·xʔ=ʔʔ·ʔβ=ʔʔ·ʔ·(lʔʔ):=βʔhʌ·..(n:n:)}]); (9). **Tv=n+одыр** ((9.2.) *айланын одыр* [^hʔʔ·ʔj=lʔi·nʔ·(βʔ):=ʔʔ·ʔ·dʔʔ·rʔ]); (13). **Tv=n+nur** ((13.1.) *чоохтан нурербин* [^h{f''·ʔ·ʔʔ=ʔʔ·ʔ·ʔ·ʔ}β=ʔʔ·ʔ·ʔʔ·ʔ·ʔʔ·ʔ·ʔʔ]); (14). **Tv=n+al** ((14.1.) *чин алын* [^h{f''·ʔ·ʔʔ=ʔʔ·ʔ·ʔ·ʔ}]); (15). **Tv=a+тарт** ((15.1.) *пура тартын* [^h{f''·ʔ·ʔʔ=ʔʔ·ʔ·ʔ·ʔ}]). Выявлен лишь один пример ГАК с деепричастием на *-a*:

(15). **Tv=a+тарт** ((15.1.) *пура тартын* [^h{f''·ʔ·ʔʔ=ʔʔ·ʔ·ʔ·ʔ}]). Анализ примеров с ГАК, выявленных в тексте хакасского эпического произведения «Ай-Хуучын», не дает основания для констатации корреляции между частотностью конструкции в речи и степенью утраты деепричастного форманта: сопоставление произносительных паттернов наиболее употребительных типов конструкций (1). **Tv=n+тур** и (2). **Tv=n+nar** показало преобладание в списке примеров ГАК (1). **Tv=n+тур** случаев использования деепричастия на *-n* в полной форме (7 из 10) и, напротив, для конструкций типа (2). **Tv=n+nar** предпочтительнее употребление усеченных деепричастных форм (4 из 6).

Таким образом, анализ выявленных в тексте хакасского героического эпоса высказываний с глагольными аналитическими конструкциями по параметрам речевой паузации – доминантного маркера синтагматического ГАК – свидетельствует о полной утрате внешних межсловных пауз, исторически разграничивавших компоненты вербального комплекса и указывавших на их статус самостоятельных единиц – фонетических, грамматических, семантических, функциональных.

В современном языке фольклора в структуре ГАК сохранились лишь внутренние межслоговые паузы – сильные и умеренные. Превалирование конструкций с сильной внутренней паузой, отделяющей основной глагол от вспомогательного и генетически

восходящей к внешней межсловной паузе, свидетельствует на фонетическом уровне о незавершенности процесса преобразования ГАК во вторичные синтетические формы, неполноте стяжения компонентов конструкции в одно фонетическое слово и его грамматикализации.

Наличие или отсутствие в составе деепричастия, выступающего в функции основного глагола в структуре ГАК, также является важным показателем фонетических трансформаций материальной оболочки вербального кластера. Превалирование в тексте героического сказания аналитических сочетаний с полной формой деепричастия (69,4% всей выборки) в функции основного глагола свидетельствует о том, что, несмотря на активные процессы синтеза ГАК, позиции аналитизма остаются довольно устойчивыми. Сохранение деепричастных формантов *-n* и *-a*, в целом не зависящее от типа конструкции и её частотности в звучащей фольклорной речи, препятствует стяжению ГАК в единую ритмическую группу, включающую основной глагол и примыкающие к нему служебные элементы, не имеющие самостоятельного значения.

3.3. Глагольные аналитические конструкции в тувинском фольклоре: специфика фонетических трансформаций⁸

Цель исследования – выявление фонетических маркеров процессов синтеза трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций (ТДАК) в языке тувинского фольклора, определение особенностей модификаций звукового облика ТДАК на фоне тувинского литературного языка [Уртегешев и др. 2017] и в сопоставлении с языком шорских эпических произведений [Уртегешев и др. 2020].

Наше исследование, направленное на выявление фонетических паттернов тривербальных аналитических конструкций, реализующихся в языке тувинского героического эпоса, на определение преобразований звукового облика ТДАК в тексте фольклора и специфики их проявления на фоне литературного языка, а также в сопоставлении с языком шорских эпических произведений, является попыткой как внутрисистемного изучения явлений в рамках стандартного языка, так и сопоставительно-типологического анализа для выявления общих межсистемных универсальных тенденций и единичных закономерностей. Тувинские аналитические конструкции, состоящие из трёх глагольных компонентов, соответствуют бивербальным ГАК, функционирующим в других южносибирских тюркских языках, что обуславливает сопоставимость результатов исследования.

Объектом исследования в данном параграфе являются фонетические паттерны трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций, реализующихся в тувинских эпических сказаниях. Материалом послужили произведения «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», опубликованные в «Памятниках фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» [1997: Т. 12] и озвученные носителем тувинского языка. В фольклорных

⁸ Предварительные результаты исследования опубликованы в: [Селютина и др. 2021].

текстах выявлено 155 предложений, включающих ТДАК различных структурно-семантических типов. Звучащий эпический текст был конвертирован для аудитивного анализа из формата MP3 в формат wav, сегментирован с использованием программы Audacity. Контексты, включающие выявленные ТДАК, экспортированы в самостоятельные звуковые файлы. 105 высказываний с аналитическими конструкциями были проанализированы аудитивно и с применением компьютерной программы SpeechAnalyzer 3.0.1, затранскрибированы и систематизированы.

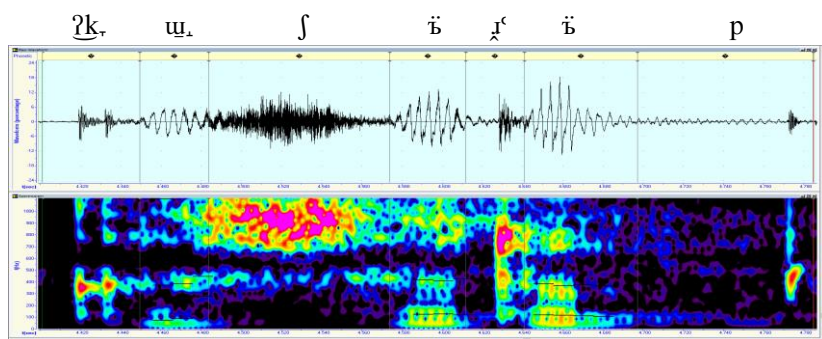
Ниже приводится образец фольклорного высказывания, особенности подачи его в работе, а также инструментальный материал, иллюстрирующий многие из обсуждаемых в данном параграфе фонетических процессов (рис. 8)⁹:

(1) «Ачам арга-даа чок кел дидир, честей» – дишкештин, **кыжырын чорун-даа туруп-тур эвесне** [ʔk₁ш₁=ʃt̪=ʃ^ʔʔp₁/=/ʔh̥c̥^ʔ=ʔo.p₁/=/ʔt̪^ʔ(aa):=t̪^ʔ/r^ʔp₁=t̪^ʔʔ/r^ʔ(ʒ=v^ʔʔs^ʔ)] аан. (Х-К., с. 168; 4,371-6,806 мс).

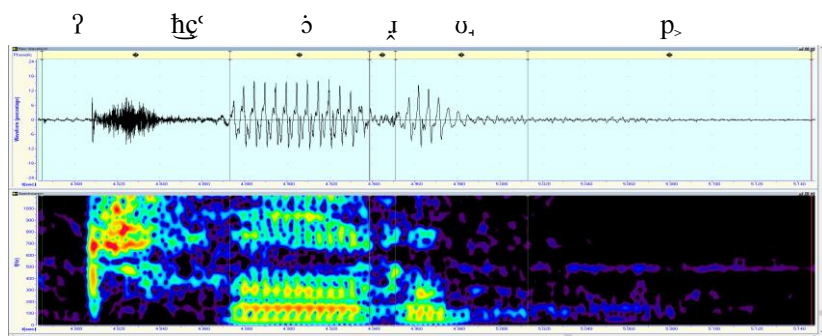
‘«Зять, отец велел обязательно прийти!» – с насмешкой ска-
зали и ушли (букв.: насмежаясь, уходили), оказывается.’ (С. 169).

⁹ ТДАК, анализируемая в рассматриваемом предложении и маркируемая порядковым номером примера (1) в соответствующем фольклорном произведении (списки примеров приводятся ниже), выделяется полужирным курсивом, в тексте перевода – курсивом. В транскрипции деление слова на слоги представлено следующим образом: знак равенства (=) означает слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой умеренной паузе; знак (/=/) – две косые линии с заключенным между ними знаком равенства – слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой сильной паузе.

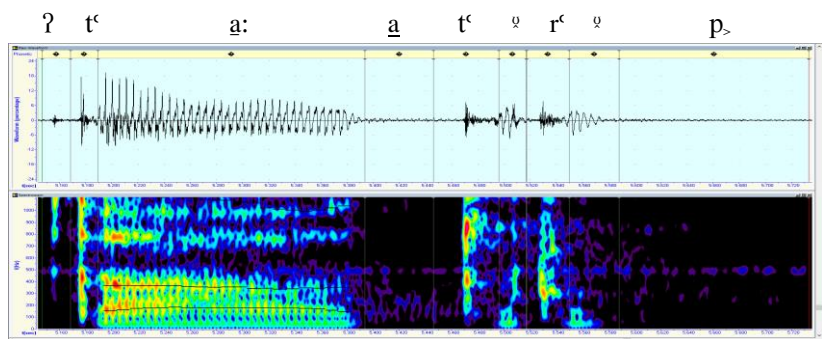
Сведения, приведенные в круглых скобках после предложения, означают следующее: аббревиатуры Х-К. – тувинское героическое сказание «Хунан Кара», Б-К,Б-Ш. – «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей»; далее указывается номер страницы в книге; следующий комплекс чисел означает начало и – через дефис – конец звучания ТДАК (в миллисекундах) в контексте звукового файла.

а

б

в

Рис. 8. Осциллограмма и спектрограмма ТДАК *кыжырып чорун-даа туруп-(тур)* ‘с насмешкой сказали и ушли’

Инвентари тувинских ТДАК в языке фольклора

Поскольку в центре внимания авторов находятся фонетические преобразования в звуковом оформлении глагольных аналитических комплексов, функционирующих в тувинских героических сказаниях, мы не ставили перед собой задачи выявления исчерпывающего инвентаря тувинских ТДАК и определения их структурно-семантических характеристик.

Как и при изучении трансформаций ТДАК в языке тувинской художественной литературы, мы принимаем за основу классификацию трехкомпонентных АК, предложенную Л. А. Шаминой и представленную в табулярном виде [Шамина 1995: 37–38; 2010: 22–32, 86–97].

Фонетический анализ ТДАК, выполненный ранее на материале произведений тувинской художественной литературы (*Даржай А. А.* Чурттаарын күзезинзе: тоожулар, чечен чугаалар. Кызыл: ТывНУЧ, 1984. 200 ар.; *Сүрүң-оол С. С.* Тывалаар кускун. Кызыл: ТывНУЧ, 1994. 349 ар.), позволил выявить в текстах образцы 18 аналитических конструкций из 26, представленных в классификации Л. А. Шаминой [Уртегешев и др. 2017: 231–233]. Их инвентарь в формульном виде приведен ниже (порядковые номера ТДАК соответствуют номерам конструкций, систематизированных в цитируемой таблице; см. выше п. 2.3. Тувинские аналитические формы глагола ...).

1. {Tv=п + ЧОРуп} тур=, 2. {Tv=п + ЧОРуп} олур=, 3. {Tv=п + КААп} чор=, 5. {Tv=п + КААп} тур=, 6. {Tv=п + КЭЭп} тур=, 8. {Tv=п + БАР=/КЕЛ=} чыт=, 11. {Tv=п + ЧЫДып} кал=, 13. {Tv=п + ЧОРуй} бар=, 14. Tv=п + {ТУРуп бер=}, 16. Tv=п + {КИРе бер=}, 17. Tv=п + {ЧЕДе бер=}, 18. Tv=a + {ХОНа бер=}, 19. {Tv=п + КИРип} кел=, 20. {Tv=п + ЧЕДип} кел=, 21. {Tv=a + ХОНуп} кел=, 23. {Tv=a + СОП / ТЫРТ / ШАП} ал=, 25. {Tv=п + БЕРип} КӨРем, 26. {Tv=п + АП} бол=.

Анализ звучащих текстов эпических героических сказаний позволил установить, что 15 из приведенных аналитических конструкций используются как в литературных, так и в фольклорных произведениях.

10 из 18 ТДАК, функционирующих в языке литературы, констатируются и в обоих эпических сказаниях:

1. {Tv=п + ЧОРуп} тур=, 2. {Tv=п + ЧОРуп} олур=, 8. {Tv=п + БАР=/КЕЛ=} чыт=, 13. {Tv=п + ЧОРуй} бар=, 16. Tv=п + {КИРе бер=}, 17. Tv=п + {ЧЕДе бер=}, 18. Tv=a + {ХОНа бер=}, 19. {Tv=п + КИРип} кел=, 20. {Tv=п + ЧЕДип} кел=, 23. {Tv=a + СОП / ТЫРТ / ШАП} ал=.

Ещё одна ТДАК употребляется в литературе и в сказании «Хунан Кара», но не отмечена в «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей»: 6. {Tv=п + КЭЭп} тур=, а четыре конструкции используются в литературе и в «Боктуг-Кириш ...», но не встречаются в «Хунан Кара»: 14. Tv=п + {ТУРуп бер=}, 21. {Tv=a + ХОНуп} кел=, 25. {Tv=п + БЕРип} КӨРөм, 26. {Tv=п + АП} бол=.

Но три из используемых в литературе конструкций в фольклорных произведениях не зафиксированы: 3. {Tv=п + КААп} чор=, 5. {Tv=п + КААп} тур=, 11. {Tv=п + ЧЫДып} кал=.

С другой стороны, три ТДАК, констатированных в языке фольклора, не встретились в проанализированных авторами произведениях художественной литературы: конструкция 12. {Tv=п+ ЧОРуп} каг= отмечена в обоих героических сказаниях, ТДАК 7. Tv={п + БЕРип} тур=, – только в «Хунан Кара», ТДАК 4. Tv={п + БАР=} чор= – только в «Боктуг-Кириш ...».

Таким образом, в рассматриваемых эпических сказаниях так же, как и в литературных сочинениях, выявлено 18 ТДАК, различия в их инвентарях незначительны:

1. {Tv=п + ЧОРуп} тур=, 2. {Tv=п + ЧОРуп} олур=, 4. Tv={п + БАР=} чор=, 6. {Tv=п + КЭЭп} тур=, 7. Tv={п + БЕРип} тур=, 8. {Tv=п + БАР=/КЕЛ=} чыт=, 12. {Tv=п+ ЧОРуп} каг=, 13. {Tv=п + ЧОРуй} бар=, 14. Tv=п + {ТУРуп бер=}, 16. Tv=п + {КИРе бер=}, 17. Tv=п + {ЧЕДе бер=}, 18. Tv=a + {ХОНа бер=}, 19. {Tv=п + КИРип} кел=, 20. {Tv=п + ЧЕДип} кел=, 21. {Tv=a +

ХОНуп} кел=, 23. {Tv=a + СОП / ТЫРТ / ШАП} ал=, 25. {Tv=п + БЕРип} КӨРем, 26. {Tv=п + АП} бол=.

Ниже приводится список высказываний с ТДАК, используемыми сказителем при исполнении героических эпических произведений «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей».

Предложения с ТДАК из сказания «Хунан-Кара»

(1). «Ачам арга-даа чок кел дидир, честей» – дишкештиң, **кыжырып чоруп-даа туруп-тур** [ʔk.щ.=ʃʃ̣=ɣ̣ʃ̣p/=ʔḥɕ̣ːɔ̣=ɣ̣o.p̣./=ʔṭː(aa):=ṭo/ɣ̣ʁ̣>=ṭːɣ̣/ṛ'(ɜ̣=ṿɛṣ')] **эвесне** аан. (X-K., с. 168; 4,371-6,806 мс).

‘«Зять, отец велел обязательно прийти!» – с насмешкой сказали и ушли (букв.: насмехаясь, уходили), оказывается.’ (С. 169).

(2). Чавыс-чавыс черлерниң бажын **бастырып чоруп орган иргин ийин** [p̣ɬsː=ʔṭːʃ̣/ɣ̣ʃ̣.p̣./=ʔḥɕ̣ːɔ̣=ṛ'(ɔ̣):ṛ=q̣ɬ̣/ṇɜ̣(ɣ̣ː=ḳɬ̣/ṇы=ɣ̣хып)]. (X-K., с. 118; 3,228-4,864 мс).

‘[Проезжая] низкие-низкие [горы], по вершинам *ступал*.’ (С. 119).

(3). Каң сонгу дуюу-биле тепкен довураа кара дүн **дүжүрүп чоруп олуруп-тур** [ṭːɣ̣/ɜ̣'ð̣=ṛːɔ̣./=ʔḥɕ̣ːɔ̣.ṛ=ṿɔ̣.ḷ=ḍːṛ=pṭʃ̣.ṛːʔ̣]. (X-K., с. 120; 3,834-5,286 мс).

‘Пыль, поднятая задними стальными копытами, ночной темнотой *опускалась*.’ (С. 121).

(4). Бежен аъттың доозунун **доозуннап чоруп олуруп-тур эвесне** [ṭːɔ̣:/ẓö=ṇap̣./=ʔḥɕ̣ːɔ̣.ṛ=ṿo=ḷɔ̣.ṛ/=ʔṭːọ̈.=ɬ̣'(ɛ̣=ṿɛṣ')] аан. (X-K., с. 120; 3,290-4,425 мс).

‘*Мчался*, оказывается, [конь] – пыль поднималась [как] от пятидесяти коней.’ (С. 121).

(5). Алдан аъттың доозунун **доозуннадып чоруп олурган** [ṭː(ɔ̣.ɔ̣):ẓ=ṇa=ḍːʁ̣p̣/=ʔḥɕ̣ːɔ̣:=ɣ̣ɔ̣=ḷɔ̣.ṛː=ɣ̣ːɬ̣ːṇ'(ɛ̣ɬ̣ː)] иргин. (X-K., с. 120; 2,748-4,685 мс).

‘*Мчался* [конь] – пыль поднималась [как] от шестидесяти коней.’ (С. 121).

(6). Ямбы-диптиң мурнуку, соңгу талазы карангы-ла кара дүн-биле **дүжүп чоруп олуруп-тур** [t'ü=ʒ''ÿp'=/h̥ç'œ=ɣ'ɔ̣:=lɔ.ɣ'=/ʔt'ö,ɣ'] эвеспе аан. (X-K., с. 130; 4,983-6,315 мс).

‘На южную и северную стороны ямбы-дипа темная-черная мгла *опускалась*, оказывается.’ (С. 131).

(7). Оранның булуду **көжүп чоруп олур** [k'ø=ʒ''ÿp'=/ʔh̥ç'ɔ̣:=ɣ'ɔ̣:=lɔ.ɣ'] ыйнаан. (X-K., с. 130; 1,943-2,705 мс).

‘Тучи Вселенной, должно быть, *надвигаются*.’ (С. 131).

(8). Аанайтың-ээнейтиң багай чүмө **элеңнедип чоруп олур** [ʕɛ=l'ɛ=nɛ=d'ɣp'=/h̥ç'ɔ̣:=ɣ'ɔ̣:=lɔ.ɣ::']¹⁰. (X-K., с. 148; 3,085-4,235 мс).

‘А вот опять плохонький кто-то *едет, покачиваясь*.’ (С. 149).

(9). Чавыс-чавыс тандыларның бажын **бастырып чоруп олуруп-тур эвеспе** [pʌs/ʔt:ʃ/rʃp'=/ʔh̥ç'ɔ̣:=ɣ'ɔ̣:=lɔ.ɣ::']¹⁰. (X-K., с. 204; 3,077-4,181 мс).

‘Ступая по вершинам низких-низких гор, *мчится*, оказывается.’ (С. 205).

(10). Чер ортузу **чедип чоруп олурарга-даа** [ʔh̥ç'œ=d'ɣp'=/h̥ç'ɔ̣:=ɣ'ɔ̣:=lɔ.ɣ::']¹⁰. (X-K., с. 236; 1,785-3,430 мс).

‘Когда *достигали* середины пути.’ (С. 237).

(11). **Ужудуп-халыдып чоруп орган** [ʔh̥ç'œ=d'ɣp'=/h̥ç'ɔ̣:=ɣ'ɔ̣:=lɔ.ɣ::']¹⁰. (X-K., с. 236; 0,782-2,694 мс).

‘Он *мчался-скакал*.’ (С. 237).

(12). **Ужудуп-халыдып чоруп-ла орган** [k'ɔ̣:=ʒ'ö=d'ɣp'=/h̥ç'ɔ̣:=ɣ'ɔ̣:=lɔ.ɣ::']¹⁰. (X-K., с. 244; 0,592-2,724 мс).

‘Мчался [Арзылан-Кара].’ (С. 245).

¹⁰ Здесь и далее: надстрочный знак ʔ{ } перед фигурной скобкой означает фарингализованное произношение заключенного в скобки текста; надстрочный знак ɣ{ } перед фигурной скобкой означает эпиглоттализованное произношение заключенного в скобки текста; надстрочный знак ɔ̣{ } перед фигурной скобкой означает фарингализованное и эпиглоттализованное произношение заключенного в скобки текста.

(20). Кара-кара булуттар *көжүгүн-хайныгып-ла кээп тур*
 $[k\ddot{o}=3\ddot{y}=y,\dot{o}:\ddot{u}p_{\rightarrow}/=x,\ddot{a}j=n\ddot{u}_1=y,\ddot{x}_{\rightarrow}=:\ddot{a}_1=k:(\epsilon f^{\rightarrow\ddot{e}}):p'=2t^{\ddot{u}}_{\rightarrow}/\ddot{a}^{\rightarrow}(\ddot{z}=v'\ddot{e}s)]$
эвесе аан. (X-K., с. 230; 2,442-4,41 мс).

‘Тут черные-черные тучи *надвинулись, за клубились*, оказываются.’ (С. 231).

(21). Кара богбазын мунуп алгаштың, *элеңнедиң-тендиңне-диң бар чыдарга* [ʔʔɛ̃ɛ̃=ɫɛ̃=nʒ=dʰɛ̃.^{ʔɛ̃ɛ̃}p=ɫ̃ːɛ̃_u=nʷ̃_u=nʷ̃_u=dʰp̃_u/=^{ʔɛ̃}[p̃l̃r̃/ɫ̃=ɫ̃l̃ʔ̃/r̃^ʔ=ɣ̃._uɫ̃_um̃^{ɫ̃}=m̃^{ɫ̃}]]. (X-K., с. 250; 2,927-4,946 мс).

‘На черном своем стригунке *поехал, качаясь-покачиваясь.*’
(С. 251).

(22). Кылаштап келген ояар-ла *чеде хона берген*
 $[h\check{c}^{\circ} \check{c} = d^{\circ} \check{c}_1^{\circ} / = x_r \check{c}_1 = n \check{c}_1 = v^{\circ} \check{c}_1 = x \check{c} \check{c}^{\circ} n]$. (X-K., с. 152; 2,706-3,628 мс).

‘Как только подъехал, кто-то *вдруг подошел*.’ (С. 153).

(23). Ширээзиниң алдында шириңейндир *сидиктеп кире берип-тур* [$\{s\}''_{\varepsilon} = \delta_{\varepsilon} \quad \checkmark = t'(\varepsilon^{\varepsilon}) : b_{\checkmark} / = /h \{k^{\checkmark} \checkmark_{\checkmark} : \varepsilon_{\checkmark} = v'_{\checkmark} \checkmark_{\checkmark} = t'(\checkmark_{\checkmark} : \cdot)\}$]. (X-K., с. 232; 2,533-3,927 мс).

‘Тот [в юрте] *забился* под ширэ¹¹ своим *намочив*.’ (С. 233).

(24). Ийи шарыны илби-шиди-биле *сога сон алгаштың*
 [‘ $\underline{s}^{\underline{g}} = \underline{y}_{\text{+}\Lambda} / \underline{s}^{\underline{g}}_{\text{+}\Lambda} = \underline{v}_{\Lambda} \circ_{\text{+}\Lambda} = \underline{q}\Lambda_{\text{+}} \text{‘} = \text{‘} \text{t}^{\text{‘}} \eta^{\text{‘}} \text{’}$], тулуптай сойгулап алгаш, өл
 хөрүк кылгылап алган иргин ийин. (X-K., с. 286; 2,446-3,605 мс).

‘Двух волов *забив* волшебством-колдовством, шкуры с них целиком снял, [кузнечный] мех из них сделал.’ (С. 287).

(25). Тос чүстүг хола-сарыг дуранын *ушта сон алгааштың*
 [ʰü.ʒʰ=tʰʌʷ/sʰɔʷ=yʌʷ=lʌʃʰ=tʰʏŋ]. (X-K., с. 118; 2,475-3,587 мс).

‘Хан *вынул* (букв.: *вынуv*) с девятью коленами медно-желтую подзорную трубу.’ (С. 119).

(26). Чалчай кара эзерин-даа *соя сон алгаитың-даа*
 $[\{ \underline{s} \ddot{u} : j a / = / \underline{s} \ddot{o} / \underline{x} \Lambda \} l = \underline{x} : \Lambda : f = t \ddot{x} n = d \{ \underline{\lambda} : \underline{\lambda} : \}]$. (X-K., с. 169; 2,240-3,666 мс).

‘Снял (букв.: сняв) скрипучее большое седло.’ (С. 169).

¹¹ *Ширэ* (*ширээ*) – низкий столик (на котором стояли изображения буддийских богов или на который ставили угощение для уважаемого человека); престол, трон (Памятники фольклора 1997: 562).

(27). Чеди бөрүзүн коданы-биле кады **чок кыла шаап алгаиш** [^н{hç'(ḡ>ḡ)k_τ/=/x_τk_τl_λ=f'λ:=vλl=q'λ.f::;}], чиге сонгу чүкте ийи-үш мыйгаанга-ла барган-дыр эвеспе аан. (X-K., с. 286; 2,646-3,953 мс).

‘Семь волков вместе с логовом их [Хунан-Кара] уничтожил (букв.: уничтожив) и к двум-трем маралухам прямо в северной стороне отправился, оказывается.’ (С. 287).

(28). Бижиин база-ла берипкеш, **кылаиштан чоруй барып-тыр эвеспе** [^н{?k_τ^сl_λf=t'λp_τ/=/hç'ḡ_τ=r'i=vλ:=r'ḡp=ʔt'ḡ/ḡ(ḡ=v'ḡs::)}] аан. (X-K., с. 184; 2,233-3,565 мс).

‘Снова письмо передал и *отправился шагом*, оказывается.’ (С. 185).

(29). Улуг кара селемезин ап алгаштын, **кылаиштан чоруй баргаиш** [^н{?k_τ^сl_λf=t'ḡ_τ ^ √=/hç'ḡ_τ=r'ḡ=vλ:=r'ḡ/ḡ_τl_λf::;)]. (X-K., с. 88; 2,417-3,633 мс).

‘Большую крепкую саблю в шестьдесят сажень [длиной], *шагом отправился* (букв.: отправившись).’ (С. 89).

(30). Узун-Назын даңгынаның өөндүвө **кылаиштан чоруй-даа барып-тыр эвеспе** [^н{?k_τ^сl_λf=t'ḡ_τ ^ √=/hç'ḡ_τ=r'ḡ_τej=t'ḡ_τ=p'λʔr'ḡ_τ=t'ḡ/ḡ(ḡ=v'ḡs::)}] аан. (X-K., с. 214; 2,338-3,956 мс).

‘К дому Узун-Назын-Дангыны *отправился шагом*, оказывается.’ (С. 215).

(31). Ашак **хап чоруп каап-тыр** эвеспе [^н{x:λ_τ p/=/hç'ḡ_τ=r'ḡ_τ ^ √=ʔk_τ^сḡ_τp=t'ḡ/ḡḡ_τ=v'ḡs::)}] он. (X-K., с. 202; 1,188-2,492 мс).

‘Старик [дальше] *отправился*, оказывается.’ (С. 203).

(32). Куу даяңгыжым-биле асканнап, ааладыр-чииледир **шаап кире-ле бергей** [^н{f:(ḡḡ): ^ p/=/k_τ^сḡ/ḡ_τḡ_τ=l'ḡ=v'ḡ_τ=r'i/ḡ_τej}] мен. (X-K., с. 74; 3,343-4,570 мс).

‘Серой палкой своей от них отбиваясь, так, что они завизжат, заскулят, я к [хану] *войду*.’ (С. 75).

(33). Бир ай хиреде **кылайтып чеде бергештин** [^н{?k_τ^сl_λj=t'ḡ_τ ^ ḡ_τp_τ/=/hç'ḡ_τ=d'ḡ=v'ḡ_τ=r'ḡ/ḡ_τḡ_τf=t'ḡ_τn_τ ^ √}], шулбу хааны-биле сен ийиже дүш берип-ле турган болгай мен. (X-K., с. 294; 1,552-3,123 мс).

‘С месяцц *летела, прилетев*, на хана шулбу и на тебя сон напустила.’ (С. 295).

(34). *Элеңнедиң чедиң келгештиң* [ʔ^hʒ=l'э=n'ë=d'ɛ^ʔɛ^ʔ/=^h{hç'ε=d'ε_ʔ=p'εl=g'εf=t'ε_hn'n}], ... (Х-К., с. 142; 0,831-2,295 мс).

‘*Покачиваясь* [в стременах], к нему *подъехал* (букв.: подъехал), ... (С. 143).

(35). Эгин ажыр каап алгаш, *кылаштап чедиң келгеш* [ʔk_ʔ'^hl_ʔɛ_ʔ=t'ε_ʔl_ʔp/=hç'ε/d'ε_ʔ ʔ_ʔ=^h{k_ʔɛl=g'εf'::}]. (Х-К., с. 158; 2,123-3,467 мс).

‘Через плечо перекинул, к [дверям] *подошел* (букв.: придя).’ (С. 159).

(36). Ону *чип чедиң келдим* [ʔhç'ɛ_ʔ ʔ_ʔp>=hç'ε=d'ε_ʔk_ʔ/=^hp'εl=d'ε_ʔm^{>m}]. (Х-К., с. 212; 0,934-1,936 мс).

‘Я ею *питался*, потому и *приехал* (букв.: питаюсь приехал).’ (С. 213).

(37). Кода-хүрээзинде кызыл хан *агып кирип келген* [(x,á=n)ä=y,ɣ_ʔɣ_ʔp/=ʔk'ɛ_ʔp>=p'εl=ɣ_ʔʔ'ɛl] кылдыр. Дүжедиң турган иргин ийин. (Х-К., с. 282; 2,323-3,476 мс).

‘Напустила сон: будто его ставку-дворец красная кровь *залила*.’ (С. 283).

Предложения с ТДАК из сказания «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей»

(1). Боктуг, Бора алышкылар ол ынчап *ойнап чоруп тургаиш* [ɔj=nɪp/=hç'ɔ_ʔɪ=t'ɔ_ʔɪ_ʔ=ɣ_ʔɔ_ʔɪ_ʔ], бир хүн кээрге, өг-даа чок, өөнүн орну чыткан. (Б-К,Б-Ш., с. 304; 2,6-3,6 мс).

‘Брат с сестрой – Боктуг и Бора – все так же *играли* (букв.: играя), однажды вернулись – ни юрты [их] нет – от юрты лишь след остался.’ (С. 305).

(2). Силер оран-турлаагарже *моорлап чоруп туруңар* [mò:r/lɪp/=hç'ɔ_ʔɪ=t'ò_ʔl/mò:r_ʔ]. (Б-К,Б-Ш., с. 474; 2,25-3,30 мс).

‘А вы в свою родную обитель *возвращайтесь*.’ (С. 475).

‘Древняя старуха с седой головой *пошатываясь, шла.*’ (С. 499).

(10). Улус кый дээн кижн бооп, кыйгы *салын бар чорда* [sʰλ:/lʰpʰ/=pʰɑ̃=ʃʰɑ̃=ʃʰɑ̃] . (Б-К,Б-Ш., с. 420; 3,015-4,010 мс).

‘(Когда) *закричала*, будто людей [на помощь] зовет.’ (С. 421).

(11). «Мен көрдүм, мен көрдүм, белгеzi белгеден чаагай кижн-дир, *мадыгайнын, медигейнин бар чор* [mʰe:=dʰej/nʰpʰ/=pʰɑ̃=ʃʰɑ̃=dʰɑ̃:]» – даа дээрлери бар. (Б-К,Б-Ш., с. 420; 3,743-5,136 мс).

‘«Я видел, я видел: этим он не обижен – *так и шлепало* (букв.: шлепает) [по воде]!» – говорили одни.’ (С. 421).

(12). Кайы *углап-шиглен бар чор сен* [öy,=lɑ̃p/=pʰj:ʰlʰepʰ/=pʰɑ̃=ʃʰesʰ], оолак? (Б-К,Б-Ш., с. 478; 0,990-2,676 мс).

‘Куда, сынок, *направляешься-едешь?*’ (С. 479).

(13). Таңдыдыва *ажын бар чыткан* [ʔä:/ʒʏpʰ/=pʰλ:ʰ=ħʧʰtʰ/=k,ä:/n(ü)] окту тудуп ап болур мен. (Б-К,Б-Ш., с. 332; 1,365-2,332 мс).

‘*Пролетающую* над горою стрелу поймать могу.’ (С. 331).

(14). Өлүрүн билбес *өөрүн бар чыдар* [ʔʷ:/ɿʏpʰ/=pʰλ:=ʒʷ=dʰɑ̃] чөгөнчиин-даа. (Б-К,Б-Ш., с. 362; 1,540-2,503 мс).

‘Вот малец: *радуясь, идет*, а не знает, что ему смерть!’ (С. 363).

(15). Кургаг ховуже *кулбурап бар чыткан* [k,ʰol/bʰʊ,=rʰɑ̃pʰ/=pʰɑ̃=ʒʷ,=ʔʰtʰk,ʰa/n(ü)] огун карак чивеш дээр аразында халыдып баргаш сегирип турган Бора-Шээлей-дир эвеспе. (Б-К,Б-Ш., с. 364; 2,5-3,65 мс).

‘Тут же Бора-Шээлей бросилась и, оказалось, стрелу, *перелетавшую* сухую степь, схватила.’ (С. 365).

(16). Аьдың, бодуң ады кымыл? Кайы *углап бар чыдар* [(k,ʰλ:/j)ö=ög,=lɑ̃p/=pʰä:=ʒʷ=dʰɑ̃] чүве сен? (Б-К,Б-Ш., с. 380; 2,909-3,913 мс).

‘Как имя твое и коня твоего? Куда *направляешься-едешь?*’ (С. 381).

(17). Кайы-углап улчуп, *тояп бар чыдар* [ʔʰö,λjɑ̃pʰ/=pʰλ:/ʒʷ,=tʰɑ̃] чүве сен? (Б-К,Б-Ш., с. 480; 2,015-2,975 мс).

‘Куда *направляешься*, [почему] *скитаешься-бродишь?*’ (С. 481).

(18). Кошкарның бирээзи коргуп, дезип ыңай боорга, бирээзи *сүрүп чоруп каап-тыр* [s'ø/ɣ'yp̣̌/=/h̥ɕˈɔ̌/røp̣̌/=/ḳːä̌=p̣̌ṭɣ̣̌]. (Б-К,Б-Ш., с. 322; 3,666-4,987 мс).

‘Один из кошкаров пустился в испуге бежать, другой *вдогонку погнался.*’ (С. 323).

(19). Чуларлыг аьды-биле ажынган хевээр *сүрүп чоруп-ла каап-тыр эвесне* [s'ø/ɣ'yp̣̌/=/h̥ɕˈɔ̌/ɣ̣̌p̣̌'=/ḷˈx̣ːä̌=ʔṭɣ̣̌(ɛ̌/v'ɛs')]. (Б-К,Б-Ш., с. 322; 2,865-4,47 мс).

‘По-прежнему в гневе, на коне с недоуздком, [Боктуг] *вдогонку погнался.*’ (С. 323).

(20). Чиге мурнуу чүгүн шиглей *хап чоруп каап-тыр эвесне* [x̣ːäp̣̌/h̥ɕˈɔ̌=ɣ̣̌p̣̌=/ḥˈḳːä̌:p̣̌=ʔṭɣ̣̌(ɛ̌=v'ɛs')] аан ам. (Б-К,Б-Ш., с. 370; 2,299-4,22 мс).

‘Прямо в южную сторону *поскакала*, оказывается.’ (С. 371).

(21). Бот-боттарын каяа, канчап, тыпчып алырын дугуржуп алгаш, Бора-Шээлей-даа *хап чоруп каап-тыр эвесне* [x̣ːäp̣̌=/h̥ɕˈœ̌=ɣ̣̌ɣ̣̌=/ḥˈḳːä̌:p̣̌=ʔṭɣ̣̌(ɛ̌=v'ɛs')]. (Б-К,Б-Ш., с. 370; 3,212-4,559 мс).

‘Условившись, где и как они встретятся, Бора-Шээлей дальше *поскакала*, оказывается.’ (С. 371).

(22). «Одаамда багай дыңмаларымга бо бүгүнү сонуградыр мен» – дээш, одаанче *хап чоруп каап-тыр* [x̣ːäp̣̌=/h̥ɕˈɔ̌/ɣ̣̌p̣̌=ḳːäp̣̌/ʔṭɣ̣̌]. (Б-К,Б-Ш., с. 408; 4,104-5,264 мс).

‘Но мне нужно обо всем сообщить моим бедным братьям, [оставшимся] в стане, – сказала и в стан свой *отправилась.*’ (С. 409).

(23). Чиге сонгу-чүгүн шиглээш, *көжүп чоруп каап-тыр эвесне* [ḳˈœ̌=ʔỵ̌p̣̌'=//h̥ɕˈɔ̌/ɣ̣̌p̣̌=ʔḳːä̌:p̣̌/ʔṭɣ̣̌(ɛ̌=v'ɛs')]. (Б-К,Б-Ш., с. 426; 2,512-3,829 мс).

‘В направлении прямо на север *кочуя, отправилась*, оказалась.’ (С. 427).

(24). Ийи кырганга чагыын чагааш, *мурнап чоруп каап-тыр эвеспе* [m:u/nl̥/=/ʔh̥c̥'o/ɣop̥/=/p̥ä:p̥/ʔt̥ɾ̥(ε=v'εs')]. (Б-К,Б-Ш., с. 428; 2,736-4,129 мс).

‘Обоим старикам наставление дала и *вперед отправилась*, оказалось.’ (С. 429).

(25). Боктуг-Кириш *аңнап чоруп каарга* [ʔäŋ/nl̥p̥/=/h̥c̥'ɔ:/ɾ̥'ɔ:/=/k̥'ɔ:(ʌʌ):ɾ̥'ɔ:/=q̥äʔ], ийи кадайлары соондан кедеп чорааш көөргө, ол бажында барган. (Б-К,Б-Ш., с. 436; 1,473-2,77 мс).

‘Когда Боктуг-Кириш *на охоту пошел*, две его жены, крадясь, следом пошли, видят: в тот дом он вошел.’ (С. 437).

(26). Анын *аңнап чой барган-дыр* [(...n)l̥ŋ/nl̥p̥/=/h̥c̥'œj=v̥l̥ɾ̥=x̥.l̥n/t̥'ɾ̥:ɿ]. (Б-К,Б-Ш., с. 434; 0,933-2,392 мс).

‘А сам *на охоту* за зверем *отправился*.’ (С. 435).

(27). «Чудатпайн, эки азырап олур!» – дээш, Малын *малдан чой баргааш* [m̥l̥/t̥'äp̥=h̥c̥'ɔj/b̥l̥ɾ̥=x̥.l̥ɾ̥/ɿ:]. (Б-К,Б-Ш., с. 434; 3,053-4,347 мс).

‘«Хорошенько о ней заботься, чтобы она не исхудала», – сказал, сам скот *выпасать отправился* (букв.: отправившись).’ (С. 435).

(28). «Кежээ апарган бе?» – дээш, *хап чой барып-тыр эвеспе* [x̥.ä/p̥/=/h̥c̥'œ'ɾ̥'ε=v̥l̥äɾ̥'=/t̥'ɾ̥(ε=v'εs')]. (Б-К,Б-Ш., с. 444; 2,192-3,594 мс).

‘«Разве настал вечер?» – сказал и [тут] *ускакал*, оказалось.’ (С. 445).

(29). «Чүдек-чадак-даа чүве-дир» – деп, *киңгирткейнин чой барган-дыр* [ʔk̥en/g̥.ɬ̥ɾ̥=k̥:ε/n̥ɾ̥p̥/=/h̥c̥'œj=b̥äɾ̥=x̥.l̥n=d̥'ɾ̥]. (Б-К,Б-Ш., с. 450; 2,392-3,787 мс).

‘«Ну и противный, гадкий какой!» – *прохрипел и убежал* (букв.: хрипя ушел).’ (С. 451).

(30). Ада-иезиниң сөөнчө *базып чой барып-тыр эвеспе* [*{p̥l̥}=*z̥s̥'ɔp̥*/=/h̥c̥'œj=b̥l̥'ɾ̥'ɔ:/=ʔʔt̥'ɾ̥(ε=v'εs')]. (Б-К,Б-Ш., с. 458; 2,315-3,352 мс).

‘И следом за отцом и матерью *отправилась*, оказалось.’ (С. 459).

(31). «Чөп-түр» – дишкеш, *ужуп чой барганнар* [ʔo,=ʒo,·p/=/hç^oæj=vλɣ=g,λn/näɣ:^ç]. (Б-К,Б-Ш., с. 460; 2,28-3,521 мс).

‘«Хорошо!» – сказали и *прочь улетели.*’ (С. 461).

(32). «Чүү адам ашак боор!» – дээш, ушта соп алгаш, *салып чой барган* [ʒ^o·a=ɫɣp/=/hç^oæj=vλɣ^ç=g,än]. (Б-К,Б-Ш., с. 464; 3,693-4,624 мс).

‘«Что за старик?» – мальчик подумал, и, схватив [письмо], *убежал.*’ (С. 465).

(33). Колдук, төжүнүң кежи *ойлуп чой барган* [ʔo,ʔ=lʏb/=/hç^oæj=vλɣ^ç=ɣ,·ä'n]. (Б-К,Б-Ш., с. 466; 2,232-3,233 мс).

‘С груди и подмышек *содралась* кожа.’ (С. 467).

(34). Ийи талаже *чортуп чоргулай барып-тырлар* [hç^o·ɣ=ʔt^oop/=/hç^o·ɣ=ɣ,·o,=läj/=/pa=ɣ·p,·p,/=/tʔ·ɣ·ɣ=ɫäɣ] эвеспе. (Б-К,Б-Ш., с. 482; 1,402-3,341 мс).

‘И *шагом разъехались*, отправившись в [разные] стороны, оказывается.’ (С. 483).

(35). Авазының олуар өөн айтырып алгаш, *хап чой баргаиш* [k,·a:·b/=/hç^o·æ^ç=vλɣ^ç=ɣ,·ä'j:']. Сараатайның улуг кадайының өөнгө хап келгеш. (Б-К,Б-Ш., с. 486; 2,584-3,627 мс).

‘Про юрту, где его мать, спросил и *ускакал* (букв.: ускакав), к юрте старшей жены Саратая прискакал, говорит.’ (С. 487).

(36). *Алган-йөрээн чой барып-тыр эвеспе* [ʔ·a'l=ʔ·q·p/=/jöæ=ɣ'e:b/=/hç^o·æj=bλɣ^ç·p·p^ç=t^ç·ɣ^ç(ë=v'es:)]. (Б-К,Б-Ш., с. 492; 0,691-2,582 мс).

‘*Благопожелание произнес и отправился*, оказалось.’ (С. 493).

(37). Сегирип алыр орта, доңгайты соп каапкаш, *салып чой барган* [ʒ^o·ä=ɫɣp/=/hç^o·æj=vλɣ^ç=ɣ,·ä'n?n]. (Б-К,Б-Ш., с. 494; 2,786-3,75 мс).

‘Только схватил – тот резко пригнулся, вырвался и *ускакал.*’ (С. 495).

(38). Боктуг-даа ок-чемзээн алгаш, аңнап-меңнеп, эьдин эьт оваа, чаан чаг оваа кылдыр *оваалап туруп берген* [ʔo,·=vλ·°=ɫ·p,·/=/h{t^o·ɣ^ç=/pʔ·ɣ^ç=ɣ,·····n?n}]. (Б-К,Б-Ш., с. 316; 6,633-7,777 мс).

‘Боктуг, взяв оружие-стрелы, охотиться стал, зверей добывал, мясо – в кучу, где мясо, сало – в кучу, где сало, складывал.’ (С. 317).

(39). «Черле адып көрейн, хааным?» – дээш, **чаннын туруп берген** [hç⁶ä=nɣ.ɸb/=/^h{t⁶./r⁶ü.p/_=/p⁶ε₁/y.ε?n:?⁶n⁶}]. (Б-К,Б-Ш., с. 342; 3,466-4,513 мс).

‘«Все же можно я выстрелю, хан мой?» – [мальчик] стал умолять.’ (С. 343).

(40). Ок-даа **сыыгайнын туруп берген** [sɤ̃:ɤ̃=y₇äj/nëb/_=/^h{t⁶./üb/_=/p⁶ε₁g'/g⁶ε?⁶n:?⁶n⁶}]. (Б-К,Б-Ш., с. 360; 1,328-2,781 мс).

‘И тут тетива луков стала звенеть.’ (С. 361).

(41). Кезенип, **тырттынын туруп берген** [^h{t⁶.r³=tɣ?⁶/n·ɣ?⁶b?bp=⁶t⁶./r⁶ɸp/_=/p⁶ε?⁶r/g⁶.ε?⁶?n?⁶}]. (Б-К,Б-Ш., с. 378; 1,695-2,928 мс).

‘Оттягивая [тетиву], стала целиться.’ (С. 379).

(42). «Кара-Сагыл ашактың уруун ап бер» – дээш, **ээрэжип туруп берип-тир** [^h{??ε·г'ε·=з⁶г⁶р/_=/⁶t⁶./ü.ɸp/_=/p⁶ε·=г⁶г⁶р⁶=?⁶tɣ⁶.ɣ⁶}]. (Б-К,Б-Ш., с. 444; 3,333-4,82 мс).

‘«Дочь старика Кара-Сагыла засватайте!» – стал умолять.’ (С. 445).

(43). Мал-даа бир тура дүшкеш, оолдуң карак одун кызаңнады, кара баарын халаңнады, **мөөп туруп берген** [m⁶ε:ɸ?p/_={t⁶ü=r⁶ü.p/_=^h{p⁶./r⁶ε=y.εn?}]. (Б-К,Б-Ш., с. 496; 5,912-7,103 мс).

‘А конь вдруг остановился и так стал брыкаться, сбросить стараясь, что у мальчика посыпались искры из глаз, черная печень его опустилась.’ (С. 497).

(44). Бир айда улуг найыр **кылып туруп берген** [^h{?k.ɣ=lɣp/_={⁶t⁶./ü.p/_=/p⁶ε·/r⁶ε=y₇εn?⁶n⁶}]. (Б-К,Б-Ш., с. 498; 1,992-3,059 мс).

‘И великий пир на месяц устроил.’ (С. 499).

(45). Күжүр Бора-Шээлей сарыг ховуже **хан кире бергеш** [^h{x.äp>=çk⁶б⁶/r⁶з'=v⁶ε=г'ε=y₇.εf⁶::}], Аян-Кулазын киженней соп кагаш. (Б-К,Б-Ш., с. 392; 2,311-3,451 мс).

‘Милая Бора-Шэлей в желтую степь *прискакала* (букв.: прискакав), на Аян-Кула пути надела.’ (С. 393).

(46). Соондан кедеп чорааш, *эдериң чеде бээрге* [^нʔε=dʒ=ɣ^сь.p/=/һсε=dε=v'εɣ^с=y'εʔ}], калбак эзимниң ортузунда ак чалым баарында сайзанақ тудуп алған. (Б-К,Б-Ш., с. 302; 2,140-3,237 мс).

‘Крадучись, за ними *следом пришел*: посредине большого леса перед белым утесом слеппен был [игрушечный] сайзанақ.’ (С. 303).

(47). Чаа, дыңмам, *аалдап чеде бергеи* [^н{ʃ_Λ.ʃ_α:l=td^сäp_с}/=һс^сε=ǰεε=ɣ^сё/γ^с.ε/з^сʹ::ʃ}], Хүн-Хаанның ара-албатызын, ара эт, азыраан малын ол-ла үзүп берген хевээр көжүрүп ал! (Б-К,Б-Ш., с. 468; 1,675-2,944 мс).

‘Ну что же, сестра, *когда в гости приедешь*, подданных людей Хюн-Хана, все добро и выращенный скот, что [он] выделил, возьми себе и откочуешь.’ (С. 469).

(48). Балдыр-бээжек оол бооп хувулгаш, *чортуп чеде бээрге* [^н{һс^сε=ǰε_с.ɣ^с=törp/=/һс^сε=d'εεɣ^с/g^сʹεʔ}], ашак доза хап кээрге. (Б-К,Б-Ш., с. 478; 2,93-4,13 мс).

‘Обратив себя в малыша-малолетку *шагом поехал*, и, *когда подъезжал*, старик навстречу ему поскакал.’ (С. 479).

(49). Боктуг-Кириш удур *девин чеде бергеи* [^н{t'εεb/=^с{һсε=d'ε=v'ε/ге=y'з^сʹ::}}]. (Б-К,Б-Ш., с. 482; 1,49-2,616 мс).

‘Боктуг-Кириш — навстречу ему *прыжками добравшись*, ...’ (С. 483).

(50). Чаа, ачай, орук-чирик билбес эвес сен, *көжүп чеде беринер* [k'ɔ.ʔ=з'yp/=/һсε={dte=v'з=ге=nεг::ʔ}]. (Б-К,Б-Ш., с. 489; 3,217-4,343 мс).

‘Ну, отец, путь-дорогу разве не знаешь, доедете сами.’ (С. 489).

(51). Огу сарыг баалыкче ажып чорда, халыдып баргаш, ол соора ап чорда *ажжа хона берген* [^н{ӥʔä/зäx_с=λ/näε=v'εɣ^с=y'εʔnʔ^с}] ... (Б-К,Б-Ш., с. 376; 5,327-6,474 мс).

‘Когда желтую седловину перелетала, [Он-Шара-моге, вслед] за нею помчавшись, хотел схватить ее, но *промахнулся* ...’ (С. 377).

(52). Сала каар орта, каптагайдыва караш-караш кынны берген, кадайынга *хөөрөн кирип кээн-тир эвесне* [‘{x̥ø: = r’эp̥ / = /k̥ʰ / r’p̥ = k’э: p = ʔt’ə, / r’(ə, = v’эs)}]. (Б-К, Б-Ш., с. 494; 1,252-2,928 мс).

‘Только коня отпустил – [тот] по миру промчался-мелькнул [отец] *вернулся*, жене *рассказал*, оказалось (*букв.: рассказывая вошел*).’ (С. 495).

(53). Одун-чадын чылыглап, аястырып алгаш, *салып чедип кээрге* [‘{(λ, f) / s̥ʰ λ = l x̥. p / = /h̥çç = d’çp / = /ʔk̥e: / r’l, r’ = g’э’}], Бора-Шээлей ... (Б-К, Б-Ш., с. 386; 3,056-4,5 мс).

‘Чат заговорный [дыханием своим] согрел – прояснилась [погода], [далее] пустился бежать, и когда *прибежал*, Бора-Шээлей ...’ (С. 387).

(54). Чеди чыл черни чеди ай болгаш *хан чедип кээн-тир* [ʰ{x̥, əp̥ / = /h̥çæ = d’çp = k’э: p’ = t̥x̥r: :’}], (Б-К, Б-Ш., с. 474; 2,94-4,047 мс).

‘Семилетний путь за семь месяцев преодолев, [к цели] *приблизился*.’ (С. 478).

(55). Бора-Шээлейниц хөрээнде ийи мөге күжү *кире хонун кээрге* [ʰ{k̥ʰ = r’æ / = /x̥, ʔ̥ = n̥ö. p = ʔk̥çç = d’aʔ}], ... (Б-К, Б-Ш., с. 366; 3,427-4,662 мс).

‘Когда в груди Бора-Шээлей *прибавилось* силы двух силачей, ...’ (С. 367).

(56). Демир илбээн дээктей соп чорда, *чеде хонун келгеш* [‘{ʔh̥çç = dæʔ / = /x̥, ə̥ = n̥öb = ʔk̥l̥ = ʏç̥: :}], эрте бар чорда, ... (Б-К, Б-Ш., с. 390; 3,344-4,631 мс).

‘Железный крючок [на нем] закрепила, и, когда он, *поравнявшись* (*букв.: достигнув*) с холмом, мимо уже пробегал, ...’ (С. 391).

(57). Боктуг-Кириш бир эптиг тудужунга *кире хонун кээрге* [‘{k̥ʰ = r̥ç / = /ʏx̥ʏç = n̥ö. ʔp’ = k’э / ç̥ = d’a’}], (Б-К, Б-Ш., с. 482, 484; 3,005-4,065 мс).

‘И тут вспомнил Боктуг-Кириш один ловкий захват.’ (С. 483, 485).

(58). Кодан дег борбак дашты **хоора сон алгаиш** [$\{x: \dot{\alpha}: \dot{\alpha} = \dot{\alpha} \dot{\alpha} / = s \dot{\alpha} = \dot{\alpha} \dot{\alpha}, l = \dot{\alpha} \dot{\alpha} \dot{\alpha} :: \}$], кагар орта ... (Б-К, Б-Ш., с. 322; 2,745-3,989 мс).

‘Камень округлый величиной с зайца от [скалы] **оторвал** (букв.: оторвав), бросил — и тут ...’ (С. 323).

(59). Тос чүстүг кара дуранын **ушта сон алгаиш** [$\{(n) \dot{u}: \dot{\alpha} = t \dot{\alpha} / = s \dot{\alpha} = \dot{\alpha} \dot{\alpha}, l = \dot{\alpha} \dot{\alpha} \dot{\alpha} :: \}$], «бараан-сараан чүү көстүүр эвес» — дээш, шинчип, көрүп олурарга, даады-ла сарыг мал хөй болган. (Б-К, Б-Ш., с. 352; 2,529-3,765 мс).

‘Черную подзорную трубу с девятью коленами **вынула** (букв.: вынув), «не покажется ли что-то вдали?» — подумав, всмотрелась, вгляделась: оказалось, много скота — сплошь белой [масти].’ (С. 353).

(60). Ажыра-сыыра кагылап, кадыг-кадыг сөөгүн каккыргылап, чымчак сөөгүн симгиргилеп, **чий сон алгаиш** [$\{^{\text{fi}} \{ \dot{h} \dot{c} \dot{e} j = \dot{z} \dot{s} \dot{\alpha} = \dot{v} \dot{\alpha} l = \dot{\alpha} \dot{\alpha} \dot{\alpha} :: \} \}$], аьдын **баглай сон каггаиш** [$\{^{\text{fi}} \{ (n) = b \dot{\alpha} = l \dot{\alpha}, j = s \dot{\alpha} k, = q \dot{\alpha} = x \dot{\alpha} \dot{\alpha} :: \} \}$], ... (Б-К, Б-Ш., с. 354; 4,719-5,851 мс; 5,855-7,398 мс).

‘Съедая, проглотила, выплюнув твердые кости, выдохнув мягкие кости, **съела** (букв.: съев) их, коня **привязала** (букв.: привязав), ...’ (С. 355).

(61). Караан ора, **чаза сон алгаиш** [$\{ \dot{h} \dot{c} \dot{a} = \dot{z} \dot{\alpha} / = s \dot{\alpha}, = \dot{\alpha} \dot{\alpha} \dot{\alpha} l = \dot{\alpha} \dot{\alpha} \dot{\alpha} :: \}$], көрүп кээрге, эжиниң огу бо-ла чыткан. (Б-К, Б-Ш., с. 390; 1,605-2,763 мс).

‘Что глаза закрывало, **сорвал** (букв.: сорвав), глянул: стрела его друга лежит.’ (С. 391).

(62). Чагызын **ушта сон алгаиш** [$\{^{\text{fi}} \{ \dot{z} \dot{\alpha}, \dot{z} \dot{\alpha} \dot{\alpha} \dot{\alpha} = t \dot{\alpha} / = s \dot{\alpha} = \dot{\alpha} \dot{\alpha} l = \dot{\alpha} \dot{\alpha} \dot{\alpha} :: \} \}$], аскы, ужазының сырызын өжүр шаап алган. (Б-К, Б-Ш., с. 400; 1,266-2,801 мс).

‘**Скинув** доху, искры изо рта и зада его, сбивая, стала гасить.’ (С. 401).

(63). Бора-Шээлей чанагаштанып каапкаш, аьдын **чавыдак-тай сон алгаш** [^h{ʔhç'λ=ʏ, dāx, ʔ/=t'æj=s'ɔ₁=vλ, l=x, λ, f}], чаваан туттунуп алгаш. (Б-К, Б-Ш., с. 420; 2,897-4,324 мс).

‘Бора-Шээлей, раздевшись, на неоседланного коня вскочила, рукой [селезня] прижала.’ (С. 421).

(64). **Чеже сон алгаш** [^hhç'ε=з'ε/=ʰh{s'ɔ=ʏλ, l=q'λf}], хап келгеш, кадайынга эккеп берген. (Б-К, Б-Ш., с. 442; 0,798-2,020 мс).

‘[Старик] его *отвязал*, к себе прискакал, жене передал.’ (С. 443).

(65). Кежегезин **тура сон алгаш** [t'ɔ₁/r'λ/=s'ɔ₁=ʏλ' l=q'λf::], ... (Б-К, Б-Ш., с. 484; 1,625-2,448 мс).

‘Косицу его *оторвав*, ...’ (С. 485).

(66). Сараатай-Мөгеңиң херекселин довук, дорзук кылдыр үргеш, **таалыңнай сон алгаш** [^h{ʔt:ç'λ:=lλŋ=næj/=s'ɔ₁=ʏλ' l=x, λ, f::}]. (Б-К, Б-Ш., с. 484; 4,818-6,367 мс).

‘Снаряжение Саратай-Мөге, дунув, в коленную чашечку и бабку[-кость] превратил, в *талын положил* (букв.: положив в переметную сумку).’ (С. 485).

(67). Арга-сүмеден **айтырып берип көрүңөр** [ʔäʔäʔ]=t' / r'ɔʔb₁ / =/p'ε:=r'λ, p'=k'ɔ₁=r'ü, =n'ër::ç, ирем? (Б-К, Б-Ш., с. 374; 1,599-2,988 мс).

‘Вы, пожалуйста, что-нибудь *посоветуйте*, дедушка!’ (С. 375).

(68). Тандыдыва ажып бар чыткан окту **тудуп ап болур мен** [^h{t'üd=la:p' / =/p'ɔ₁=lɔ, / r'z}(=m'ɛn)]. (Б-К, Б-Ш., с. 332; 2,749-3,783 мс).

‘Пролетающую над горою стрелу *поймать могу*.’ (С. 331).

Абсолютная и относительная частотность ТДАК в литературном языке и в эпосе

Статистический анализ текстов по показателям абсолютной (АЧ) и относительной частотности (ОЧ) тривербальных аналитических конструкций проводился на материале романа

С. С. Сюрюн-оола «Тывалаар кускун» ‘Ворон, говорящий на тувинском языке’, с одной стороны, и эпического сказания «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей», с другой.

В «Тывалаар кускун» рассматривались 100 страниц (6–105), в «Боктуг-Кириш...» – 102 страницы (298–501; на четных страницах – тувинский текст, на нечетных – русский). При этом учитывался фактор различной плотности печати: если в «Тывалаар кускун» общий объем текста для статистического анализа – 228 900 знаков, то в «Боктуг-Кириш...» – 122 400 знаков. Для корректности сопоставления при подсчете АЧ ТДАК был применен коэффициент поправки (КП): $228\,900 : 122\,400 = 1,87$.

Проведенный статистический анализ свидетельствует о значительно более высокой – в 3,87 раз – встречаемости ТДАК в фольклорном произведении (табл. 4, рис. 9, 10): если в художественном произведении выявлено 54 примера ТДАК, то в эпическом сказании – 112, но с учетом КП – 209 вероятных случаев употребления аналитических конструкций.

Следует отметить, что указанная в табл. 1 ТДАК 7 $Tv=\{п + БЕРип\}$ тур= зафиксирована лишь в тексте героического сказания «Хунан-Кара», не вошедшего в выборку, на базе которой построена данная таблица, чем и объясняется отсутствие в ней количественных данных по ТДАК 7.

При этом частотность ТДАК в сопоставляемых текстах различна. Если в языке художественной литературы наиболее частотными являются структуры трех типов: 13 $\{Tv=п + ЧОРуй\}$ бар= (20,37%), 8 $\{Tv=п+БАР=/КЕЛ=\}$ чыт= (16,67%), 1 $\{Tv=п + ЧОРуп\}$ тур= (14,81%), составляющие в сумме 51,85% всех выявленных примеров, то в фольклорном тексте основной массив ТДАК составляют структуры четырех типов: 2 $\{Tv=п + ЧОРуп\}$ олур= (17,86%), 13 $\{Tv=п + ЧОРуй\}$ бар= (16,96%), 23 $\{Tv=a + СОП/ТЫРТ/ШАП\}$ ал= (16,07%), 12 $\{Tv=п+ ЧОРуп\}$ каг (10,71%), на которые приходится 61,6% всей выборки.

Таблица 4

**Абсолютная и относительная частотность основных типов
ТДАК в языке художественной литературы
и в героическом эпосе тувинцев**

№	ТДАК	Художественная литература		Героический эпос		
		АЧ	ОЧ, %	АЧ	АЧ (с КП)	ОЧ, %
1	1 {Tv=п + ЧОРуп} тур=	8	14,81	3	6	2,68
2	2 {Tv=п + ЧОРуп} олур=	2	3,70	20	37	17,86
3	3 {Tv=п + КААп} чор=	1	1,85	—	—	—
4	4 Tv={п + БАР=} чор=	—	—	5	9	4,46
5	5 {Tv=п + КААп} тур=	2	3,70	1	2	0,89
6	6 {Tv=п + КЭЭп} тур=	4	7,41	—	—	—
7	7 Tv={п + БЕРип} тур=	—	—	—	—	—
8	8 {Tv=п+БАР=/КЕЛ=} чыг=	9	16,67	5	9	4,46
9	11 {Tv=п + ЧЫДып} кал=	1	1,85	—	—	—
10	12 {Tv=п+ ЧОРуп} каг	—	—	12	22	10,71
11	13 {Tv=п + ЧОРуй} бар=	11	20,37	19	35	16,96
12	14 Tv=п + {ТУРУп бер=}	1	1,85	10	19	8,93
13	16 Tv=п + {КИРе бер=}	3	5,56	2	4	1,79
14	17 Tv=п + {ЧЕДе бер=}	2	3,70	8	15	7,14
15	18 Tv=a + {ХОНа бер=}	1	1,85	1	2	0,89
16	19 {Tv=п + КИРип} кел=	—	—	1	2	0,89
17	20 {Tv=п + ЧЕДип} кел=	—	—	2	4	1,79
18	21 {Tv=a + ХОНуп} кел=	4	7,41	3	6	2,68
19	23 {Tv=a + СОП/ТЫРТ/ШАП} ал=	3	5,56	18	33	16,07
20	25 {Tv=п + БЕРип} КӨРөм	1	1,85	1	2	0,89
21	26 {Tv=п + АП} бол=	1	1,85	1	2	0,89
Всего		54	100,00	112	209	100,00

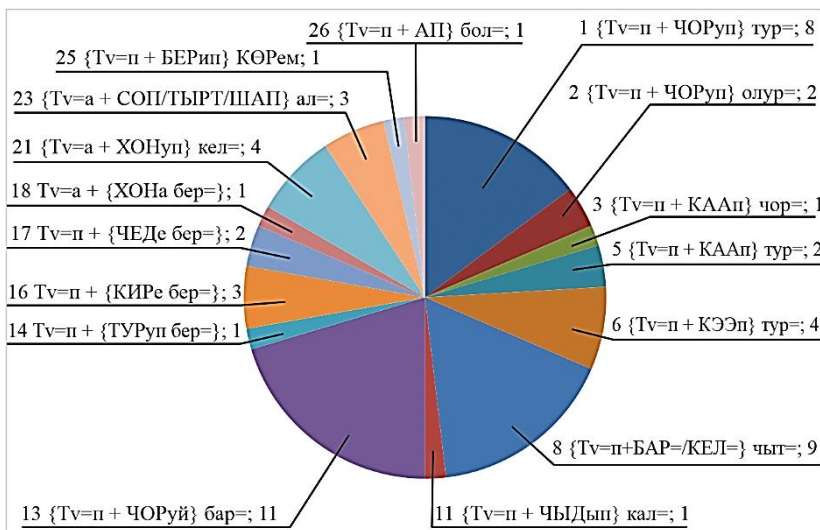

Рис. 9. Круговая диаграмма частотности ТДАК
в художественной литературе

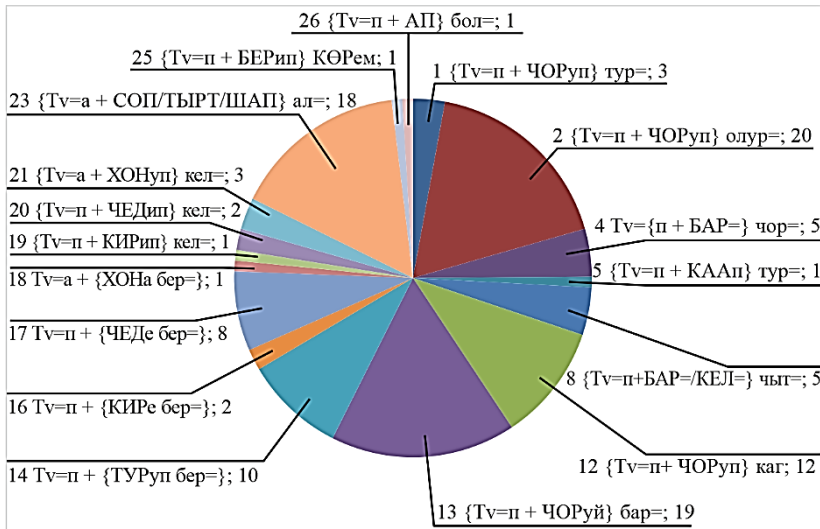

Рис. 10. Круговая диаграмма частотности ТДАК в героическом эпосе

Фонетические трансформации ТДАК

Исследование процессов синтеза ТДАК в южносибирских тюркских литературных и разговорных языках – чалканском, шорском и тувинском, а также в языке шорского героического эпоса показало, что фонетическими маркерами протекания этих процессов в звучащей речи являются «межсловные и внутрисловные паузы между компонентами ГАК, выпадение аффикса деепричастия основного глагола *-(ы)n*, ассимилятивные процессы озвончения, оглушения, палатализации, смены сингармонического ряда, реализующиеся во вновь сформировавшемся фонетическом контексте» [Уртегешев и др. 2020]. Ниже приведены результаты анализа модификаций звукового оформления ТДАК в тувинских звучащих фольклорных текстах по основным из указанных параметров.

Межсловная и межслоговая пауза

В тувинских эпических текстах во всех проанализированных аналитических по происхождению трехкомпонентных деепричастных конструкциях (105 примеров) словесная пауза между основным и вспомогательными глаголами полностью устранена, тривербальный комплекс воспринимается перцептивно как единое слово с различной степенью стяженности ОГ и ВГ.

В подавляющем большинстве случаев (101 пример) аналитические конструкции реализуются с сильной межслоговой паузой, восходящей к внешней межсловной. Исключение составляют отмеченные в «Боктуг-Кириш...» 4 примера с беспаузальной реализацией, демонстрирующей завершившийся процесс стяжения тривербального сочетания в единое фонетическое слово, сохранившее лишь умеренные межслоговые паузы.

При этом в 74 примерах (из 101) ТДАК произносятся лишь с одной сильной межслоговой паузой. Максимально частотной локализацией такой паузы является позиция после основного глагола (67 примеров из 105: 26 в Х-К. и 41 в Б-К,Б-Ш.):

(2) Чавыс-чавыс черлерниң бажын *бастырып чоруп орган* иргин ийин [pʌs:ʼ=ʔtʰ/ɾʲp>/=hʑʷɔɔ=rʼ(ɔɔ):r=qʌɫ/nʅ(ɾ:ʼ=kʅɫ/ны=ʏхын)]. (Х-К., с. 118; 3,228-4,864 мс).

‘[Проезжая] низкие-низкие [горы], по вершинам *ступал*.’ (С. 119).’

(16) Кайы *углап бар чыдар* [(k,ʼä:/j)ö=ög,=lʌp/=pʼä:ʒɔ̃=däɫ] чүве сен? (Б-К,Б-Ш., с. 380; 2,909-3,913 мс).

‘Куда *направляешься-едешь?*’ (С. 381).

Исключение составляют конструкции со вспомогательными глаголами *бер* и *тур* (5 примеров ТДАК типа: 7. Tv={п + берип} тур= и 14. Tv=п+ {ТУРуп бер=}), в которых единственная в фонетическом слове сильная пауза отделяет комплекс ОГ + 1-й ВГ от 2-го ВГ:

(18) Карарты *сүрүп берип турган* [ʃs:ʼÿ=rʼʼp>=pʼʼɛ=ɹɫ.p>/=ʔtʰ/ɾʼɫ=qʼʌʃn:}] мен. (Х-К., с. 132; 3,218-4,512 мс).

‘Я *пригонял* [за невесту] многочисленный скот.’ (С. 133).

(41) Кезенип, *тырттынып туруп берген* [ʃtʰ.ɾ³=tʃʔ/n·ʃ.ʔbʔbr>ʔtʰ/ɾʲʔp>/=pʼɛʔr/qʼ.ɛʔʔnʔ]. (Б-К,Б-Ш., с. 378; 1,695-2,928 мс).

‘Оттягивая [тетиву], *стала целиться*.’ (С. 379).

Ещё в двух примерах единственная сильная межслоговая пауза в ТДАК либо отделяет составные части парного основного глагола (6. Tv={п + кээп} тур=):

(20) Кара-кара булуттар *көжүгүп-хайныгып-ла кээп тур* [kʰ=ʒʏ=y.ö:ʃöɾ>/=x.ʌj=nuɫɫ=y.ʃ.ɾ.ɫɫ=k:ʼ(ɛʃʷɛ):pʼ=ʔtʰ/ɾʼ(ʒ=vʼɛsʼ)] *эвеспе* аан. (Х-К., с. 230; 2,442-4,41 мс).

‘Тут черные-черные тучи *надвинулись, за клубились*, оказываются.’ (С. 231),

либо локализуется перед 2-м ВГ с модальной частицей *-тыр* (12 {Tv=п+ ЧОРуп} каг):

(20) Чиге мурнуу чүгүн шиглей *хан чорун каап-тыр эвесне* [x̥.äp̚/ʔh̥çʰṵ.ṵṵ.p̚/=ʔk̚.ʌ.p̚=ʔt̚r̚ʰ(ɛ=v'ɛs')] аан ам. (Б-К,Б-Ш., с. 370; 2,299-4,22 мс).

‘Прямо в южную сторону *поскакала*, оказывается.’ (С. 371).

Значительно меньшую группу (25 примеров из 105) составляют ТДАК с двумя сильными межслоговыми паузами. При этом чаще всего (13 примеров из 25) сильная пауза размещается после основного глагола и после 1-го вспомогательного глагола. В некоторых случаях появление паузы после ВГ обусловлено постпозитивной модальной частицей *-ла*, *-тыр*, *-даа*, в семи примерах (из 13) сильная пауза разделяет вспомогательные глаголы *тур* и *бер*:

(19) Чуларлыг аьды-биле ажынган хевээр *сүрүп чорун-ла каап-тыр эвесне* [sʰe/ɾ'j̥p̚.ṵṵ/=h̥çʰṵ.ṵṵ.p̚/= 1ʌ°/x̚.ʌ.=t̚r̚ʰ(ɛ/v'ɛs')] (Б-К,Б-Ш., с. 322; 2,865-4,47 мс).

‘По-прежнему в гневѣ, на конѣ с недоуздком, [Боктуг] *водогонку погнался*.’ (С. 323).

(39) «Черле адып көрейн, хааным?» – дээш, *чаннын туруп берген* [h̥çʰṵṵ=n̥.ʋb̚/=ʔʱ{t̚ṵ.ṵṵ.p̚/=p̚ʰɛ.ʌ/ɣ̚.ɛʔn̥:ʔn̥ʰ}]. (Б-К,Б-Ш., с. 342; 3,466-4,513 мс).

‘«Все же можно я выстрелю, хан мой?» – [мальчик] *стал умолять*.’ (С. 343).

Реже фиксируются ТДАК с двумя сильными межслоговыми паузами, которые реализуются после ОГ и после 2-го ВГ (8 примеров из 25), как правило, перед модальной частицей:

(9) Чавыс-чавыс тандыларның бажын *бастырып чорун олуруп-тур* [pʌs/ʔt̚:ʃ̚/ɾj̥p̚.ṵṵ/=ʔʱ{ʔh̥çʰṵ.ṵṵ=ɾʰṵ.ṵṵ.p̚.ṵṵ/=t̚ṵ.ṵṵʰ(ɛ=v'ɛs)}] *эвесне* оң. (Х-К., с. 204; 3,077-4,181 мс).

‘*Ступая* по вершинам низких-низких гор, *мчится*, оказывается.’ (С. 205).

Зафиксировано также несколько конструкций, в которых 2-я сильная пауза локализуется внутри ВГ, отделяя аффикс местного падежа *да* или аффикс деепричастия прошедшего времени *-ган* (*-кан*):

(10) Улус кый дээн кижы бооп, кыйгы *салып бар чорда* [s'ä:/l'äp'=/p'äx=ʃ'äx'=/t'äʔ]. (Б-К,Б-Ш., с. 420; 3,015-4,010 мс).

‘(Когда) *закричала*, будто людей [на помощь] зовет.’ (С. 421).

(13) Тандыдыва *ажып бар чыткан* [ʔä:/ʒ'p'=/p'äx=hç'ε·t'=/k,ä:/n(ò)] окту тудуп ап болур мен. (Б-К,Б-Ш., с. 332; 1,365-2,332 мс).

‘*Пролетающую* над горою стрелу поймать могу.’ (С. 331).

Еще менее частотны ТДАК (4 примера из 25), в которых сильные межслоговые паузы разделяют составные части парного ОГ, а также разграничивают ОГ и 1-й ВГ:

(12) *Ужудуп-халыдын чоруп-ла орган* [k'ü,=ʒö,=d'ü,p'=/x,ä,=l,ä,=d'äb'=/hç'ä,=x'ö=lo=ʔ{ä,ä'ö-/y,ä}=nç'ä] иргин ийин. (Х-К., с. 244; 0,592-2,724 мс).

‘*Мчался* [Арзылан-Кара].’ (С. 245).

Выявлены также два примера ТДАК (из 105) с реализующимися в составе их звуковых оболочек тремя сильными межслоговыми паузами: между составными частями парного ОГ, после ОГ и после стянувшихся в единый фонетический комплекс вспомогательных глаголов перед частицей *-тыр*:

(13) *Элеңнедип-тендиңнедип чоруп олуруп-тур эвеспе* [ʔ'ä=l'ä=nç=d'äp,=/t'ä:n=d'ä=nç=d'äp,=/t'ä{hç'ä,=x'ö=|ü,ä'=/n{ʔt'ö,/(ä,=v'εs)}] аан. (Х-К., с. 260; 2,099-3,305 мс).

‘*И качаясь-покачиваясь, поехал*, оказывается.’ (С. 261),

либо после ОГ и обоих ВГ, причем 2-й ВГ отделен сильной паузой от постпозитивной частицы *-тыр*:

(34) Ийи талаже *чортун чоргулай барын-тырлар* эвеспе
 [ħçʰᵛᵃ=ʔtʰop/=ħçʰᵛᵃ=ʏ,ʊᵣ=läj/=pa=r̥ḡ.p̥/=tʰḡᵃ=l̥ḡ]. (Б-К,Б-Ш.,
 с. 482; 1,402-3,341 мс).

‘И шагом разъехались, отправившись в [разные] стороны, оказывается.’ (С. 483).

Анализ способов фонетической реализации аналитических по происхождению деепричастных конструкций по параметрам речевой паузации в звучащих текстах тувинских героических сказаний свидетельствует о значительной степени синтеза глагольных комплексов.

Полная утрата разделительной словесной паузы между основным и вспомогательными глаголами, пережившей ряд модификаций и реализующейся в речи современных исполнителей эпических произведений как внутренняя межслоговая пауза – сильная или умеренная; преобладание тривербальных конструкций с одной сильной межслоговой паузой (74 примера из 105), локализуемой после ОГ (67 примеров из 74) и являющейся рефлексом внешней межсловной паузы; наличие примеров (хотя и немногочисленных – 4 из 105) – звукового оформления ТДАК без сильных межслоговых пауз; превалирование примеров с умеренной слоговой паузой между вспомогательными глаголами демонстрируют различные стадии процесса стяжения тривербального комплекса в единое фонетическое слово.

Нарушением доминирующей тенденции к локализации единственной в ТДАК сильной межслоговой паузы в постпозиции к ОГ является её размещение после 1-го или 2-го ВГ (7 примеров из 74), обусловленное либо структурно-семантическими особенностями комплексов ОГ + бер + тур (7. Tv={п + БЕРип} тур=), ОГ + тур + бер (14. Tv=п + {ТУРуп бер=}), либо наличием в ТДАК модальных частиц *-тыр*, *-ла*, *-даа*. С указанными лексико-грамматическими компонентами оформления ТДАК, а также с использованием в функции ОГ парного глагола коррелирует также наличие в конструкциях двух сильных межслоговых пауз (25 примеров из 105).

Крайне редкое оформление ТДАК с тремя сильными межслоговыми паузами (2 примера из 105) зафиксировано в глагольных комплексах с модальной частицей *-тыр* и носит эмфатический характер.

Таким образом, хотя в звуковой оболочке трехкомпонентных глагольных комплексов, звучащих в тувинских эпических произведениях, внешняя межсловная пауза полностью устранена, что свидетельствует об активном продвижении ТДАК по пути утраты аналитизма, тем не менее, сохранение в подавляющем большинстве примеров сильной межслоговой паузы как рудимента внешней межсловной указывает на незавершенность процессов фонетической трансформации ТДАК.

Утрата аффикса *-(ы)п* деепричастной формой
основного и вспомогательного глаголов ТДАК

В звучащих текстах тувинских героических сказаний «Хунан Кара» и «Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей» выявлено 87 высказываний (из 105) с тривербальными аналитическими конструкциями, включающими деепричастия на *-(ы)п* в функции основного глагола. Почти во всех примерах (83 из 87) показатель деепричастия *-(ы)п* сохранился:

(4) Бежен аъттың доозунун **доозуннап чоруп олуруп-тур эвеспе** [tʰɔː./zö=nap₂/=/hɕɔ₂r=vo=lɔ₂r/=ʔtʰü₂=ɬ'(ë=v'ɛs')] аан. (Х-К., с. 120; 3,290-4,425 мс).

‘Мчался, оказывается, [конь] – пыль поднималась [как] от пятидесяти коней.’ (С. 121).

(5) «Бир бергени аштым эвеспе» – деп, **боданып чоруп олуруп-тур** [pʰɔ=dɨ=nɨp₂/=/hɕɔ₂·=ɬɔ₂=lɔ₂=rɔp₂/=/tʰü₂]. (Б-К,Б-Ш., с. 364; 3,14,0 мс).

‘Едет и думает: «Одно состязание я выиграла».’ (С. 365).

Лишь в четырех (из 87) предложениях аффикс *-(ы)п* деепричастной формы основного глагола утрачен:

(34) *Элеңнедин чедин келгештиң* [ʔ^hɛ̃=ʔ^hɛ̃=n^hɛ̃=d^hɛ̃^ʔ/=^h{hɛ̃^h=d^h_{ɛ̃}=p^hɛ̃l=g^hɛ̃f=t^hɛ̃n^hn^h}], ... (Х-К., с. 142; 0,831-2,295 мс).

‘Покачиваясь [в стременах], к нему *подъехал* (букв.: подъехал), ...’ (С. 143).

(24) Ийи кырганга чагыын чагааш, *мурнап чоруп каап-тыр эвеспе* [m:ɔ₁/n^hɛ̃₁/=^h{hɛ̃^ho^h/rɔp^h/=^hpä:p^h/ʔ^ht^hɛ̃^h(ɛ̃=v^hɛ̃s^h)]. (Б-К,Б-Ш., с. 428; 2,736-4,129 мс).

‘Обоим старикам наставление дала и *вперед отправилась*, оказалось.’ (С. 429).

В трех типах ТДАК (18. Tv=a + {ХОНа бер=}, 21. {Tv=a + ХО-Нуп} кел=, 23. {Tv=a + СОП / ТЫРТ / ШАП} ал=) основной глагол функционирует в форме деепричастия на -а, сохраняющего свой показатель во всех выявленных в текстах сказаний примерах (18 из 105):

(22) Кылаштап келген ояр-ла *чеде хона берген* [hɛ̃^h=d^hɛ̃^ʔ/=^hx^hɛ̃₁=n^hɛ̃₁=v^hʔ^hɛ̃₁=x^hg^hɛ̃^hn]. (Х-К., с. 152; 2,706-3,628 мс).

‘Как только подъехал, кто-то *вдруг подошел*.’ (С. 153).

(59) Тос чүстүг кара дуранын *ушта соп алгаш* [{(n)ɛ̃₁f=t^hɛ̃₁/=^hs^hɛ̃₁=v^hɛ̃₁l=q^hɛ̃₁f::}], ... (Б-К,Б-Ш., с. 352; 2,529-3,765 мс).

‘Черную подозрную трубу с девятью коленами *вынула* (букв.: вынув).’ (С. 353).

В звуковой оболочке вспомогательных глаголов, входящих в состав ТДАК, аффикс -(ы)n несколько менее устойчив: из 76 предложений, в которых оба ВГ или хотя бы один из них восходят к деепричастной форме глагола на -(ы)n, этот грамматический показатель сохранился в 48 примерах. В 11 случаях -(ы)n реализуется в той или иной форме в обоих ВГ, при этом в постпозиции ко второму из них находится модальная частица -тыр:

(31) Ашак *хап чоруп каап-тыр эвеспе* [^h{x:ɛ̃₁:p/=^h{hɛ̃^hɔ̃=^hɛ̃^ʔɛ̃₁:p=t^hɛ̃^ʔ/ɛ̃^hɛ̃₁=v^hɛ̃₁s^h:}}] он. (Х-К., с. 202; 1,188-2,492 мс).

‘Старик [далее] *отправился*, оказывается.’ (С. 203).

(18) Кошкарның бирээзи коргуп, дезип ынай боорга, бирээзи *сүрүп чоруп каап-тыр* [s'ø/ɣ'ʏp̣̌/=h̥ɕ'ɔ̌/röp̣̌/=ǩ.ä̌=p̣̌ṭ̌ɣ̌]. (Б-К,Б-Ш., с. 322; 3,666-4,987 мс).

‘Один из кошкаров пустился в испуге бежать, другой *вдогонку погнался*.’ (С. 323).

Значительно чаще показатель *-(ы)п* сохраняется только в одном из ВГ – 1-м (30 примеров) или 2-м (7 примеров), при этом обязательным условием реализации аффикса во 2-м ВГ является наличие в постпозиции к нему частицы *-тыр*:

(19) Чуларлыг аьды-биле ажынган хевээр *сүрүп чоруп-ла каап-тыр эвеспе* [s'ø/ɣ'ʏp̣̌̌/=h̥ɕ'ɔ̌/ɣ̌.ɔ̌.p̣̌̌/=ľ.ʌ°/x̌.ʌ̌:=t'ɣ̌(ë̌/v'ɛš)]. (Б-К,Б-Ш., с. 322; 2,865-4,47 мс).

‘По-прежнему в гневе, на коне с недоуздком, [Боктуг] *вдогонку погнался*.’ (С. 323).

(28) Бижиин база-ла берипкеш, *кылаштап чоруй барып-тыр эвеспе* [ʰ{ʔǩ, °ľɬ̌=t'ɣ̌p̣̌̌/=h̥ɕ'ɔ̌.ä̌=ɣ̌'ǐ=v̌.ʌ̌:=ɣ̌'ɣ̌p̣̌̌=ʔt'ɣ̌/ɣ̌(ë̌=v'ɛš:)}] аан. (Х-К., с. 184; 2,233-3,565 мс).

‘Снова письмо передал и *отправился шагом*, оказывается.’ (С. 185).

В 28 высказываниях (из 76) с глагольными комплексами, входящими к тривербальным аналитическим конструкциям с деепричастием на *-(ы)п*, этот грамматический показатель у вспомогательных глаголов утрачен. Как правило, полной редукции подвергается аффикс *-(ы)п* в составе 1-го ВГ (26 примеров из 28), значительно реже – во 2-м ВГ (1 пример) или в обоих ВГ (1 пример):

(6) Ямбы-диптин мурнуку, соңгу талазы караңгы-ла кара дүн-биле *дүжүп чоруп олуруп-тур* эвеспе [t'ǚ=ʒ'ʏp̣̌̌/=h̥ɕ'ɔ̌.ä̌:=ľ.ɣ̌'̌̌=ʔt'ǚ.ɣ̌̌] аан. (Х-К., с. 130; 4,983-6,315 мс).

‘На южную и северную стороны Ямбы-дипа темная-черная мгла *опускалась*, оказывается.’ (С. 131).

(9) Ушпа кырган көк баштыг кадай *элеңайнып чоруп олурган* [з/л'e=пзj=п'ър_/_=/hç'ö:=r'ö=lòɣ=ɣ_ä'n]. (Б-К,Б-Ш., с. 498; 2,472-3,896 мс).

‘Древняя старуха с седой головой *пошатываясь, шла*.’ (С. 499).

Таким образом, тенденция к синтезации тривербальных аналитических конструкций в языке тувинского фольклора, одним из маркеров которой является элизия деепричастного показателя *-(ы)п*, реализуется с различной динамикой на материале основных глаголов, с одной стороны, и вспомогательных – с другой. Если в составе ОГ аффикс *-(ы)п* сохраняется устойчиво (он утрачен лишь в 4 примерах из 87), то процесс трансформации звуковых оболочек вспомогательных глаголов в составе ТДАК путем выпадения *-(ы)п* и последующего стяжения глаголов в одно ритмическое целое активно развивается: из 76 потенциально возможных случаев употребления аффикса *-(ы)п* 28 не реализованы, то есть, апокопе подверглись 36,8% рассматриваемых показателей. В составе 1-го ВГ аффикс *-(ы)п* значительно более устойчив (41 пример из 48) по сравнению со 2-м ВГ (18 примеров). Обязательным условием для сохранения форманта *-(ы)п* во 2-м ВГ является наличие постпозитивной частицы *-тыр*.

Другие фонетические процессы как маркеры синтезации ТДАК

Выявленные в звучащих тувинских фольклорных текстах преобразования звукового оформления ТДАК – полная утрата межсловных пауз между компонентами тривербального комплекса, модификация внешнего сандхи во внутреннее, стяжение всей конструкции в единое фонетическое слово – детерминируют формирование нового фонетического контекста. Исследования, проведенные авторами данной работы на материале чалканского,

шорского и тувинского языков художественной литературы, а также шорского героического эпоса показали, что в результате описанных трансформаций ауслаутные или анлаутные глухие согласные, оказавшись в интервокальной или постсонантной позиции, в соответствии с законами тюркской фонетики, как правило, озвончаются.

Для тувинского консонантизма оппозиция фонем по *работе голосовых связок* не является релевантной, система структурируется противопоставлением единиц по артикуляторной напряженности: различаются сильные / слабые / сверхслабые фонемы; звонкость / глухость являются конститутивными, но не дифференциальными признаками фонем [Исхаков, Пальмбах 1961; Кечил-оол 2006: 319].

Ниже представлены примеры фольклорных текстов, иллюстрирующие различные стадии процесса ослабления аффикса деепричастия *-(b)n* в составе ТДАК вплоть до полной его утраты. Наиболее частотными реализациями ауслаутного *-n* являются исходный сильный глухой смычно-взрывной согласный «р» ((1) Б-К, Б-Ш.) и его импловивная модификация «р_ᵑ» ((14) Б-К, Б-Ш.), исторически являющаяся первой ступенью на пути к ослаблению артикуляторной напряженности форманта *-n* «р». Зафиксированы также слабые глухие «ᵑ» ((11) Х-К.), звонкие смычно-взрывные «b (ᵑ)» (там же) и импловивные «b_ᵑ» ((67) Б-К, Б-Ш.) манифестации фонемы [р]. Следующим шагом в процессе фонетической трансформации деепричастной морфемы *-n* является чередование шумных – сильных («р», «р_ᵑ») и слабых («ᵑ», «b (ᵑ)») оттенков фонемы с их малошумным сверхслабым коррелятом «т» ((15) Х-К.). Дальнейшее ослабление артикуляции финального согласного деепричастия обусловило спирализацию смычной настройки и появление щелевых реализаций – шумного слабого «v» ((63) Б-К, Б-Ш.) и малошумного сверхслабого «ᵛ» ((58) Б-К, Б-Ш.). Следствием выявленных в отдельных примерах случаев количественной редукции «ᵛ» ((26) Х-К.) сверхслабых вариантов «ᵛ» является полная утрата фонации, зафиксированная инструментально лишь как рефлекс работы голосовых связок

(33) Бир ай хиреде *кылыйтып чеде бергештиң*
 [ʰi{ʔk, ʃj}i=tʰɤ^{ʔbʰ}pʰ/=hɕʰɛ=dʰɛ=vɛ=rʰɛ/χʃj=tʰɤʔnʰ}],... (X-K., с. 294;
 1,552-3,123 мс).

‘С месяц летела, прилетев, ...’ (С. 295).

(11) *Мадыгайнып, медигейнип бар чор* [mʰe:=dʰej/nʰpʰ/=/
 pʰɑr=ʒɑr=dʰ(ɑ̌ɑ̌):]. (Б-К, Б-Ш., с. 420; 3,743-5,136 мс).

‘Так и шлепало (букв.: шлепает) [по воде].’ (С. 421).

Одним из маркеров синтеза ТДАК является количественная *редукция* гласных – как правило, узких: *ы* «*ӧ*» ((2) X-K. *бастырып* [pʰs:ʰ=tʰɤ^ʔ/rʰɤ.pʰ]), *и* «*и*» ((52) Б-К, Б-Ш. *кирип* [kʰ/rʰpʰ]), *у* «*о*» ((1) X-K. *туруп-тур* [tʰ/rʰpʰ=tʰɤ^ʔ/rʰ(ʒ=vʰɛsʰ)]).

Элизия гласного как финальная стадия его редукции становится катализатором дальнейших преобразований звуковой цепи ТДАК, – например, спيرانтизации последующего согласного и его примыкания к начальному слогу следующего глагольного компонента, – символизирующих полное стяжение вспомогательных глаголов:

(3) Кара дүн *дүжүрүп чоруп олуруп-тур*
 [tʰɤ^ʔ/ʒʰɔ=rʰɤ^ʔ/ʔhɕʰɤ^ʔr=vɤ^ʔl=dʰr=ptʰ.r:ʰɔ:]. (X-K., с. 120; 3,834-5,286 мс).

‘Ночной темнотой опускалась.’ (С. 121).

Однако параллельно с процессом редукции и эллизии гласных констатируется ярко выраженная тенденция к *расширению узких гласных* 1–2-й ступеней до настроек 3–4-й ступеней отстояния в непервом слоге словоформы. Чаще других подобным преобразованиям подвергается гласный *у*: «*и*», «*о*» → «*о*», «*э*» ((5) X-K. *Чоруп олурган* [hɕʰɤ^ʔ=ɤɔ=lɔ.rʰ=ɤ^ʔ, ʰɑ̌=nʰ] ‘мчался’; (3) Б-К, Б-Ш. *чоруп олургаи* [hɕʰɤ^ʔ=rʰɤl=ɑ̌r=ɑ̌ʰɑ̌f:]); значительно реже *и*: «*и*», «*и*» → «*е*», «*е*» и *у*: «*у*», «*у*» → «*ө*», «*ө*», «*э*» ((3) X-K. *дүжүрүп* [tʰɤ^ʔ/ʒʰɔ=rʰɤ^ʔ] ‘опускалась’.

(4) *Эвин-девин чоруп олуруп-тур эвесне* [ʔэ/vɪp=dʒ=v'ɪb_ɤ/=/hç'ɔ̣·=rɔ̣=lɔ̣=rɔ̣p/=tɔ̣=r(ə̣=v'eṣ)] аан. (Б-К,Б-Ш., с. 348; 4,6-5,7 мс).
 'И пошел, взмахивая руками, оказывается.' (С. 349).

Выпадение комплекса звуков, являющееся одним из ярких показателей активно продвигающихся процессов синтезаи АК в шорском и чалканском языках и в шорском фольклоре, в тувинских эпических текстах не столь многочисленны и проявляются в основном в элизии деепричастного форманта *-(ɤ)n*:

(5) Алдан аьттын доозунун *доозуннадын чоруп олурган* [t'(ɔ̣.ɔ̣.):z=na=d'ɤp/=/hç'ɔ̣.: =ɔ̣=lɔ̣.r' =y₊λ=n'(ɛλ')] (2,748-4,685 мс)] иргин. (Х-К., с. 120; 2,748-4,685 мс).

'Мчался [конь] – пыль поднималась [как] от шестидесяти коней.' (С. 121).

Характерной особенностью тувинских текстов является высокочастотная *имплозивность* смычных консонантных артикуляций как показатель ослабления их артикуляционной напряженности:

(21) Бора-Шээлей-даа *хан чоруп каан-тыр эвесне* [x̣̌,a₊p₊/=/ʔhç'œ=r'ɤ'/=ʔk,a₊p₊=ʔt₊r'(ε=v'eṣ)]. (Б-К,Б-Ш., с. 370; 3,212-4,559 мс).

'Бора-Шээлей *далее* поскакала, оказывается.' (С. 371).

К числу собственно тувинских уникалий следует отнести фарингализованное и (или) эпиглоттализованное произношение всей ТДАК ((10) Х-К.) или какого-то её фрагмента ((38) Б-К,Б-Ш.):

(10) Чер ортузу *чедип чоруп олурарга-даа* [ʔ^h{ʔhçε=d'ɤp₊/=/hç'ɔ̣.=ɔ̣'ɔ̣.: =ʔɔ̣ʔɔ̣l'/r'λ₊=y₊.λ=d'æ̣ʔɛ̣}],... (Х-К., с. 236; 1,785-3,430 мс).

'Когда *достигали* середины пути, ...' (С. 237).

(38) Чаан чаг оваа кылдыр *оваалап туруп берген*
 [ʔɔ̌.·vʌ.°=lʌ°p̌/=/ʰ{tʰü.ɬ'=/pʰɛɬ'='y̌.ɛʔʔnʔn}]. (Б-К,Б-Ш., с. 316;
 6,633-7,777 мс).

‘Сало – в кучу, где сало, складывал.’ (С. 317).

Специфика фонетических трансформаций тувинских ТДАК в языке художественной литературы и в героическом эпосе

Анализ тувинских литературных текстов позволил распределить все выявленные примеры ТДАК по трем классам в зависимости от расположения внешней межсловной паузы: 1) ТДАК, в которых межсловная звуковая пауза отсутствует: $V_1 + V_2 + V_3$; 2) ТДАК с паузой между основным и первым вспомогательным компонентами: $V_1 \neq V_2 + V_3$; 3) ТДАК с паузой между вспомогательными компонентами: $V_1 + V_2 \neq V_3$.

ТДАК 1-го класса составляют 36% от всех анализируемых примеров и по употребляемости занимают 2-е место (после ТДАК 2-го класса). Такая конструкция воспринимается, фактически, как единое фонетическое слово, внешнее сандхи меняет статус и становится внутренним.

2-й класс ТДАК составляет почти половину (46%) всей выборки и по частоте использования в тексте занимает первое место. Данные тривербальные ТДАК характеризуются тем, что ОГ (V_1) отделен внешней продолжительной звуковой паузой от комплекса ВГ ($V_2 + V_3$). Подвергнувшееся стяжению сочетание ВГ воспринимается как единый звуковой комплекс.

ТДАК 3-го класса наименее частотны – 18% выборки. Их специфику составляет отсутствие межсловной паузы между ОГ и 1-м ВГ при сохранении внешней звуковой паузы между 1-м и 2-м ВГ [Уртегешев и др. 2017: 233–239].

Как показано выше, в фольклорных звучащих текстах все проанализированные ТДАК (105 примеров) реализуются без внешней межсловной паузы, трансформировавшейся во внутреннюю межсловную – сильную или умеренную. В подавляющем боль-

шинстве случаев (101 из 105) ТДАК имеет в своей звуковой оболочке сильные паузы; выявлено лишь 4 примера, не содержащие ни одной сильной паузы и демонстрирующие максимальную завершенность процесса синтеза АК. Преобладают конструкции с одной сильной паузой (74 из 101), при этом в 67 случаях (из 74) она локализуется в постпозиции к ОГ.

Сопоставление тувинских ТДАК, выявленных в языке художественной прозы и в текстах эпических сказаний, по параметрам речевой паузации свидетельствует о значительно большей степени утраты аналитизма конструкций в фольклорных произведениях по сравнению с литературными сочинениями. Падение межсловной паузы, выполнявшей делимитативную функцию между вербальными компонентами конструкций, доминирование в звуковой цепи ТДАК умеренных межслоговых пауз, преобразование контекста внешнего сандхи во внутреннее указывают на существенное продвижение ТДАК по пути синтеза в эпосе относительно литературного языка.

Общность развивающихся трансформаций ТДАК в двух ипостасях вербальной культуры тувинцев проявляется в активно развивающейся тенденции к сохранению относительной самостоятельности (фонетической, грамматической, лексической) 1-го компонента ТДАК – основного глагола, с одной стороны, и десемантизации, утрате морфологического статуса, выпадению фонетических компонентов в составе вспомогательных глаголов, с другой.

Что касается второго основного маркера процессов синтеза тувинских ТДАК – сохранения или утраты деепричастного аффикса *-(ы)n*, то в языке художественной литературы он устойчиво воспроизводится лишь в конструкциях 3-го класса, наименее частотных (18% выборки) и характеризующихся отсутствием внешней межсловной паузы между ОГ и 1-м ВГ при сохранении её между 1-м и 2-м ВГ. Реализация форманта *-(ы)n* в условиях утраты основного фонетического показателя аналитизма конструкции – внешней паузы – является фактором сопротивления

комплексов рассматриваемого класса активно развивающимся процессам грамматикализации.

Остальные типы тривербальных сочетаний, составляющие 84% тувинских ТДАК в языке художественной прозы, отличаются нестабильностью употребления деепричастных аффиксов *-(ы)n*, обусловленной тем, что они утрачивают или уже утратили свою семантику в составе конструкций. В тех же случаях, где этот показатель еще сохраняется, он выполняет, по большей части, функцию интерфикса.

В фольклорных произведениях, как было показано выше, устойчивость ауслатунной деепричастной морфемы в составе ТДАК значительно выше: в 83 из 87 высказываний с трехкомпонентными аналитическими конструкциями, включающими деепричастия на *-(ы)n* в функции основного глагола, аффикс последовательно реализуется.

Более высокая динамика выпадения форманта *-(ы)n* в тривербальных конструкциях, выявленных в текстах тувинских героических сказаний, отмечается при функционировании деепричастий в качестве ВГ: лишь в 48 примерах из 76 сохранился рассматриваемый грамматический показатель.

Таким образом, на материале ТДАК 3-го класса в литературном языке и по данным фольклорных произведений можно констатировать закономерность определенной взаимокompенсации доминантных маркеров степени синтетизации аналитических глагольных конструкций: чем менее устойчивы показатели паузации – межсловной и межслоговой, тем более сохранены форманты деепричастия *-(ы)n*.

Сопоставление процессов утраты аналитизма трехглагольными деепричастными аналитическими конструкциями в двух проявлениях вербальной культуры этноса – в языке тувинской художественной литературы и в звучащих фольклорных текстах – свидетельствует как об активном продвижении их по пути синтетизации, так и о достаточно прочных позициях аналитизма в ТДАК. Динамичное ослабление позиций речевой паузации в де-

лимитативной функции в языке эпических сказаний компенсируется устойчивостью деепричастного форманта *-(ы)п*. Инновационные процессы преобразования сдерживаются стремлением к традиционности, формульности, консерватизму, свойственным эпической фольклорной традиции [Кузьмина 2019: 18].

Специфика фонетических трансформаций АК в тувинских эпических произведениях в сопоставлении с шорскими

Кроме внутрисистемного исследования фонетических трансформаций глагольных аналитических конструкций в рамках конкретных современных южносибирских тюркских стандартных языков, выявления их специфики на фоне языков фольклора, несомненный интерес представляют сопоставительно-типологические разработки, направленные на поиск общих межсистемных универсальных тенденций и единичных закономерностей.

Изучение происходящих в современных языках фольклора алтае-саянских тюркских народов процессов синтеза ГАК как показателей общих для южносибирского региона фонетических трансформаций, выявление в каждом из идиомов уникальности этих преобразований как компонентах артикуляторных кодов этнических групп – одна из задач, стоящих перед авторами работы. Сопоставление проводилось на материале тувинских и шорских героических сказаний.

Простой статистический подсчет абсолютной и относительной частотности шорских аналитических конструкций в текстах художественной литературы из сборника «Чедыген», с одной стороны, и в эпическом сказании «Кӱннӱ кӱрген Кӱн Кӱӱк», с другой, свидетельствует о значительно более высокой встречаемости ГАК в фольклорном произведении [Уртегешев и др. 2020: 150–152]. Если в художественной прозе зафиксировано 407 ГАК, то в эпосе – 1 547 конструкций, то есть в 3,8 раза больше.

Аналогичное соотношение показателей частоты встречаемости ТДАК в фольклорном и литературном произведениях констатируется и для тувинской вербальной традиции: в героическом

сказании трехглагольные аналитические конструкции употребляются в 3,87 раза чаще. Объясняется более высокая частотность АК в языке фольклора следованием эпической традиции устойчивости, стабильности и консервативности.

Сопоставительный анализ текстов шорских и тувинских героических сказаний по параметрам реализации доминантного фонетического признака – речевой паузации, маркирующей процессы синтеза глагольных аналитических конструкций, позволил выявить как общность происходящих преобразований, так и уникальность их реализации в каждой из этнических культур.

Как уже отмечалось, и в шорском, и в тувинском эпосе во всех аналитических конструкциях делимитативная словесная пауза между компонентами вербального комплекса полностью утрачена, констатируются различные этапы стяжения глаголов. В обеих фольклорных культурах АК реализуются с межслоговыми паузами – сильными или умеренными, генетически восходящими к внешним межсловным.

Специфика тувинских тривербальных конструкций, соответствующих шорским бивербальным, заключается не только в их более сложной лексико-грамматической структуре, но и в большей устойчивости – по сравнению с шорским фольклором – паузальности как маркера степени аналитизма. Если в шорском эпосе сильная межслоговая пауза в условиях утраты внешней межсловной паузы разделяет основной и вспомогательные глаголы ГАК в 77 примерах из 109 (70,6%), то в тувинском – в 101 примере из 105 (96,2% выборки), то есть фактически на всем массиве предложений с ТДАК.

При этом как в шорской, так и в тувинской вербальных культурах функциональная значимость паузации как демаркационного показателя в структуре АК более устойчива в языке художественной литературы, чем в фольклоре. В тувинском языке художественного нарратива, как показано выше, внешняя пауза различной локализации сохраняется в большинстве типов ТДАК (в 64% выборки), в шорском языке этот показатель значительно ниже: внешняя интерглагольная пауза реализуется лишь

в 13 примерах из 93, то есть в 14% всей выборки ГАК. В фольклорных же произведениях внешняя пауза утрачена и в тувинской, и в шорской традициях, но сильная межслоговая пауза как рефлекс межсловной значительно сохраннее у тувинцев.

Деепричастный аффикс *-(ы)n* как доминантный показатель степени синтетизации глагольных аналитических конструкций в тувинской и шорской вербальных культурах демонстрирует тенденцию к выпадению, имеющую специфику в каждой из них.

В тувинских героических сказаниях деепричастная морфема *-(ы)n* проявляет значительно более высокую устойчивость относительно языка художественной литературы: если функционирование этого форманта в повествовательной прозе отличается нестабильностью и в большинстве случаев его употребление факультативно, то в эпосе его сохранность значительно выше – он реализуется в 95% примеров ТДАК, имеющих в своей структуре деепричастие на *-(ы)n* в функции основного глагола.

В шорской вербальной традиции ситуация несколько иная. Если из 88 примеров выявленных в художественной литературе глагольных аналитических конструкций с деепричастиями на *-(ы)n* в 49 случаях (55,7%) показатель утрачен и лишь в 39 высказываниях (44,3%) сохранился, то в героическом сказании из 87 проанализированных примеров ГАК в 46 случаях (52,9%) аффикс *-(ы)n* утрачен, в 41 высказывании (47,1%) сохранился – степень сохранности форманта *-(ы)n* примерно одинакова в языке художественной прозы и в эпосе.

Результаты сопоставления закономерностей и тенденций развития фонетических преобразований в языках фольклора с выявленными ранее соответствиями в стандартных языках являются информативным историко-лингвистическим источником для определения общности и специфики фонетических универсалий, соответствующих плану выражения языкового знака.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования фонетических трансформаций глагольных аналитических конструкций в двух формах вербальных культур тюркских народов алтае-саянского региона – в языках художественной литературы и в фольклорных эпических произведениях – позволили выявить, с одной стороны, общие фонотактические особенности южносибирской лингвокультуры, определяемые заложенным в генетической памяти этносов единым региональным архетипом, с другой стороны, выявить уникальные характеристики фонетических процессов, являющиеся маркерами принадлежности к тому или иному коммуникативному сообществу, неотъемлемыми компонентами культурного кода этносов.

Фонотактика как языковая универсалия, включающая алгоритмы сочетаемости звуков в потоке речи, закономерности комбинаторики, фонотактические ограничения, – один из доминантных параметров артикуляционно-акустической базы, определяющий специфику языка.

ААБ как система произносительных навыков и их акустических коррелятов относится к числу основных лингвистических универсалий в системе универсалий культуры, уникальность реализации которых в каждом конкретном языке является одной из базовых основ этнической самоидентификации.

Хотя лингвистика универсалий, зародившаяся ещё в античные времена и активно разрабатываемая отечественными и зарубежными учеными с середины прошлого века, проявляет огромный интерес к фонетической проблематике, тем не менее, артикуляционно-акустическая база не являлась предметом непосредственного анализа в рамках этого актуального и перспективного научного направления.

В данной работе впервые выдвигается концепция артикуляционно-акустической базы как лингвистической универсалии. Сетка фонико-фонологических оппозиций, сформулированных

в теории ААБ, рассматривается нами как универсалия, абстрактный конструкт, реализующийся в конкретных языках в специфичных ААБ, каждая из которых характеризуется уникальным пучком корреляций и модусов и является маркером культурно-языковой идентичности. Используя символическую запись универсалий, разработанную Б. А. Успенским, данный постулат можно представить в виде формулы: $\forall - \exists$ ААБ («Все вербальные языки имеют артикуляционно-акустическую базу»).

Изучение уникальных проявлений универсальных фонотактических закономерностей и фонико-фонологических процессов, происходящих в аналитических формах глагола в позициях внешнего и внутреннего сандхи, проводилось на инструментальных данных по трём южносибирским тюркским языкам – чалканскому, шорскому и тувинскому, и звучащим текстам героического эпоса хакасов, шорцев и тувинцев.

Результаты аудитивного и аппаратного анализа бивербальных конструкций чалканского и шорского разговорных и литературных языков и языков фольклора, а также соответствующих им тувинских трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций позволили выявить, с одной стороны, общность направленности фонетических преобразований, сопровождающих процессы стяжения аналитических конструкций, с другой – существенные различия в степени и скорости развития этих трансформаций.

В основе сандхиальных фонетических преобразований звукового облика ГАК лежат процессы десемантизации входящих в их состав глагольных форм, ослабления их статуса, утраты базовой семантики и лексико-грамматических характеристик, что, в свою очередь, детерминирует устранение межсловных пауз с последующим слиянием компонентов ГАК в единое фонетическое слово, трансформацию позиций внешнего сандхи во внутреннее, реализацию ассимилятивных закономерностей, обусловленных вновь сформировавшимся фонетическим контекстом.

В **чалканском** языке фактически во всех типах глагольных аналитических конструкций завершилось выпадение деепричаст-

ного показателя основного глагола вследствие утраты им информативности, в большинстве случаев устранена внешняя пауза, выполнявшая делимитативную функцию между компонентами ГАК, фонетическая позиция, являющаяся по происхождению позицией внешнего сандхи, реализуется в языке современных чалканцев как внутрисандхияльная вследствие стяжения исторически самостоятельных лексем в единое слово.

При возникновении в результате стяжения определенного фонетического контекста на стыке основного и вспомогательного глаголов происходит контактная регрессивная ассимиляция ауслаута ОГ по звонкости-глухости, ослабление сильнонапряженных (фарингализованных) артикуляций в анлауте ВГ, выпадение звуков или звуковых комплексов в интервокале на стыке морфем с последующим стяжением соседних гласных в один долгий и утратой этой долготы – в речи современных чалканцев случаи реализации вторичной долготы в стяженных ГАК фиксируются крайне редко.

Значительно медленнее осуществляется сингармонизация – дистантная ассимиляция по палатальной и лабиальной рядности вспомогательных компонентов бивербальных конструкций, что осложняет процессы их синтеза.

В современном **шорском** языке существуют значительные ограничения на использование аналитических конструкций. По способности подвергаться звуковым преобразованиям на стыке слов и морфем шорские деепричастные ГАК разделены на три группы: ГАК, в которых такие изменения облигаторны; ГАК с факультативными фонетическими изменениями; ГАК, характеризующиеся стабильностью звуковых оболочек.

Для звукового облика ГАК с регулярно повторяющимися звуковыми изменениями ($Tv=n+одур=$, $Tv=n+ыс=$, $Tv=n+ал=$, $a(лын)+V^{всп.}$, $Tv=V+нер=$) наиболее характерны процессы озвончения глухих ауслаутных и анлаутных согласных, ассимиляции по назальности, выпадения компонентов слова, геминации согласных, фиксируемые в позициях сандхи. Для бивербальной конструкции $a(лын)+V^{всп.}$ облигаторна сильная редукция деепричастной формы ОГ, представленного в современном шорском

языке лишь инициальным гласным *a*-. Столь значительное усечение основного глагола в составе конструкции, аналитической по происхождению, свидетельствует о том, что процесс синтеза, уходящий корнями в далекое прошлое, в настоящее время полностью завершён и единственным маркером аналитизма в генезисе формы может быть наличие сильной межслоговой паузы.

В ГАК с факультативно происходящими звуковыми изменениями ($Tv=(n)+nep=$, $Tv=(n)+kel=$, $Tv=(n)+cal=$, $Tv=(n)+al=$) преобразования затрагивают конструкции указанных подтипов в тех случаях, когда к основному глаголу в отрицательной форме на *-паан* / *-пан* присоединяется вспомогательный глагол с инициальным глухим согласным: межсловная пауза устраняется, внешнее сандхи трансформируется во внутреннее, вследствие чего формируются фонетические условия для озвончения глухого анлаутного консонанта ВГ, оказавшегося в постсонантно-превокальной позиции.

Отсутствие звуковых преобразований в бивербальных комплексах ($Tv=(n)+nap=$, $Tv=(n)+mup=$, $Tv=n+шы=$, $Tv=(n)+kõp=$, $Tv=(n)+çõp=$) свидетельствует об устойчивости конструкций, сохранении ими статуса аналитических.

В результате фонетического анализа **тувинских** трехкомпонентных деепричастных аналитических конструкций было выявлено три класса единиц в зависимости от расположения внешней звуковой паузы. При этом ГАК одного и того же типа могут входить в различные с точки зрения фонетических преобразований классы, что может быть обусловлено различной частотностью использования конструкций в речи.

Первый класс ГАК тувинского языка характеризуется отсутствием межсловной звуковой паузы между компонентами тривербального сочетания. Такая ГАК воспринимается как единое фонетическое слово, внешнее сандхи становится внутренним. Тем не менее процесс стяжения нельзя считать завершённым, поскольку выравнивания по палатальной гармонии гласных в ГАК первого класса не происходит: чаще всего один из трёх компонентов реализуется с иной палатальной осью, чем два остальных.

Наиболее продуктивны явления синтезаци в аналитических конструкциях с вокальной осью, однородной как по ряду, так и по огубленности.

ГАК второго класса наиболее частотны. Они характеризуются тем, что основной глагол (1-й компонент ГАК) отделен внешней продолжительной звуковой паузой от вспомогательных глаголов (2-го и 3-го компонентов сочетания), комплекс же вспомогательных глаголов воспринимается как единое фонетическое слово.

Спецификой третьего класса тувинских деепричастных трехкомпонентных аналитических конструкций является отсутствие межсловной паузы между основным глаголом и первым вспомогательным, в то время как между вспомогательными глаголами отмечается внешняя продолжительная звуковая пауза, которая делит конструкцию на два комплекса: первый – V_1+V_2 , второй – V_3 .

Таким образом, в чалканском, шорском и тувинском разговорных и литературных языках зафиксированы различные стадии процесса синтезаци ГАК. Если в языке чалканцев во многих случаях стяжение аналитических форм привело к окончательной утрате ими прозрачности структуры, к невозможности вычленения вспомогательных глаголов, то в шорском выделение вспомогательных глаголов в бивербальных комплексах, аналитических по происхождению, не вызывает особых затруднений, несмотря на активное протекание процессов утраты лексическими компонентами ГАК самостоятельности, стяжения их в одно слово с соблюдением правил фонотактики и подчинением законам шорского сингармонизма. В тувинском же языке процесс упрощения ГАК находится на более ранних этапах, уже пережитых контактными южносибирскими тюркскими языками – чалканским и шорским.

Сопоставление языков художественной литературы с языками фольклорных произведений свидетельствует о значительно более высокой встречаемости ГАК в фольклоре по сравнению с литературой. Статистический подсчет абсолютной и относительной частотности ГАК в текстах художественной прозы, с одной стороны, и в эпических сказаниях, с другой, свидетельствует о том,

что в шорском героическом эпосе вербальные аналитические конструкции встречаются в 3,8 раза, а в тувинском – в 3,87 раза чаще, чем в литературных сочинениях.

Сравнительный анализ текстов шорских и тувинских героических сказаний по параметрам реализации доминантного фонетического признака – речевой паузации, маркирующей процессы синтеза ГАК, показал, что и в шорском, и в тувинском эпосе во всех аналитических конструкциях делимитативная словесная пауза между глагольными компонентами словосочетания полностью утрачена, констатируются различные этапы стяжения глаголов. В обеих фольклорных культурах ГАК реализуются лишь с межслоговыми паузами – сильными или умеренными, генетически восходящими к внешним межсловным.

Специфика тувинских тривербальных конструкций, соответствующих шорским бивербальным, заключается не только в их более сложной лексико-грамматической структуре, но и в большей устойчивости – по сравнению с шорским фольклором – паузальности как маркера степени аналитизма. Если в шорском эпосе сильная межслоговая пауза разделяет основной и вспомогательные глаголы ГАК в 70,6% выборки, то в тувинском – в 96,2% выборки, то есть фактически на всем массиве предложений с ГАК; сильная межслоговая пауза как рефлекс межсловной значительно сохраннее у тувинцев.

Деепричастный аффикс *-(ы)п* как один из доминантных показателей степени синтеза ГАК в тувинской и шорской вербальных культурах демонстрирует тенденцию к выпадению, имеющую свою специфику в каждой из них.

Анализ инновационных фонетических трансформаций, происходящих в южносибирских тюркских глагольных аналитических конструкциях, позволяет заключить, что на синтагматическом уровне реализуются одновременно два разнонаправленных процесса: существенное упрощение структуры ГАК, сокращение числа глагольных слов путём их стяжения при одновременном усложнении синтезированной словоформы вследствие увеличе-

ния количества её морфологических и фонетических составляющих, непрозрачности и неочевидности морфологического членения.

Полученные данные позволяют постулировать в качестве лингвистической универсалии положение о том, что в результате утраты аналитизма сложными глагольными конструкциями основные фонетические преобразования распространяются, прежде всего, на вспомогательные глаголы, в меньшей степени затрагивая основной глагол (вне зависимости от его положения в конструкции).

Таким образом, результаты сопоставительного исследования фонетических трансформаций глагольных аналитических конструкций в двух репрезентациях алтае-саянских тюркских вербальных культур – в языках литературы и фольклора – свидетельствуют о типологической общности структурных модификаций, обусловленной паттернами, сохранившимися в генетической памяти южносибирских этносов. Однако в эпосе инновационные процессы преобразования сдерживаются стремлением к традиционности, стереотипности, сохранению языковой архаики, следованию архетипическим моделям, свойственным эпической фольклорной традиции и расцениваемым носителями культуры как показатели престижности, высокого языкового стиля.

В иерархии структурообразующих факторов этнической идентичности – родной язык, традиции и обычаи, совместное проживание на данной территории, верования, историческая память, поведенческие стратегии и пр. – доминирующим является язык, одной из наиболее ярких и значимых составляющих которого является артикуляционно-акустическая база. Носители различных – даже близких генетически и типологически идиомов – отождествляют нового участника коммуникации прежде всего не «по одежке» и даже не «по уму», а по его произношению: «наш» он, из соседнего населенного пункта или из отдаленных мест.

Специфика модификаций современного звукового оформления глагольных аналитических конструкций в каждой из родственных тюркских вербальных культур Южной Сибири сфор-

мировалась благодаря тому, что артикуляционные уклады, сложившиеся на ранней стадии существования общественных групп и сохраняющиеся на протяжении веков в своих доминантных характеристиках даже при переходе этносов на другие языки, выполняют функцию аккумуляторов, хранителей, трансляторов и манифестаторов социально-исторического опыта предшествующих поколений. Этнические и языковые пересечения, взаимодействия и взаимовлияния, имевшие место в прошлом народов, сохранились в языковом сознании, реализуясь, в частности, в артикуляционно-акустических параметрах речи нынешних алтае-саянских тюрков.

Данные, полученные в результате исследования фонико-фонологического фрагмента многоуровневой, многоаспектной и динамичной системы словесности этноса в сопоставлении с этно-территориально близкими культурами, послужат цели создания общей модели вербальной культуры, включающей как взаимодействие и взаимовлияние языка, фольклора и литературы одной этнической группы, так и инвариантную, прототипическую составляющую вербальных традиций разных этносов.

Предложенная разработчиками проекта «Культурные универсалии вербальных традиций народов Сибири и Дальнего Востока: фольклор, литература, язык» система вербальных универсалий, ориентированная на принципы общечеловеческих представлений о ценностных – эстетических, морально-нравственных ориентирах, с одной стороны, и на материальные средства выражения идеального содержания, с другой, включает рабочие инвентари понятийно-ценностных рядов (см. Приложение 3) и культурных кодов в их типовых реализациях (см. Приложение 4).

Поскольку наше исследование, посвященное внутри- и межсистемному анализу фонетических трансформаций звукового облика глагольных аналитических конструкций в двух формах словесности тюркских народов алтае-саянского региона, направлено на разработку концепции артикуляционно-акустической базы как лингвистической универсалии в системе универсалий культуры, была предпринята попытка интерпретации полученных данных в терминах понятийно-ценностных рядов и культурных кодов.

На наш взгляд, артикуляционно-акустическая база, обеспечивающая в процессе коммуникации план выражения, безусловно соотносится с такими культурными константами, как правильное / неправильное, сакральное / профанное (высокое / низкое), сопричастность / чуждость (свое / чужое), хорошо / плохо, мужское / женское, простое / сложное. Члены того или иного этнического сообщества для характеристики произношения в традициях ААБ своего социума в представленных оппозициях выбирают позитивный вариант ценностей: правильное, высокое, сопричастное (свое), хорошее, простое.

При этом в системе указанных оппозиций ключевым является противопоставление свой / чужой, определяемое любым участником процесса вербального общения с первых же произнесенных собеседником слов. Артикуляционно-акустическая база как система кодирования и передачи этнолингвистической информации последующим поколениям общности, как доминантная составляющая этнического архетипа является одним из наиболее ярких показателей принадлежности участников процесса коммуникации к той или иной группе социума, маркеров культурно-языковой идентичности в оппозиции «свой – чужой».

В то же время трактовка корреляций правильное / неправильное, сакральное / профанное (высокое / низкое), хорошо / плохо, простое / сложное применительно к артикуляционно-акустическим характеристикам речи может варьировать в зависимости от эстетических представлений коммуникантов.

Оппозиция мужское / женское, реализующаяся в произношении на линейном уровне в речи ряда народов, в тюркских языках алтае-саянского региона представлена слабо, не изучена и проявляется, скорее, в акустических параметрах – высоте основного тона и тембровых характеристиках голоса.

Однако, приняв во внимание не только сегментные, но и суперсегментные просодические характеристики речи, список понятийно-ценностных коннотаций произносительных паттернов можно существенно расширить. С помощью интонационных и – шире – ритмомелодических средств при продуцировании и перцепции речи реализуются такие смысловые оппозиции, как

вера / (сомнение) / неверие, власть / подчинение (исполнение), добро / зло, душевные и социальные качества человека (ум / глупость, сила / слабость, смелость / трусость, трудолюбие / лень и др.), запрет / разрешение, любовь / ненависть, правда (истина) / ложь, радость / горе, счастье / несчастье, удовольствие / страдание и пр.

В системе культурных кодов вербальных культур основным в плане реализации коммуникативных процессов является звуковой код – лингвистическая универсалия, определяющая в своих конкретных проявлениях уникальность той или иной традиции. Эмоциональные состояния и их проявления в живой интонируемой речи передаются с дополнительным использованием психосоматического культурного кода.

Поиски универсального в вербальных традициях народов Сибири и сопредельных регионов направлены на выявление тех инвариантных, прототипических признаков, которые объединяют, интегрируют культуры, способствуют межкультурному взаимодействию и диалогу носителей различных традиций. В то же время, выявление специфических черт служит сбережению миноритарных языков как одной из составляющих биологического, культурного и языкового единства, сохранению самобытности этнических жизненных укладов, языкового и культурного многообразия.

Под напором безудержной и неотвратимой глобализации желание, стремление сохранить уникальность родного языка и культуры всё больше овладевает умами народов мира, и – особенно – малочисленных этносов, остро осознающих опасность исчезновения, утраты традиций, этнического и национального кода. Задача ученых – помочь народам в их благородном стремлении к сохранению своих культур в современном полиэтническом обществе.

ЛИТЕРАТУРА

Абумова О. Д. Структурная типология тюркских причинно-следственных конструкций и ее семантическая реализация в хакасском языке. Абакан: ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2013. 186 с.

Арбачакова Л. Н., Кузьмина Е. Н. Шорский эпос: признаки угасания традиции // Сибирский филологический журнал. 2014. № 1. С. 68–72.

Арбачакова Л. Н., Невская И. А. Функции имен алыпов в шорском эпосе // Актуальные вопросы тюркологических исследований. К 180-летию кафедры тюркской филологии Санкт-Петербургского гос. ун-та / Сб. статей под ред. Н. Н. Телицина, Й. Н. Шена. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 419–427.

Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии) / И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, А. Ю. Летягин, А. И. Шевела, А. А. Добрина, Г. А. Эсенбаева, А. А. Савелов, М. В. Резакова, Ю. А. Ганенко. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 372 с. (Интеграционные проекты СО РАН. Вып. 41).

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 608 с.

Баданова Т. А. Словесное ударение в алтайском языке в сопоставительном аспекте. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. 316 с.

Баскаков Н. А. Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). Грамматический очерк, тексты, переводы, словарь. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1985. 236 с.

Бельтюкова Н. П. Дистрибуция согласных четвертой артикуляции в долганском языке // Языки народов Сибири. Кемерово, 1977. С. 59–61.

Бесолова Е. Б. Фольклор как источник для реконструкции форм традиционной культуры // Вопросы литературы и фольклора. Сборник научных статей. Выпуск VIII. Часть 1. Владикавказ, 2015. С. 4–13.

Биткеев П. Ц. Согласные фонемы калмыцкого языка (на материале экспериментальных исследований). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1965. 68 с.

Боргаяков В. А. Лексикология тюркских языков Южной Сибири. Учебное пособие. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакаский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2011. 40 с.

Брызгунова Е. А. Интонация и смысл предложения // Русский язык за рубежом. 1967. № 1. С. 35–41.

Брызгунова Е. А. Интонация // Русская грамматика / Н. Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. 1. С. 96–122.

Бурнакова К. Н., Боргаякова Т. Н. Исследование глагольных аналитических образований в тюркских языках // Программа и тезисы XXVII Международной научной конференции «Дмитриевские чтения». (г. Москва, 4 октября 2019 г., МГУ им. М. В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки). С. 20.

Бурнакова К. Н., Боргаякова Т. Н. Глагольные аналитические образования и их роль в формировании видовременной системы в тюркских языках Южной Сибири // Вопросы тюркской филологии. Выпуск XIII: материалы Дмитриевских чтений. М.: Изд-во МБА, 2020. С. 72–80.

Гацак В. М. Фольклористика Советского Союза за 50 лет // Известия АН СССР. 1972. Т. XXXI. Серия литературы и языка. Вып. 6. С. 548–558.

Гринберг Дж., Осгуд Ч., Дженкинс Дж. Меморандум о языковых универсалиях // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 31–44.

Дамбыра И. Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 224 с.

Дампилова Л. С., Силантьев И. В., Ким И. Е., Кузьмина Е. Н., Шатин Ю. В. Универсалии вербальной культуры: в поисках общего понятия // Сибирский филологический журнал. 2020. № 4. С. 9–28.

Дианова В. М. Универсалии культуры как основа межкультурного диалога // Диалог цивилизаций: философские, культурологические, исторические аспекты. Материалы междунар. конф. Каир, 26–29 ноября 2007 г. Казань, 2008. С. 28–36.

Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 307 с.

Журавлев В. К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. М.: Наука, 1982. 328 с.

Журавлев В. К. Диахроническая фонология. М.: Наука, 1986. 231 с.

Журавлев В. К. «Книга жизни» Н. С. Трубецкого (к столетию со дня рождения) // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 101–115.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. 336 с.

Зиндер Л. Р. Общая фонетика: Учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высш. школа, 1979. 312 с.

Зубарева Н. Б. Музыкально-лингвистические универсалии (опыт реализации «искусствометрического» подхода: Автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. Пермь, 2010. 38 с.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1961. 470 с.

Карнов В. Г. Семантика глагола *пол* = ‘быть’, его морфологические и синтаксические функции в хакасском языке // Исследования по современному хакасскому языку. Абакан, 1980. С. 63–74.

Карнов В. Г. О полифункциональности бытийного глагола Одыр «сидеть» в хакасском языке // Хакасский язык: Проблемы и перспективы развития. Абакан, 2007 а. С. 78–85.

Карнов В. Г. О полифункциональности глагольного корня ТУР «Стоять» в тюркских языках // Хакасский язык: Проблемы и перспективы развития. Абакан, 2007 б. С. 86–92.

Карнов В. Г. О полифункциональности глагольного корня Чат «лежать» в хакасском языке // Хакасский язык: Проблемы и перспективы развития. Абакан, 2007 в. С. 92–94.

Касевич В. Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1983. 296 с.

Кечил-оол С. В. Типологическая специфика консонантизма сут-хольского говора в системе говоров и диалектов тувинского языка. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 362 с.

Кирсанова Н. А. Консонантизм в языке чалканцев (по экспериментальным данным). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 149 с.

Кокошиникова О. Ю. Семантическая структура многозначного глагола в хакасском языке в сопоставлении с тюркскими языками Южной Сибири. Новосибирск: ИД «Сова», 2004. 144 с.

Кузьмина Е. Н. Отражение архетипических моделей в «*loci communes*» героических сказаний народов Сибири // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 18–26.

Курпешко Н. Н., Широбокова Н. Н. Бивербальные конструкции с глаголами бытия в шорском языке. Кемерово: Кузбасский политехнический институт, 1991. 75 с.

Кызласова И. Л. Глагольные аналитические формы в тюркских языках Южной Сибири. Учебное пособие. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2011. 48 с.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Мамудян М. Лингвистика. М.: Прогресс, 1985. 200 с.

Матусевич М. И. Введение в общую фонетику: Пособие для студентов, 3-е изд. М.: Учпедгиз, 1959. 135 с.

Матусевич М. И. Л. В. Щерба как фонетик // Памяти академика Л. В. Щербы. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1951. С. 75–78.

Мельников Г. П. Системная лингвистика и ее отношение к структурной // Проблемы языкознания: Доклады и сообщения советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. М.: Наука, 1967. С. 98–102.

Меркурьев К. В. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке бачатских телеутов // Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974. С. 49–64.

Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. Учебное пособие. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.

Наделяев В. М. Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л., 1960. 68 с.

Наделяев В. М. Артикуляционная классификация гласных // Фонетические исследования по сибирским языкам. Новосибирск, 1980. С. 3–91.

Наделяев В. М. Теоретическое и практическое значение фонетических исследований по языкам народов Севера // Письменность народов Сибири. История и перспективы. Новосибирск, 1981. С. 11–37.

Наделяев В. М. К типологии артикуляционно-акустических баз (ААБ) // Фонетические структуры в сибирских языках. Новосибирск, 1986. С. 3–15.

Наделяев В. М. Современный монгольский язык. Фонетика и орфоэпия // Языки Сибири и Монголии. Новосибирск, 1987. С. 3–74.

Огни Кузбасса. «Чедыген». Сборник произведений шорской литературы на шорском и русском языках. Кемерово, 2007. № 28.

Озонова А. А. Модальные аналитические конструкции в алтайском языке. Новосибирск: Любава, 2006. 216 с.

Озонова А. А., Тазранова А. Р. Аналитические конструкции в чалканском диалекте (в сопоставлении с алтайским литературным языком) // Языки коренных народов Сибири. Вып. 15: Чалканский сборник. Новосибирск, 2004. С. 55–72.

Ооржак Б. Ч. Временная система тувинского языка. М.: Языки славянских культур, 2014. 184 с.

Пайтген Х.-О., Рихтер П. Х. Красота фракталов. Образы комплексных динамических систем: Пер. с англ. М.: Мир, 1993. 176 с., ил.

Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1990–н/в.

Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с.

Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / Коллектив. моногр.: Абаева Ю. Д., Будаев Б. Ж., Бураев И. Д., Бюраева Э. И., Ильина Л. А., Кошкарева Н. Б., Мальцева А. А., Невская И. А., Озонова А. А., Рыжикова Т. Р., Селютина И. Я., Скрибник Е. К., Уртегешев Н. С., Шамина Л. А., Широбокова Н. Н. Новосибирск: ООО «Ника», 2005. 197 с.

Рыжикова Т. Р. Консонантизм языка барабинских татар (сопоставительно-типологический аспект). Новосибирск: изд-во СО РАН, 2005. 269 с.

Сарбашева С. Б. Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. 244 с.

Селютина И. Я. Кумандинский консонантизм. Экспериментально-фонетическое исследование. Новосибирск: Наука. Сибирское отд-е, 1983 а. 184 с.

Селютина И. Я. Общие черты консонантизма в языках некоторых аборигенов Западной Сибири // Язык как исторический источник. Новосибирск, 1983 б. С. 4–14.

Селютина И. Я. Сингармонизм в мягкорядных словоформах в тюркских языках Южной Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 1999. № 4. С. 58–62.

Селютина И. Я. Сингармонизм в мягкорядных словоформах в тюркских языках Южной Сибири // *Res Linguistica*. М., 2000. С. 385–392.

Селютина И. Я. Фонологические системы языков народов Сибири. Учебное пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2004. 100 с.

Селютина И. Я., Байыр-оол А. В., Добринина А. А. Глагольные аналитические конструкции в тувинском фольклоре: специфика фонетических трансформаций // *Сибирский филологический журнал*. 2021. № 4. С. 181–198.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С. Фонетические изменения в позициях сандхи в аналитических формах тюркского глагола как феномен исторической памяти этноса // *Сибирский филологический журнал*. 2017. № 2. С. 136–158.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р. Чалканские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // *Языки коренных народов Сибири*. Выпуск 18. Аналитические структуры в простом и сложном предложении. Новосибирск, 2006. С. 216–234.

Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р., Дамбыра И. Д., Кечил-оол С. В. Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири). Новосибирск: Изд-во «Омега Принт», 2014. 312 с.

Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 318 с.

Сложность языков сибирского ареала в диахронно-типологической перспективе / Коллектив. моногр.: Байыр-оол А. В., Кошкарева Н. Б., Мальцева А. А., Невская И. А., Озонова А. А., Панина Е. С., Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Федина Н. Н., Шагдурова О. Ю., Шамина Л. А., Широбокова Н. Н. / Отв. ред. А. А. Мальцева. Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2018. 422 с.

Степанов Ю. С. Основы языкознания. М.: Просвещение, 1966. 271 с.

Субракова В. В. Консонантизм ниже-тёйского говора сагайского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 28 с.

Субракова В. В. Система согласных сагайского диалекта хакасского языка: Сопоставительный аспект. Новосибирск: ИД «Сова», 2006. 244 с.

Субракова В. В. Консонантизм кызыльского диалекта хакасского языка: сопоставительный аспект. Абакан: ООО «Книжное издательство «Бригантина», 2017. 172 с.

Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. 228 с.

Трубецкой Н. С. Основы фонологии. М.: Иностранная литература, 1960. 372 с.

Уртегешев Н. С. Шумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. 304 с.

Уртегешев Н. С. Малошумный консонантизм шорского языка (на материале мрасского диалекта). Новосибирск: Сова, 2004. 240 с.

Уртегешев Н. С. Внутриязыковые фонетические процессы, влияющие на усложнение языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2015. № 2, вып. 29. С. 81–88.

Уртегешев Н. С. Фонетика чулымско-тюркского языка по записям 70-х годов XX века // Урало-алтайские исследования. 2016. № 1(20). С. 105–110.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р. Глагольные аналитические конструкции в шорском фольклоре: специфика фонетических трансформаций // Вестник Томского гос. ун-та. Филология. 2020. № 68. С. 138–169.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи // Языки коренных народов Сибири. Вып. 19: Развитие аналитических структур в условиях языковых контактов. Новосибирск, 2007. С. 87–109.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Рыжикова Т. Р. Фонетические преобразования в позициях сандхи в тувинских аналитических конструкциях // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 230–242.

Уртегешев Н. С., Селютина И. И., Рыжикова Т. Р., Вильданов А. З. Язык барабинских татар // Языки коренных народов Сибири. Вып 10. Экспедиционные материалы. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 2003. С. 78–106.

Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А. Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Урало-алтайские исследования. 2009. № 1. С. 100–115.

Успенский Б. А. Структурная типология языков. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. 287 с.

Успенский Б. А. Проблема универсалий в языкознании // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 5–30.

Федина Н. Н. Чалканский язык в трудах Н. А. Баскакова и в настоящее время // Языки коренных народов Сибири. Выпуск 17. Чалканский сборник. Новосибирск, 2005. С. 44–62.

Федина Н. Н., Широбокова Н. Н. Фонетические и морфологические особенности чалканского языка. Новосибирск: Академиздат, 2019. 188 с.

Хисамитдинова Ф. Г., Хусаинова Г. 2020. № 1–2 (26–27). С. 81–87.

Хромов С. С. Интонация как универсалия // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2013. № 1 (17). С. 84–91.

Чедыген: Сб. произведений шорской литературы на шорском и русском языках / Сост. Л. И. Чульжанова, Г. В. Косточаков, Л. Н. Арбачакова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 227 с. (Прил. к журн. «Огни Кузбасса». № 28).

Черемисина М. И. Основные типы аналитических конструкций сказуемого в тюркских языках Южной Сибири // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 1995. Вып. 2. С. 3–22.

Чертыкова М. Д. Лексико-семантические группы хакасских глаголов. Учебное пособие. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2014. 100 с.

Чертыкова М. Д. Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности): учебно-методический комплекс по дисциплине: словарь-справочник. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2016. 172 с.

Чисняков Э. Ф. Учебник шорского языка. Кемерово: Кемеровское кн. изд-во, 1992 а. 318 с.

Чисняков Э. Ф. Графика и орфография шорского языка. Кемерово, 1992 б. 61 с.

Чугунекова А. Н. Глаголы движения в хакасском языке. Учебное пособие. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2002. 100 с.

Чугунекова А. Н. Глаголы действия и состояния в хакасском языке. Опыт функционально-семантического анализа. Абакан: Изд-во ФГБОУ ВПО «Хакасский гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова», 2012. 120 с.

Чумакаева М. Ч. Согласные алтайского языка (на основе экспериментально-фонетических исследований). Горно-Алтайск, 1978. 244 с.

Шамина Л. А. Аналитические конструкции сказуемого в тувинском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 2. Новосибирск, 1995. С. 23–39.

Шамина Л. А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск: Любава, 2010. 240 с.

Шапошникова И. В. Ипостаси вербальной культуры: универсальное в специфичном // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 199–215.

Шенцова И. В. Акциональные формы глагола в шорском языке. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. 147 с.

Широбокова Н. Н. Отношения якутского языка к тюркским языкам Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Якутск, 2000. 48 с.

Щерба Л. В. Фонетика французского языка. Л.; М.: Учпедгиз, 1937. 256 с.

Юлдашев А. А. Глагольные аналитические формы в тюркских языках. М.: Наука, 1965. 275 с.

Языки коренных народов Сибири. Вып. 7: Экспедиционные материалы. Ч. I. Образцы текстов на тубаларском и чалканском языках. Новосибирск, 2003. 204 с.

Языки коренных народов Сибири. Вып. 15: Чалканский сборник. Новосибирск, 2004. 178 с.

Языки коренных народов Сибири. Вып. 17: Чалканский сборник. Новосибирск, 2005. 152 с.

Языковые универсалии и лингвистическая типология. М.: Наука, 1969. 343 с.

Bailey T. M., Hahn U. Determinants of wordlikeness: Phonotactics or lexical neighborhoods? // *Journal of Memory and Language* 44, 2001. P. 568–591.

Brown G., Currie K., Kenworthy J. Questions of intonation. London: Croom Helm, 1980.

Cohen A., Collier R., 't Hart J. Declination: construct or intrinsic feature of speech pitch? // *Phonetica* 39, 1982. P. 254–273.

Comrie B. Language universals and linguistic typology: syntax and morphology. Oxford: Blackwell, Chicago: University of Chicago Press, 1989. Ed. 2. 264 p.

Cooper W., Sorensen J. Fundamental Frequency in Sentence Production. Heidelberg: Springer, 1981.

Crothers J. Typology and universals of vowel systems / Greenberg, ed. // *Universals of human language*. Vol. 2: Phonology. Stanford: Stanford University Press, 1978. P. 93–152.

Ferguson Ch. A. Universals of nasality // *Working Papers on Language Universals*. 1974. № 14. P. 1–16.

't Hart J., Collier R., Cohen A. A perceptual study of intonation: An experimental-phonetic approach. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

Ladd D. R. Declination: a review and some hypotheses // *Phonology Yearbook*, №1, 1984. P. 53–74.

Ladd D. R. Intonational Universals and Intonational Typology in book: *Language typology and language universals: An international handbook*. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft Vol. 1–2.), eds. Haspelmath M., König E., Oesterreicher W., Raible W. Mouton de Gruyter, 2001. P. 1380–1390.

Lévi-Strauss C. Les structures élémentaires de la parenté. Paris, 1949.

Lieberman M., Pierrehumbert J. Intonational invariance under changes in pitch range and length. In book: *Language Sound Structure*, eds: Aronoff M. and Oerhle R. Cambridge MA: MIT Press, 1984. P. 157–233.

Lieberman Ph. Intonation, Perception, and Language. Cambridge MA: MIT Press, 1967.

Lindau M. Testing the Model of Intonation in a Tone Language // *Journal of the Acoustical Society of America*, № 80, 1986. P. 757–764.

Maddieson I. In search of universals // *Proceedings of the 14th International Congress of Phonetic Sciences*, 1–7 August 1999, San Francisco. P. 2521–2528.

Pericliev V. Implicational phonological universals // *Folia Linguistica. Acta Societatis Linguisticae Europaeae* / Ed. by T. Fanego. De Gruyter Mouton, 2008. Vol. 42, no. 1. P. 195–225.

Pike K. L. The Intonation of American English. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1945.

Sapir E. Culture, Genuine and Spurious // *The American Journal of Sociology*. 1924. № 29 (4). P. 401–429.

Selyutina I. Palatal synharmonism in the Turkic languages of South Siberia // *Turcologica* 46. Studies on Turkish and Turkic Languages. Wiesbaden, 2000. P. 27–32.

The Konstanz Universals Archive. URL: <https://typo.uni-konstanz.de/archive/intro/> (дата обращения 9.03.2021).

Thorsen N. A study of the perception of sentence intonation: Evidence from Danish // *Journal of the Acoustical Society of America*, № 67, 1980. Pp. 1014–1030.

Trubetzkoy N. S. Grundzüge der Phonologie. Travaux du Cercle Linguistique de Prague. VII. Prague, 1939.

Tylor E. B. Primitive culture: researches into the development of mythology, philosophy, religion, language, art, and custom. London, 1871. 468 p.

Universals of language. Report of a conference held at Dobbs Ferry, New York, April 13–15, 1961 // ed. by J. H. Greenberg. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1963. P. x + 269.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Источники на чалканском языке

ЯКНС – Языки коренных народов Сибири. Вып. 7: Экспедиционные материалы. Ч. I. Образцы текстов на тубаларском и чалканском языках. Новосибирск, 2003. С. 141–189.

Источники на хакасском языке

Ай-Хуучын – Хакасский героический эпос: «Ай-Хуучин» / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и коммент., прил. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 16. С. 62–423).

Источники на шорском языке

КкКК – *Таннагашев В. Е.* Шорское героическое сказание «Кўннў кўрген Кўн Кўк» // Сказания шорского кайчи В. Е. Таннагашева / отв. ред. Е. Н. Кузьмина. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2015. 318 с. С. 53–143.

Чедыген: Сб. произведений шорской литературы на шорском и русском языках / Сост. Л. И. Чульжанова, Г. В. Косточаков, Л. Н. Арбачакова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 227 с. (Прил. к журн. «Огни Кузбасса». № 28).

Источники на тувинском языке

А.Д.Ч.к. – *Даржай А. А.* Чурттаарын күзезинзе: тоожулар, чечен чугаалар. Кызыл: ТывНУЧ, 1984. 200 ар.

Б-К,Б-Ш. – Боктуг-Кириш, Бора-Шээлей // Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. С. 298–527).

С.С.Т.к. – *Сүрүң-оол С. С.* Тывалаар кускун. Кызыл: ТывНУЧ, 1994. 349 ар.

Х-К. – Хунан Кара // Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. Новосибирск: Наука, 1997. 584 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 12. С. 54–297).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ И УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

ААБ – артикуляционно-акустическая база

АК – аналитическая конструкция

АЧ – абсолютная частотность

БВК – бивербальная конструкция

ВГ – вспомогательный глагол

ГАК – глагольная аналитическая конструкция

Дееприч. – деепричастие

ИК – интонационная конструкция

КП – коэффициент поправки

л. – лицо

ЛЭФИ ИФЛ СО РАН – Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН

м – минута

мн. ч. – множественное число

МФА – Международный фонетический алфавит

ОГ – основной глагол

ОЧ – относительная частотность

с – секунда

с. – страница

ТДАК – трехкомпонентная деепричастная аналитическая конструкция

УУФТ – Универсальная унифицированная фонетическая транскрипция

Шор. – шорский язык

ЯКНС – Языки коренных народов Сибири

A – акцентуация
C – согласный звук, консонантизм
H – гармония гласных
L – слово
RM – ритмомелодика
S – силлабика
T – тональность
Tv – основа глагола
V – гласный звук, вокализм
V^{всп.} – вспомогательный глагол
V₁, V₂, V₃ – глагольные компоненты АК
= – слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой умеренной паузе
/=/ – слогораздел, соответствующий внутренней межслоговой сильной паузе
{ } – в тувинском языке и фольклоре: 1) в формульном представлении ГАК – пре- и постпозитивное слово, не относящееся к ГАК, но фонетически сливающееся с ним (полностью или частично); 2) при транскрибировании фольклорных текстов в фигурные скобки заключается звуковой комплекс, в котором все компоненты либо фарингализованные: ^h{ }, либо эпиглоттализированные: ^ʕ{ }, либо и фарингализованные, и эпиглоттализированные: ^{hʕ}{ }.

**ПЕРЕЧЕНЬ КУЛЬТУРНЫХ УНИВЕРСАЛИЙ:
ПОНЯТИЙНЫЕ РЯДЫ¹²**

1. Богатство / (достаток) / бедность
2. Вера / (сомнение) / неверие
3. Власть / подчинение (исполнение)
4. Дискретность / непрерывность
5. Добро / зло
6. Душевные и социальные качества человека (ум / глупость, сила / слабость, смелость / трусость, трудолюбие / лень и др.)
7. Жизнь / смерть (бытие / небытие)
8. Запрет / разрешение
9. Здоровье / болезнь
10. Знание / незнание
11. Красота / уродство
12. Любовь / ненависть
13. Порядок / беспорядок
14. Правда (истина) / ложь
15. Правильное / неправильное
16. Право / обязанность
17. Радость / горе
18. Сакральное / профанное (высокое / низкое)
19. Свобода / несвобода
20. Слава / позор
21. Сопричастность / чуждость (свое / чужое)
22. Статика / динамика
23. Стыд (совесть) / бесстыдство
24. Счастье / несчастье
25. Удача / неудача
26. Удовольствие / страдание
27. Хорошо / плохо
28. Чистота / грязь

¹² Перечень культурных универсалий цитируется по: [Дампилова и др., 2020: 24–25]. Позднее авторами были добавлены категории мужское / женское, простое / сложное, активность / неактивность.

ПЕРЕЧЕНЬ КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ И ИХ ТИПОВЫХ РЕАЛИЗАЦИЙ ¹³

№ п/п	Наименование кода	Примеры реализации кода
1	Пространственный	Родина, чужбина, вражеская земля, верхний, средний, нижний миры, сакральный топос, стороны света, пространство инобытия, пространство человеческого бытия, пространство обитания духов и божеств, горизонталь, вертикаль, лево – право, дом, жилище, лес, дремучий бор, поле, ущелье и др.
2	Темпоральный	Годичный цикл, календарь, суточное время, обрядовое время, время первотворения, время жизни человека и др.
3	Космонимический	Небесные объекты: Солнце, радуга, северное сияние, Луна, звезды, Млечный путь, затмение солнца, затмение луны и др.
4	Природный	Стихии природы: огонь, вода (в том числе ливень, дождь), земля, воздух (в том числе ветер, ураган)
5	Минералогический	Природные минералы и металл (золото, серебро, медь), камень и др.
6	Фитонимический	Растения, характерные / нехарактерные для данного ареала и получившие образное воплощение в национальной

¹³ Перечень культурных кодов цитируется по: [Дампилова и др., 2020: 25–26].

		культуре (ядовитые, съедобные, применяемые в знахарской практике), их названия, свойства, метафорические наименования растений (мать-и-мачеха) и др.
7	Зоонимический	Животные, характерные / нехарактерные для данного ареала и получившие образное воплощение в национальной культуре (звери, птицы, рыбы, насекомые, черви), их функциональные роли, свойства шкуры, зубов, когтей, шерсти и др.
8	Персонажный	Типы культурных героев (трикстер, конкистадор и др.), божество, дух, хтонические существа, человек, зверь и др., активно действующие герои повествования и второстепенные персонажи
9	Акциональный	Сотворение, созидание, разрушение, почитание, пренебрежение и т. д. – культурно значимые, нагруженные символическим смыслом действия
10	Вербальный	Прозаическая речь, рифмованная речь, ритмизованная речь, вербальные заклинания, устойчивые выражения, табуированная лексика, молитва, реплики, возгласы, восклицания участников и др.
11	Психосоматический	Эмоциональные состояния и их проявления (радость, счастье, тоска, горе, смех, слезы, гнев и др.), пограничные состояния (сон, транс и др.), рождение, смерть, тело, телесные проявления (болезнь, исцеление) и др.
12	Музыкальный / звуковой	Интонируемая речь, пение, исполнение мелодии на музыкальном инструменте, речитатив, сказительская практика,

		особенности интонирования, мелодии, песни, стук, грохот, выкрики, молчание и др.
13	Социальный	Семья, внутрисемейные отношения, термины родства, семейные роли, иерархия семейных ролей, инициация, кровное родство, родство по браку, вертикальная линия родства, горизонтальная линия родства, предбрачные испытания, сватовство, брак, свадьба, брачные отношения, соперник, соперница. Общественная иерархия, общественные роли (глава, шаман, воин, богатый владелец стада и т. д., хозяин – работник и др.)
14	Пищевой	Ритуальная еда, пищевые запреты и др.
15	Артефактный	Предметы, созданные человеком, – орудия труда, музыкальные инструменты, ритуальные предметы, одежда, оружие, игрушки, волшебные предметы и др.
16	Цветовой	Сегменты цветового спектра, имеющие символическое значение для той или иной национальной культуры
17	Числовой	Символика чисел, сакральное число, четный – нечетный и др.

ТРАНСКРИПЦИОННАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В монографии используется классификация гласных и согласных звуков речи, а также транскрипционная система, разработанная В. М. Наделяевым [1960].

Ниже представлены схемы речевого аппарата в сагиттальном разрезе с левым разворотом головы, на которых обозначены отделы резонаторной полости, активные и пассивные органы артикуляции (Рис. 1–2), а также приводятся таблицы согласных и гласных звуков речи и таблица диакритических знаков с уточнениями и дополнениями, внесёнными в уже существующую в УУФТ систему единиц (Табл. 1–3).

Артикуляционная классификация согласных

Для унифицированного классифицирования звуков необходимо учитывать особенности анатомического строения произносительного аппарата и потенциальные возможности артикулирующих органов; для непротиворечивого и последовательного описания и трактовки настроек следует выработать единую систему символов для обозначения органов речи.

Используемая в исследовании анатомическая символика приведена на Рис. 2.

Активные органы речи (обозначены строчными латинскими буквами и римскими цифрами):

нижняя губа (I) – губные (лабиальные) согласные;

спинка языка (II), (контур a–g) – язычные согласные:

кончик языка (a) – переднеязычные кончиковые (апикальные), вершинковые (какуминальные), отогнутовершинковые (ретрофлексные) согласные;

передняя часть спинки языка (b) – переднеязычные спинковые (дорсальные) согласные;

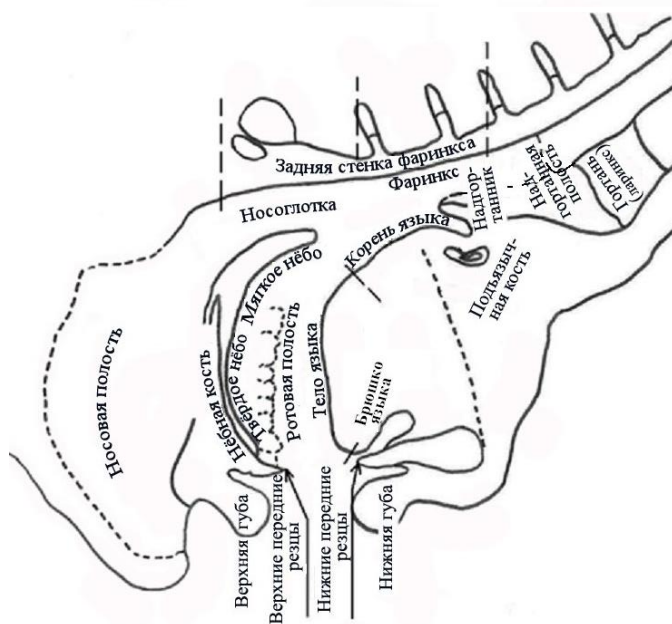

Рис. 1. Схема речевого аппарата

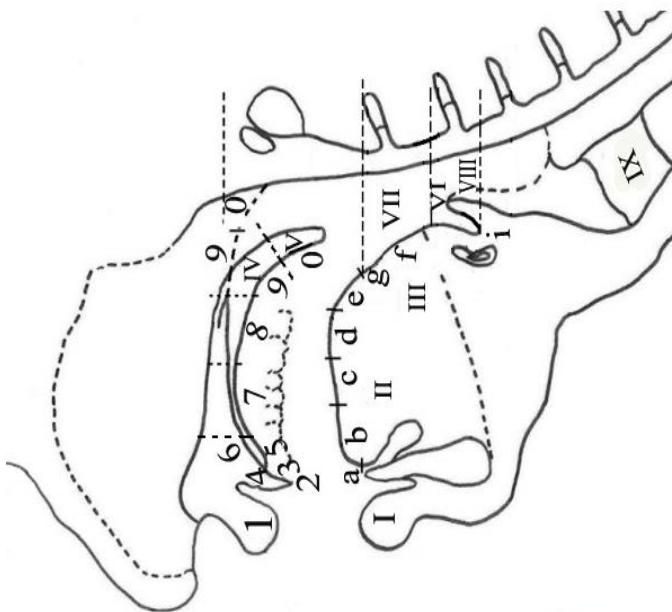

Рис. 2. Схема активных и пассивных органов речи

средняя часть спинки языка (с) – среднеязычные согласные;

межуточная часть спинки языка (d) – межуточноразличительные согласные;

задняя часть спинки языка (е) – заднеязычные согласные;

корень языка (f; III), (контур g–i) – корневые согласные (см. ниже: верхне- и нижнефарингальные согласные);

мягкое нёбо (IV) – мягконёбные (велярные) согласные;

маленький язычок (V) – язычковые (увулярные) согласные;

надгортанник (VI) – надгортанниковые (эпиглоттальные) согласные;

подвижные стенки верхней, точнее, средней части глотки (фаринкса) и средне-верхняя часть корня языка (VII) – верхнеглоточные (верхнефарингальные);

подвижные стенки нижней части глотки (фаринкса), и средне-нижняя часть корня языка (VIII) – нижнеглоточные (нижнефарингальные) согласные¹⁴;

голосовые связки в гортани (IX) – гортанные (ларингальные).

¹⁴ Результаты анализа инструментального материала по языкам народов северо-восточной Евразии, полученного соматическими методами исследования, указывают на целесообразность разбиения глоточного отдела резонаторной полости (от гортани до носоглотки) на три части: зевную, корневую и надгортанную. В артикулировании и модулировании звуков речи важную роль играет корневая зона глотки (VII, VIII), в то время как задняя стенка зевной части может выступать только в роли пассивного звукообразующего органа, а надгортанный отдел резонатора – только в роли модулятора.

Довольно продуктивный в речеобразовании корневой отдел глотки (фаринкса) делится на две неравные части. В обоих основным взаимно активно-пассивным органом являются подвижные стенки соответствующей части глотки и корня языка: в верхней части корневой области фаринкса (VII), составляющей примерно 3/5 его, – средне-верхняя, а в нижней (VIII), составляющей 2/5 его, – средне-нижняя часть корня языка.

Пассивные органы речи (обозначены арабскими цифрами):

верхняя губа (1) – губные;

край верхних передних зубов (2) – краезубные;

задняя (лингвальная) поверхность передних верхних зубов (3) – зазубные;

передний (дентальный) склон альвеолярного валика (от корней передних верхних зубов до гребня альвеол) (4) – переднеальвеолярные (преальвеолярные);

гребень альвеол (5) – альвеолярные;

задний (лингвальный) склон альвеолярного валика (6) – заднеальвеолярные (постальвеолярные, заальвеолярные);

передняя часть твёрдого нёба (первая половина твёрдого нёба от основания альвеолярного валика до середины твёрдого нёба) (7) – переднетвёрдонёбные;

задняя часть твёрдого нёба (вторая половина от середины твёрдого нёба до мягкого нёба, условно отграниченного перпендикуляром, опущенным из конца нёбной кости) (8) – заднетвёрдонёбные;

передняя часть мягкого нёба (первая половина) (9) – переднемягконёбные;

задняя часть мягкого нёба (вторая половина до кончика маленького язычка) (0) – заднемягконёбные;

задняя стенка зевной части глотки – пассивно-верхнеглоточные (пассивно-верхнефарингальные) согласные.

Рассмотрим универсальную унифицированную фонетическую систему согласных звуков, разработанную В. М. Наделяевым и получившую в дальнейшем развитие на материале многочисленных языков народов Сибири и сопредельных регионов (Таблица 1).

В таблице УУФТ два измерения: по одной из координат (по вертикали) звуки дифференцируются согласно способу продуцирования шумообразующей преграды, по другой (по горизонтали) – с учётом основного активного артикулирующего органа. Остальные классификационные признаки согласных отражены в таблице путём разбиения соответствующих клеток.

Типы согласных по основному активному (преградообразующему)

По способу образования преграды (с уточнением по напряжённости или по дополнительной работе голосовых связок)				По основному активному органу (с уточнениями по его конфигурации и по пассивному органу)		Губные		Переднеязычные						
						по пассивному органу		по конфигурации передней части спинки языка						
						губные	зубные	спин- ковые	кончи- ковые	верши- нковые				
Простые	Смычные			сильные-слабые	p	b	p ₂	b ₂	t̥	d̥	ṭ	ḍ	t̰	d̰
				глухие-звонкие										
				сверхслабые	m̥	m	ṃ	ṃ	n̥	ṇ	ṇ̥	ṇ	n̰	ṇ̰
				глухие-звонкие										
	Щелевые	срединные	плоскощелевые	сильные-слабые	φ	β	f	v	θ̥	ð̥	θ̣	ð̣	ʃ̰	ʒ̰
				глухие-звонкие				ʃ̣	ʒ̣	ʃ̣	ʒ̣	ʃ̣̣	ʒ̣̣	
				сверхслабые		β̥		v̥					ɹ̥	
				глухие-звонкие										
		круглощелевые	сильные-слабые	w̥	w			s̥	z̥	ṣ̥	ẓ̥	s̰̣	z̰̣	
			глухие-звонкие											
			сверхслабые		w̥̣			z̥̣		ẓ̥̣				
			глухие-звонкие											
		боковые	сильные-слабые							ɬ̥		ɬ̰̣		
			глухие-звонкие											
			сверхслабые											
			глухие-звонкие								ɬ̣̣		ɬ̣̣̣	
	Мгновенно-преградные				сильные-слабые	ṗ	ḃ				ɾ̥		ɾ̰̣	
					глухие-звонкие									
					сверхслабые									
					глухие-звонкие								ɾ̣̣	
Сложные	Смычнощелевые	срединные	плоскощелевые	pφ	bβ	p ₂ f	b ₂ v		t̥θ̥	d̥ð̥	t̰̣	d̰̣̣		
			круглощелевые	p̣w	ḅw			ṭs	ḍz	ṭṣ̣	ḍẓ̣			
		боковые							ṭ̣̣	ḍ̣̣̣				
	Щелиносмычные	срединные	плоскощелевые						f̣ṭ	ḍ̣ḍ̣̣				
			круглощелевые						sṭ̣̣	zḍ̣̣̣				
		боковые							f̣̣̣̣	lḍ̣̣̣̣̣				
	Щелиносмычнощелиные	срединные	плоскощелевые											
			круглощелевые											
		боковые												

Таблица 1

органу и способу образования преграды

	Средне-язычные	Межуточно-язычные	Задне-язычные	Язычковые	Глоточные		Надгортанные	Гортанные
					верхние	нижние		
отогнутовершинковые								
t d	h ɸ	k ɡ	k ɡ	q ɢ	q ɢ	q ɢ	β ɓ	ʔ ʕ
ṯ ḏ	ḥ ḡ	ḵ ḡ	ḵ ḡ	ḵ ḡ	ḵ ḡ			
	ç ĵ	ʁ ɣ	x ɣ	χ ɀ	x ɀ	h ɦ	ɸ ɸ	ʔ ʕ
	j	ɣ	ɣ	ɀ	ɀ			
ʃ ʒ								
	λ							
	λ							
				χ ɀ	ɀ ɀ			
ɾ				ɀ				
	ħ ɣ	ħ ɣ	ħ ɣ	ħ ɢ	ħ ɢ			
			xkx	χqχ				

По способу образования все согласные разделены на простые (смычные, щелевые, мгновеннопреградные, то есть дрожащие, вибранты) и сложные (смычно-щелевые, щелино-смычные, щелино-смычно-щелиные); простые щелевые различаются в зависимости от локализации щели как срединные и боковые, срединные, в свою очередь, делятся по форме щели на плоскощелевые и круглощелевые. Аналогичное разбиение проводится в классе сложных артикуляций в соответствии с расположением и формой щелевого компонента сложного звука.

Последовательно проводя систематизацию согласных настроек по основному активному артикулирующему органу – от губных до гортанных (горизонтальная головка таблицы), УУФТ содержит уточнения, имеющие типологическую значимость: по пассивному органу произношения для губных – губно-губные, губно-зубные; по конфигурации передней части спинки языка для переднеязычных – спинковые (дорсальные), кончиковые (апикальные), вершинковые (какуминальные), отогнутовершинковые (ретрофлексные); по локализации шумообразующей преграды для глоточных – верхнеглоточные, нижнеглоточные. Позднее в классе язычных согласных кроме передне-, средне- и заднеязычных были выделены межзубноязычные настройки¹⁵.

Помимо указанных характеристик звуков, в таблице УУФТ проводится систематизация согласных по параметрам глухости /

¹⁵ В традиционной фонетике принято выделять только три части спинки языка – переднюю, среднюю и заднюю. Но анализ большого экспериментального материала по языкам народов Сибири показал высокую частотность настроек гласных и согласных звуков, образующихся при активной работе межзубной части спинки языка, которая определяется следующим образом: вся спинка делится на три части; первая, прилегающая к кончику языка, – передняя; часть, оставшаяся после выделения передней части, снова делится на три: среднюю, межзубную и заднюю (можно привести вспомогательные формулы: $b = ag:3$; $c = d = e = (ag-b):3$, где a – кончик языка, g – точка, разграничивающая спинку и корень языка). Межзубноязычные согласные имеют постоянную слабопалатализованную окраску.

звонкости и по силе / слабости артикуляции путём условного деления каждой клетки таблицы: слева располагается глухой (более сильный) звук, справа – его звонкий (более слабый) коррелят.

Артикуляционная классификация гласных

Ниже представлена универсальная классификация гласных, разработанная на материале как индоевропейских языков, так и сибирских языков различных семей [Наделяев 1960: 32–48, 66; 1980: 28–32, 41].

Классификация структурируется по признакам артикуляторного ряда (5 рядов), степени отстояния (6 ступеней), наличия / отсутствия лабиализации.

При исследовании гласных параметры настройки определяются по её основным компонентам: контур активности (КА), наименьшая прямая (НП) и нёбный локус (НЛ). Контуром активности (КА) называется участок превышения на контуре спинки языка в виде выпячивания одной из его частей или перемещения всего контура спинки в сравнении с нейтральным положением. На этом же участке при локальном крутом (КА-1) и локальном пологом (КА-2) контурах активности маркируется наивысшая точка – максимум превышения (МП). При глобальном контуре активности (КА-3), при котором весь корпус языка равномерно активно участвует в создании нижней стенки резонатора в полости рта, МП не отмечается. Наименьшая прямая (НП) проводится из точечного превышения на контуре спинки языка на контур нёбного свода. Точка пересечения на контуре нёбного свода обозначается как НЛ (нёбный локус). Сопоставление локализаций выявленных компонентов – нёбного локуса и максимального превышения (МП) на контуре активности с векторными формулами пяти рядов классификации гласных позволяет по наибольшему приближению к одной из формул [Наделяев 1980] определить рядность настройки гласного.

Первый (передний) ряд: векторная направленность – с (средняя часть спинки языка); при фиксации нёбного локуса начала вектора на середине передней части контура твердого нёба, т. е.

НЛ-7, – *основной*, 6 ступеней снижения; при НЛ-78, т. е. при фиксации нёбного локуса начала вектора в зоне середины контура твёрдого нёба, – *слабоотодвинутый*, 6 ступеней снижения; при НЛ-8 – при фиксации НЛ в зоне задней части твёрдого нёба, – *сильноотодвинутый*, 6 ступеней снижения.

Второй (центральный) ряд: векторная направленность – с (средняя часть спинки языка); НЛ-89, т. е. нёбный локус начала вектора фиксируется на границе твёрдого и мягкого нёба. Только *основной*, 4 типовых ступени снижения. Для обозначения центральнорядных настроек используются знаки заднерядных настроек соответствующих степеней снижения с диакритическим знаком «умлаут».

Третий (центральнозадний) ряд: векторная направленность – d (межуточная часть спинки языка); *основной* – НЛ-9 (нёбный локус начала вектора – на середине передней части мягкого нёба), 6 ступеней снижения; *слабовыдвинутый* – НЛ-89 (нёбный локус – в пограничной зоне мягкого и твёрдого нёба), 6 ступеней снижения; *сильновыдвинутый* – НЛ-8 (нёбный локус на задней части твёрдого нёба), 6 ступеней снижения. Для обозначения центральнозаднерядных настроек используются литеры заднерядных настроек с диакритическим знаком «точка над буквой».

Четвёртый (задний) ряд: векторная направленность – e (задняя часть спинки языка); *основной* – НЛ-90 (нёбный локус начала вектора – на середине мягкого нёба), 6 ступеней снижения; *слабовыдвинутый* – НЛ-9 (нёбный локус – на середине передней части мягкого нёба), 6 ступеней снижения; *сильновыдвинутый* – НЛ-89 (нёбный локус – на границе мягкого и твёрдого нёба), 6 ступеней снижения. Специальные знаки неогубленных и огубленных вокальных настроек по 6 типовым ступеням снижения этого ряда приведены ниже.

Пятый (смешанный) ряд: общая направленность векторов на весь контур спинки языка *ag*; *основной* – линейный нёбный локус НЛ-59 (от гребня альвеол до половины передней части мягкого нёба включительно), 6 ступеней; *выдвинутый* – нёбный локус НЛ-(3)89 (от переднего склона альвеол до задней части

твёрдого нёба включительно), 6 ступеней; *отодвинутый* – линейный нёбный локус НЛ-670 (от передней части твёрдого нёба до половины задней части мягкого нёба включительно), 6 ступеней. Для неогубленных вокальных настроек используются специальные литеры, для огубленных – знаки огубленных настроек четвёртого (заднего) ряда с диакритическим знаком «подчёркивание».

Классификация гласных представлена в Таблице 2.

Таблица 2

Основные типы гласных

Ряды Ступени	переднерядные индекс-7		смешаннорядные индекс-59		центрально- заднерядные индекс-89		централь- но- заднерядные индекс-9		заднерядные индекс-90
1	i	y	Ы	Ѹ	й̥	й̥̄	й̥̇	й̥̈	ш
2	ɪ	ʏ	ь	Ѹ̄	й̥̇	й̥̈̄	й̥̈̇	й̥̈̈̄	ш̄
3	e	ø	э	о̇	й̥̈̇	й̥̈̈̇	й̥̈̈̇̄	й̥̈̈̈̇	ш̇
4	ɛ	æ	з	о̇̄	й̥̈̈̇̄	й̥̈̈̈̇̄	й̥̈̈̈̇̄̄	й̥̈̈̈̈̇̄	ш̇̄
5	ǣ	ǣ̄	э̄		о̇̄̄		а̇̄	а̇̄̄	а̇̄̄̄
6	a	ǣ̄̄	е̄̄̄		о̇̄̄̄		а̇̄̄̄	а̇̄̄̄̄	а̇̄̄̄̄̄

Система диакритических знаков

Диакритика – это система специальных дополнительных значков при буквенных обозначениях звуков, являющихся различительными символами [Ахманова 1966: 159; Надеяев 1960].

При изучении языковой материи крайне важно учитывать мельчайшие нюансы артикулирования звуков, поскольку специфика артикуляционно-акустических баз близкородственных языков, диалектов одного языка или говоров одного диалекта определяется зачастую весьма тонкими различиями произносительных норм. В процессе общения с незнакомым собеседником вполне достаточно незначительных расхождений в степени (слабая или умеренная) палатализованности или веляризованности для идентификации говорящего как представителя определённой этнической группы, носителя того или иного говора или диалекта, для выявления места его проживания. Кроме того, в фонологической системе языка степень выраженности той или иной характеристики может выступать в роли дополнительного конститутивно-дифференциального признака фонем, например: шор. эм «ḡ'z'm'>» 'лекарство' (m'> – слабопалатализованный согласный), в то время как эм «ḡ'z'm'>» 'дом' (m'> – умереннопалатализованный согласный).

Диакритическая система УУФТ представлена ниже в Таблице 3.

Таблица 3

**Диакритические знаки
в транскрипционной системе УУФТ**

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ АРТИКУЛЯЦИЯ		
Л а б и л и з а ц и я		
Тип	Диакритика	Расположение
уточняется при описании	°	C°
П а л а т а л и з а ц и я		
Степень	Диакритика	Расположение
слабая	·	C'
умеренная	'	C'
сильная	''	C''
сверхсильная	'''	C'''

В е л я р и з а ц и я		
Степень	Диакритика	Расположение
слабая	ɐ	Є
умеренная	ɨ	С
сильная	≈	Є
Н а з а л и з а ц и я		
Степень	Диакритика	Расположение
слабая	ɨ	$\tilde{V}, \tilde{S}$
умеренная	ɨ	$\tilde{V}, \tilde{S}$
сильная	≈	$\tilde{V}, \tilde{S}$
Ф а р и н г а л и з а ц и я		
Тип	Диакритика	Расположение
начальная	/	V', C'
конечная	\	V', C'
срединная	˘	$V^{\sim}, C^{\sim}$
ровная	—	$V^{\sim}, C^{\sim}$
разлитая	,	$'C$
локальная краткая	,	V
Д е ф а р и н г а л и з а ц и я		
Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	ˆ	$V^{\sim}, C^{\sim}$
Л а р и н г а л и з а ц и я		
Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	ʔ	$C^{\text{ʔ}}$
А с п и р а ц и я		
Тип	Диакритика	Расположение
оральная	ˠ	$V^{\text{ˠ}}, C^{\text{ˠ}}$
гортанная	h	C^h
назальная	N	C^N
Ф а у к а л ь н о с т ь		
Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	+	C^+
Л а т е р а л ь н о с т ь		
Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	ˡ	$C^{\text{ˡ}}$

Э р и з о в а н н о с т ь		
Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	г̣	V ^г , Ṿ
В о к а л и з о в а н н о с т ь		
Тип	Диакритика	Расположение
нет	о̣	C _{о̣}
С М Е Щ Е Н И Е Т Е Л А Я З Ы К А		
П о в е р т и к а л и		
Степень	Диакритика	Расположение
<i>Приподнятость</i>		
слабая	⌞	V _⌞
умеренная	⌚	V _⌚
сильная	⌚⌞	V _{⌚⌞}
<i>Приопущенность</i>		
слабая	⌞	V _⌞
умеренная	⌚	V _⌚
сильная	⌚⌞	V _{⌚⌞}
П о г о р и з о н т а л и		
Степень	Диакритика	Расположение
<i>Продвинутость</i>		
слабая	⌞	V _⌞
сильная (умеренная)	⌚	V _⌚
сверхсильная (сильная)	⌚⌞	V _{⌚⌞}
<i>Отодвинутость</i>		
слабая	⌞	V _⌞
сильная (умеренная)	⌚	V _⌚
сверхсильная (сильная)	⌚⌞	V _{⌚⌞}
С М Е Щ Е Н И Е К О Р Н Я Я З Ы К А		
П о г о р и з о н т а л и		
Степень	Диакритика	Расположение
<i>Продвинутость</i>		
без уточнения	+	V ₊
<i>Отодвинутость</i>		
без уточнения	..	Ṿ

РАБОТА ГОЛОСОВЫХ СВЯЗОК		
З в о н к о с т ь		
Тип	Диакритика	Расположение
полная	˘	˘
начальная	˘	˘˘
конечная	˘	˘˘
Г л у х о с т ь		
Тип	Диакритика	Расположение
полная	ˆ	ˆ
начальная	ˆ	ˆ˘
конечная	ˆ	˘ˆ
С о н о р н о с т ь		
Тип	Диакритика	Расположение
без уточнения	˘	˘˘
К О Н Ф И Г У Р А Ц И Я П Е Р Е Д Н Е Й Ч А С Т И С П И Н К И Я З Ы К А		
Тип	Диакритика	Расположение
апикальный	˘	˘, ˘
дорсальный	˘	˘, ˘
какуминальный	˘	˘
ретрофлексный	˘	˘

А Ф Ф Р И К А Т Ы , Д В У Х Ф О К У С Н О С Т ь , К О М П О Н Е Н Т Ы З В У К А		
Тип	Диакритика	Расположение
аффриката	˘	˘˘
двухфокусность	˘, ˘	˘˘, ˘ – ˘
компоненты звука	˘	˘˘˘
Д Л И Т Е Л ь Н О С Т ь		
Тип	Диакритика	Расположение
сверхкраткий	˘	˘˘, ˘˘, ˘˘˘, ˘
краткий	нет	˘, ˘
полудолгий	˘	˘˘, ˘˘
долгий	˘	˘˘, ˘˘˘

сверхдолгий	: ~ : ~ ::	V: ~ V: ~ V::, C: ~ C: ~ C::
Д В У Х В Е Р Ш И Н Н О С Т Ь		
Тип	Диакритика	Расположение
двухвершинность	: ^x	C: ^x , CC
Н А П Р Я Ж Ё Н Н О С Т Ь		
Степень	Диакритика	Расположение
Г л а с н ы е		
сверхслабая	... [˘]	˘, ˘˘
слабая	` , =	˘˘, ˘˘˘
умеренная	˘	˘˘˘
сильная	^ , =	˘˘˘, ˘˘˘˘
С о г л а с н ы е		
сверхслабая	...	С˘˘
слабая	—	С˘˘˘
сильная	=	С˘˘˘˘
сверхсильная	≡	С˘˘˘˘˘
сильноначальная	>	С˘˘˘˘˘˘
сильноконечная	<	С˘˘˘˘˘˘
двухвершинная	×	С˘˘˘˘˘˘
М О Д И Ф И К А Ц И И Г О Л О С А		
Тип	Диакритика	Расположение
П р и д ы х а т е л ь н ы й		
без уточнения	..	С˘˘˘˘˘˘
С к р и п у ч и й		
без уточнения	˘	С˘˘˘˘˘˘
С М Ы Ч Н О С Т Ь С О Г Л А С Н Ы Х		
Тип	Диакритика	Расположение
И м п л о з и в н о с т ь		
без уточнения	>	С˘˘˘˘˘˘˘
Э к с п л о з и в н о с т ь		
без уточнения	<	С˘˘˘˘˘˘˘

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава I. АРТИКУЛЯЦИОННО-АКУСТИЧЕСКАЯ БАЗА КАК КУЛЬТУРНАЯ УНИВЕРСАЛИЯ	15
1.1. Универсалии культуры	16
1.2. Лингвистические универсалии	16
1.3. Артикуляционно-акустическая база как лингвистическая универсалия.....	23
Глава II. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ЮЖНОСИБИРСКИХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ	35
2.1. Чалканские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи	35
2.2. Шорские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи	58
2.3. Тувинские аналитические формы глагола: фонетические изменения в позициях сандхи	85
Глава III. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНЫХ АНАЛИТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В ЮЖНОСИБИРСКОМ ТЮРКСКОМ ЭПОСЕ	107
3.1. Глагольные аналитические конструкции в шорском фольклоре: специфика фонетических трансформаций.....	107
3.2. Глагольные аналитические конструкции в хакасском фольклоре: специфика фонетических трансформаций.....	143
3.3. Глагольные аналитические конструкции в тувинском фольклоре: специфика фонетических трансформаций.....	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	206
Литература	216
Приложения	229
<i>Приложение 1. Список источников</i>	<i>229</i>
<i>Приложение 2. Список сокращений и условных обозначений.....</i>	<i>230</i>
<i>Приложение 3. Перечень культурных универсалий: понятийные ряды.....</i>	<i>232</i>
<i>Приложение 4. Перечень культурных кодов и их типовых реализаций.....</i>	<i>233</i>
<i>Приложение 5. Транскрипционная база исследования.....</i>	<i>236</i>

Научное издание

Николай Сергеевич УРТЕГЕШЕВ, Ираида Яковлевна СЕЛЮТИНА,
Альбина Альбертовна ДОБРИНИНА, Татьяна Раисовна РЫЖИКОВА

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ
В АНАЛИТИЧЕСКИХ ФОРМАХ
ТЮРКСКОГО ГЛАГОЛА

Ответственный редактор доктор филологических наук
Ирина Витальевна ШЕНЦОВА

Подписано к печати 25.10.2021 г. Формат 60×84¹/₁₆ Гарнитура Times
Усл. печ. л. 15,5 Уч.-изд. л. 11,15 Тираж 300 экз. Заказ № 216

ООО «Академиздат»
630090, Новосибирск, пр-т. ак. Лаврентьева, 6/1
Тел. (383) 380-65-20. E-mail: www.academizdat.com